

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 16 № 3 (2019)

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: sinyachkin-vp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Бакhtикирева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova-o@rudn.ru

SMM-менеджер

Данилова Стефания Антоновна,
Санкт-Петербургский университет

Технический секретарь редакции

Токарева Надежда Андреевна,
Российский университет дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Кангагарджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедево Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Судейменова Элеонора Джосеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; E-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 15.09.2019. Выход в свет 29.09.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 13,22. Тираж 500 экз. Заказ № 1100. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 16 No. 3 (2019)

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: sinyachkin-vp@rudn.ru

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University
of Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

SMM-manager

Danilova Stefania,

St. Petersburg University, Russia

Technical secretary

Tokareva Nadezhda,

Peoples' Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masharov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. William Firman — Indiana University, USA

Prof. Dr. Venera Amineva — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Prof. Dr. Eleonora Suleimenova — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index (RSCI), by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, DOAJ, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; E-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

К читателям [To Our Readers]	306
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ/LANGUAGE CONSCIOUSNESS	
Косенко В.С. Исследование влияния изображения и вербального текста на восприятие креолизованного текста (экспериментальное исследование) [Kosenko V.S. The Impact of a Creolized Text Non-verbal and Verbal Parts on its Perception (an Experimental Study)]	310
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ/LANGUAGES IN CONTACT	
Хакуашева М.А., Казиева А.М. Особенности современного билингвизма и его кризиса (на примере национальных языков КБР) [Khakuasheva M.A., Kazieva A.M. Features of Modern Bilingualism and its Crisis (for Example, the National Languages of the CBR)]	322
Тхагазитов Ю.М., Казиева А.М. Истоки современного адыгского (северокавказского) литературного билингвизма (К 225-летию со дня рождения Шоры Ногмова) [Thagazitov Yu.M., Kazieva A.M. Origins of Modern Adyghe (North Caucasian) Literary Bilingualism (To the 225th Anniversary of the birth of Shora Nogmov)]	330
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ/LITERARY DIMENSION	
Kellman S.G. Literary Translingualism: What and Why? [Келлман С.Г. Литературный транслингвизм: что и почему?]	337
Лебедева Е.С., Лупачева Т.А. Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингвов..... [Lebedeva E.S., Lupacheva T.A. Linguistic and Stylistic Features of Translingual Writers: Comparative Analysis]	347
Базиева Г.Д., Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская литература и проблемы этнической идентичности [Baziyeva G.J., Uzdenova F.T. Karachai-Balkar Literature and Ethnic Identity Problems]	358
Shanayev R.U., Dzholdasbekova B.U., Tumanova A.B. Stereotypes of Speech as Indicators of the Ethnic Belonging to Russian-Language Writers of Kazakhstan..... [Шанаев Р.У., Джолдасбекова Б.У., Туманова А.Б. Стереотипы речи как индикаторы этнической принадлежности к русскоязычным писателям Казахстана]	366
Подобрий А.В., Логинова М.А., Лукиных Н.В. Постоянны ли константы? [Podobry A.V., Loginova M.A., Lukinykh N.V. Are Constants Constant?]	375
Кучукова З.А., Берберова Л.Б. За какие произведения присуждают Нобелевскую премию, или художественное измерение романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» [Kuchukova Z.A., Berberova L.B. For What Works The Nobel Prize is Awarded Or Artistic Measurement of Kadzuo Ysiguro's Novel "Do Not Let Me Go"]	398
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА/THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION	
Роговец А.С. "What is Your Good Name?": некоторые аспекты перевода мультикультурных текстов [Rogovets A.S. "What is Your Good Name?": On Translating Multicultural Literature]	406
Шагимгереева Б.Е. Некоторые принципы художественного перевода с позиции билингвальной личности Бахыта Каирбекова [Shagimgereyeva Bakytgul. Some Principles of Literary Translation from the Position of the Bilingual Personality — Bakhyt Kairbekov]	415
БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ/BILINGUAL EDUCATION	
Кондракова Ю.Н. Изучение современного иврита в России: многообразие целей и пути их достижения [Kondrakova Yu.N. Study of Modern Hebrew in Russia: Variety of Goals and Ways to Achieve Them]	424
MEMENTO/MENTO	
Зейферт Е.И. Гачев ушел, но остался с нами [Zeifert E.I. Gachev Has Gone, but Still with Us]	443

Разделяя лучшее

К читателям

«РУДН — прекрасное место для изучения языковых контактов, в том числе и в пределах конкретной языковой личности», — отметил при встрече с деканом ФГСН Цвыком В.А. профессор Техасского университета Сан-Антонио Стивен Келлман, мировой эксперт в области транслингвизма и межкультурной коммуникации (его статью, подготовленную специально для нашего журнала, мы публикуем в данном выпуске).

Действительно, университет на протяжении многих лет является местом встречи языков и культур. Обучающиеся в его стенах — представители разных стран, и большинство студентов являются естественными билингвами в силу различных социально-исторических факторов. Ситуация на сегодняшний день такова, что языковая личность (и мы говорим сейчас об универсальной категории) должна принять вызов времени и качественно усложниться. Без знания второго, а зачастую и третьего, и четвертого языка трудно представить успешного специалиста и просто эффективно функционирующего в глобальной общественной системе индивида. И дело в первую очередь в воспитании в себе внутренней толерантности, которой способствует выход за пределы одной языковой системы и связанной с ней картины мира. Вот почему кафедра русского языка и межкультурной коммуникации активно развивает билингвальные направления в нескольких прикладных аспектах.

Первое из них — методическое. Сотрудники кафедры на протяжении многих лет разрабатывают учебные пособия по русскому языку для разных возрастов и уровней подготовки. Ребенку, погруженному в языковой климат другой страны (как обстоит ситуация с детьми соотечественников за рубежом, в том числе в Германии, Италии, странах Балтии и т.д.), важно изучать язык вместе с питающей его культурой. Принцип погружения в мир русского слова воплощен и в учебных пособиях для студентов, таких как «Формирование образов языкового сознания в процессе русского языка», «Намеки и метафоры в устной и письменной русской речи» и многие другие. Язык и культура неразрывно связаны. Все, что накоплено культурой за тысячелетия ее бытования, отражено в образах сознания, сформированных в результате жизнедеятельности людей. Разработанные специалистами кафедры тексты учитывают этот факт. Материалы подобраны так, чтобы теория и практика изучения русского языка привела студента к его усвоению на всех уровнях, включая глубинные.

Важнейшим направлением кафедры является научное исследование билингвизма. Всестороннему осмыслению этого феномена посвящена масштабная декабрьская конференция под эгидой МАПРЯЛ, которая проводится в РУДН ежегодно и носит статус международной. Изначально задуманная проф. У.М. Бахти-

киреевой как контекст-площадка для обмена мнениями о природе билингвизма и языковых контактов, конференция со временем стала одной из крупнейших в СНГ по заявленной проблематике. География участников очень широка: с докладами выступают ученые стран СНГ, Китая, Греции, Италии, Словакии, Франции, США и т.д. При поддержке кафедры проходит ежегодная конференция, организуемая РАН, — «Жизнь языка в культуре и социуме», где особое внимание уделяется вопросам билингвального языкового сознания.

Немаловажную роль в развитии билингвального направления кафедры играет студенческая конференция «Языки и культуры народов мира. Межкультурная коммуникация», по итогам которой ежегодно публикуется сборник студенческих работ. Молодые исследователи привносят в понимание феномена билингвизма факты и наблюдения из собственных языков и культур, в результате чего рождается новое знание и более полное понимание глобальной — общечеловеческой — коммуникации.

Большую роль в исследовании билингвизма и транскультурных практик играет и наш журнал. Мы убеждены, что билингвизм при должном подходе может и должен становиться естественным — даже в тех случаях, когда русский язык изучают студенты из совершенно иных культурных реальностей. Для этого нужно лишь преодолеть замкнутость привычной учебно-образовательной парадигмы и вооружиться новыми подходами, над которыми и работает редколлегия.

С уважением, главный редактор В.П. Синячкин,
заместитель главного редактора У.М. Бахтикиреева

Sharing the best

To Our Readers

“Peoples’ Friendship University of Russia is a great place to study languages in contact, including within a specific linguistic personality”, noted Steven Kellman, a professor at the University of Texas at San Antonio, a world expert in translinguism and intercultural communication (we are happy to publish his article, prepared especially for our journal, in this issue). Indeed, the university has for many years been a meeting place for languages and cultures. Students in its walls are representatives of different countries, and the majority of them are natural bilinguals due to various socio-historical factors. We live in the world where linguistic personality (and we are now talking about a universal category) must accept the challenge of time and become qualitatively more complicated. Without knowledge of the second, and often the third, and fourth language, it is difficult to imagine a successful specialist functioning effectively in the global social system. And the matter is primarily in the cultivation of inner tolerance in ourselves, which is promoted by going beyond the limits of a single language system. That is why the Department of Russian language and intercultural communication actively develops bilingual directions in several applied aspects.

The first one is methodical. For many years we’ve been developing textbooks on the Russian language for different ages and levels of training. A child immersed in the language climate of another country (as is the situation with the children of compatriots abroad, including Germany, Italy, the Baltic countries, etc.), it is important to learn the language along with its feeding culture. The principle of immersion into the world of the Russian word is also embodied in textbooks for students, such as “Forming Images of Language Consciousness in the Process of the Russian Language”. Language and culture are inextricably linked. Everything that has been accumulated by the culture over the millennia of its existence is reflected in the images of consciousness formed as a result of human activity. The texts developed by the specialists of the Department take into account this fact.

The most important direction of the Department is a scientific study of bilingualism. The large-scale December conference under the auspices of MAPRYaL, which is held at RUDN every year and has an international status, is devoted to a comprehensive understanding of this phenomenon. Originally conceived by prof. Uldanai Bakhtikireeva as a contest platform for the exchange of views on the nature of bilingualism and language contacts, the conference eventually became one of the largest in the CIS in terms of the stated problems. The geography of the participants is very wide: scientists from the CIS countries, China, Greece, Italy, Slovakia, France, the USA, etc. make presentations. With the support of the department, an annual conference organized by the Russian Academy of Sciences, “The life of a Language in Culture and Society” is held, where special attention is paid to issues of bilingual language consciousness.

An important role in the development of the bilingual direction of the department is played by the student conference “Languages and Cultures All Over the World”. Intercultural communication”, the results of which are annually published. Young researchers introduce facts and observations from their own languages and cultures into understanding of the phenomenon of bilingualism. As a result of it a new knowledge and a more complete understanding of global — universal — communication is born.

An important role in the study of bilingualism and transcultural practices is also played by our journal. We are convinced that bilingualism can and should become natural — even in those cases when students learn Russian from completely different language and cultural realities. To do this, we only need to overcome the closure of the usual educational paradigm and arm ourselves with new approaches, on which the editorial board works.

Sincerely, Editor-in-Chief V.P. Sinyachkin,
Vice-Editor U.M. Bakhtikreeva

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-310-321

Исследование влияния изображения и вербального текста на восприятие креолизованного текста (экспериментальное исследование)

В.С. Косенко

Российский институт театрального искусства — ГИТИС
Российская Федерация, 125009, Москва, Малый Кисловский пер., д. 6

Статья посвящена анализу проблемы влияния вербальной и невербальной частей креолизованного текста на его смысловое восприятие, специфика которого обусловлена тем, что невербальная часть (изображение) идентифицируется при помощи зрительных образов воспоминания, а вербальная часть (текст) — при помощи вербальных моделей, отображающих также неязыковые образы сознания.

Для анализа смыслового восприятия креолизованного текста использовался метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, который позволяет фиксировать результаты смыслового восприятия, осуществляемого как при помощи образов сознания, транслируемых генетически (образы цвета), так и формируемых при восприятии своей культуры. Примененный метод семантического дифференциала дает возможность вскрывать не только денотативные, но и аксиологические характеристики содержания креолизованного текста.

Представление результатов в виде семантических пространств позволяет выявить закономерности влияния изображения и текста на понимание креолизованного текста.

Ключевые слова: креолизованный текст, вербальная и невербальная часть, образ сознания, вербальная модель, семантический дифференциал, денотативные и аксиологические характеристики содержания

1. Введение

Задача нашего исследования — изучить взаимодействие вербальной и невербальной частей креолизованного текста¹ в процессе формирования его содержания в сознании реципиента. Актуальность исследования обосновывается тем, что по современным представлениям абсолютное большинство речевых сообщений являются креолизованными текстами, так как восприятие любого речевого сообщения, по крайней мере в непосредственном общении, сопровождается вос-

¹ В нашем исследовании для обозначения текстов, состоящих из вербальной и невербальной части, мы используем термин «креолизованный текст» в том значении, в котором его впервые употребил Ю. В. Кнорозов при расшифровке древней системы письма индейцев майя. Часто употребляемый термин «полиmodalный текст» не совсем точен, так как при помощи него обозначают как собственно мультимодальные, так и мономодальные тексты.

© Косенко В.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

приятием самого адресанта как социально детерминированного объекта, а также восприятием социальной среды, конструируемой совместной деятельностью коммуникантов, вызвавшей необходимость их речевого сообщения¹.

Вербальная часть креолизованного текста является заведомо знаковым образованием, но и адресант как автор речевого сообщения, и сама совместная деятельность для реципиента креолизованного текста являются знаковыми образованиями, которые позволяют реципиенту сформировать неречевой контекст, уточняющий содержание собственно речевых сообщений.

В дальнейшем изложении мы исходим из представления о креолизованном характере любого речевого сообщения, так как в устной речи, например, тембровые качества голоса говорящего, а в письменной речи характеристики шрифта не имеют отношения к лингвистическим качествам речи.

Итак, объектом нашего исследования является процесс смыслового восприятия креолизованного текста, а предметом — влияние изображения «К» на процесс формирования в сознании реципиента содержания всего креолизованного текста и влияние вербального написанного текста «НТ» на формирование содержания всего креолизованного текста «НТК».

Экспериментальный материал состоит из изображения и текста-описания этого изображения, составленного экспериментатором в виде компиляции из текстов-описаний, изготовленных самими испытуемыми.

Текст-компиляция содержит слова, заимствованные только из текстов-описаний, изготовленных испытуемыми. Такой способ создания экспериментального текста используется для того, чтобы избежать упреков в том, что экспериментатор навязывает испытуемым образы своего сознания в виде вербальных моделей (слов и словосочетаний), содержащихся в экспериментальном тексте, если его будет изготавливать сам исследователь.

2. Обсуждение

План эксперимента

На первом этапе в психосемантическом эксперименте группа испытуемых № 1 (12 женщин и 13 мужчин) оценивает при помощи 33 шкал только изображение, не сопровождаемое текстом.

На втором этапе группа испытуемых № 2 (13 женщин и 13 мужчин) оценивает при помощи тех же 33 шкал только написанный текст, не сопровождаемый изображением.

На третьем этапе группа испытуемых № 3 (13 женщин и 13 мужчин) оценивает при помощи тех же 33 шкал «НТК», состоящий из изображения первого и текста второго этапов.

Предварительно группа испытуемых (25 человек: 12 женщин и 13 мужчин), которая не была занята в дальнейших экспериментах, описывала на русском (род-

¹ Попытка описать неречевой контекст производства и смыслового восприятия речи, учитываемый коммуникантами, была сделана Т.А. ван Дейком при построении когнитивной теории дискурса [1. С. 12–41].

ном) языке изображение «К» с заданием «Опишите предлагаемое изображение как можно подробнее».

После этого результаты эксперимента были введены в компьютер и обработаны, затем результаты обработки описывались и интерпретировались.

Проверяемая гипотеза

С позиции психологии восприятия любое изображение предстает перед субъектом восприятия как континуум цветовых пятен, которые наблюдатель должен осмыслить как изображение объектов реальной действительности. Каждый человек, присвоивший этническую культуру, владеет навыками идентификации сенсорного материала, получаемого от сенсорных органов, при помощи перцептивных эталонов, хранящихся в сознании реципиента в виде образов воспоминания о ранее воспринятых и понятых предметах. Другими словами, эту мысль можно выразить так: наблюдатель, в частности, в изображениях, может понять только то, что он способен различить при помощи своих знаний, сформированных в процессе инкультурации при наблюдении за культурными предметами своей этнической культуры. Более точно эту мысль можно понимать следующим образом: в изображении, как, впрочем, при восприятии реальных предметов, человек понимает только то, что позволяет ему его сознание.

При анализе процессов восприятия в психологии используют понятия «смысловое восприятие», «ощущение» и «образы».

Ощущение — это формирование характеристик отдельных свойств предмета внешнего мира в процессе непосредственного взаимодействия с ним. «...Отражение в ощущении — результат не просто воздействия объекта на живое существо, но результат их взаимодействия — взаимодействия процессов, идущих навстречу друг другу и рождающих акт познания; результат взаимодействия организма с физическими и химическими свойствами среды при их непосредственном воздействии на рецепторы» [2. С. 473—474].

Процесс восприятия, согласно распространенным представлениям, рассматривается как процесс упорядочивания ощущений и превращение их в знание о воспринятых предметах. Это знание описывается как образ сознания.

Образ восприятия позволяет выделить отдельный предмет из множества сходных.

В нашем эксперименте мы имеем дело со зрительными образами восприятия и поэтому воспользуемся сводкой признаков зрительных образов восприятия, составленный С.Э. Поляковым. Образы восприятия обладают следующими свойствами:

- локализуются в месте расположения моделируемого ими объекта в реальном пространстве;
- узнаваемы при повторном появлении в сознании;
- повторяемы и воспроизводимы;
- могут существовать в сознании достаточно долго;
- способны в некоторой степени изменяться за счет вербального знания о предмете [3. С. 107—109].

Последнее качество образов восприятия — способность в некоторой степени меняться за счет вербального знания — весьма важна для нашего исследования, ибо, как мы говорили выше, мы изучаем влияние изображения на смысловое восприятие вербальной части креолизованного текста.

П. Фейерабенд настаивает на том, что чувственное восприятие взаимодействует с языком, при помощи которого описывается объект. То, что отсутствует в описании, находится на периферии, т.е. вербальное описание конституирует все описание, что-то выделяя, а что-то отдвигая в тень [4. С. 140].

Описание изображения — это описание не того, что наблюдатель видит, а то, что он понимает, воспринимая изображение. Для подтверждения этой мысли можно опереться на авторитет Л. Витгенштейна, который пишет, что часто описание есть творчество наблюдателя [5. С. 182].

Для уяснения роли образов сознания в процессе смыслового восприятия реальной действительности необходимо обратиться к анализу способов передачи родовых качеств человека от поколения к поколению, так как подобный анализ приводит к различению двух способов такой передачи: в виде биологических и в виде культурных программ. Для нашего изложения исследуемой проблемы такой анализ важен, поскольку к родовым качествам человека относится способность оперировать образами сознания, транслируемыми как генетически, так и культурным путем.

Процесс передачи родовых качеств членов конкретного этноса от поколения к поколению осуществляется генетическим и внегенетическим путем. Внегенетический путь — это формирование родовых качеств в процессе присвоения своей культуры, когда человек формирует в своем теле навыки производства культурных предметов, которые он изготавливает по образцу, имевшему хождение в предыдущем поколении.

В философии процесс передачи родовых качеств человека в ходе изготовления культурных предметов описывается категориями опредмечивания и распредмечивания [6]. Генетический путь трансляции образов сознания — это передача образов сознания в форме биологических программ.

Так как мы анализируем в эксперименте восприятие цветных изображений, результаты которого мы оцениваем при помощи шкал, то целесообразно указать на следующее обстоятельство.

Сознание современного человека содержит образы сознания (образы восприятия, образы воспоминания, образы представления), формируемые каждым человеком в процессе восприятия предметов своей этнической культуры [3]. Таким образом, процесс построения собственного сознания каждый человек осуществляет прижизненно в ходе присвоения своей этнической культуры, которая является «интегральной характеристикой родового качества человека» [7].

Генетический путь формирования родовых качеств человека реализуется в рамках биологических программ развития человека, что предполагает наследование образов сознания предков потомками. Первые попытки обосновать генетический способ наследования некоторых образов сознания сделал К.Г. Юнг, назвав такие образы архетипами [8].

Анализ современной литературы об образах сознания [3; 9; 10] позволяет сделать вывод, что генетически транслируются основные цветовые образы, значениями которых являются физиологические, эмоциональные, поведенческие, интеллектуальные реакции человека на цвет, а также аффективно-чувственные реакции на любой воспринимаемый объект, предшествующие собственно смысловому пониманию и известные, в частности, в лингвистике как коннотативное значение слова.

Экспериментальная часть

Использованный в нашем исследовании метод семантического дифференциала (СД) представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций. Использование психосемантического метода исследования позволяет выявить устойчивые представления респондентов об исследуемых объектах.

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа. Построение СД на базе оценок объектов из определенных областей — частные СД — продемонстрировало возможность трансформации классического семантического пространства (оценка, сила, активность) и появление новых факторов.

Использование метафорических шкал в СД освобождает субъективную оценку респондента от ограниченности реальными свойствами оцениваемого объекта, исследователь может сам задавать широту оценки объектов и в зависимости от наполнения шкал ориентировать метод как на выделение оценочных (коннотативных) признаков, так и более предметных (денотативных). Пяти- или семибалльные шкалы дают возможность индексировать не только качество, но и интенсивность значения, метод СД дает квантифицированную информацию о слабоструктурированных аспектах индивидуального сознания. Переход от признаков, заданных шкалами, к факторам фактически является построением семантического пространства. Фактор можно рассматривать как смысловой инвариант содержания входящих в него шкал, и в этом смысле факторы являются формой обобщения прилагательных, на базе которых строится СД, а его факторная структура отражает структуру антонимии в лексике. Группировка шкал в факторы позволяет перейти от описания объектов с помощью признаков, заданных шкалами, к более емкому описанию с помощью меньшего набора категорий-факторов, представив содержание объекта в виде совокупности факторов с различными коэффициентами веса. Семантическое пространство является своеобразным метаязыком описания значений, позволяющим путем разложения их содержания в фиксированном алфавите категорий-факторов проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии путем вычисления расстояний между соответствующими значениям, так называемыми координатными точками в пространстве. Построение семантического пространства является переходом от большей размерности (признаков, заданных шкалами) к

базису меньшей размерности (категориям-факторам). При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями некоего пространства, а значения объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства.

Размер выборки исследования зависит от исследовательских задач. Учитывая, что данным методом изучаются не респонденты, а оценки объекта, выставляемые по большому количеству шкал, в результате получается довольно большая матрица данных. Поэтому количество респондентов, необходимое для получения достоверных данных, может варьироваться от 25 до 35 человек в каждой группе. Проверка репрезентативности результатов данного исследования осуществлялась методом *test-retest* (в случайном порядке, по полу и по возрасту респондентов). Результаты проверок показали, что данные, полученные в ходе психосемантического исследования, являются достаточно репрезентативными для каждой группы.

Картина

Текст

Осень. Последние теплые денёчки. Еще много листьев на деревьях, след лета ещё не остыл. Лес так и манит своим спокойным покачиванием и мерным треньканьем какой-то птички, хочется зайти и пособирать грибы, вдохнуть глубоко лесного, прозрачного воздуха. Кажется, что земля и воздух пропитались летним теплом и теперь отдают его всем растениям и деревьям, чтобы им хватило перезимовать. Тихая лесная заводь ведёт к другому озеру. Кажется, что с раннего утра здесь были рыбаки, а теперь где-то готовят уху к обеду. Берега топкие, значит скоро можно поискать здесь клюкву.

Настоящая методика исследования представляет собой модифицированный семантический дифференциал (СД). Респонденты должны по заданному набору качеств оценивать объекты от 0 до 5 (0 означает отсутствие качества, 5 — его максимальную выраженность). Использование однополюсных шкал дает дополни-

тельную «степень свободы» в проекции когнитивных структур испытуемых на экспериментальный материал, так как позволяет выделить субъективную «синонимию» и «антонимию» признаков описания, не обязательно совпадающую с нормативно языковой. Показателем такой субъективной синонимии и антонимии является попадание шкал-признаков описания в один фактор и на один полюс фактора для синонимов и на противоположный полюс (если он наличествует) для антонимов.

Полученные суммарные матрицы обрабатывались в статистическом пакете (SPSS) методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных в обоих случаях было выделено восемь факторов. Далее результаты представлены в виде семантических пространств и по категориям-факторам.

Факторы названы на основе входящих в них шкал и приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию.

Обсуждение результатов

1. *Оценка* (денотативная) (*красочный, живописный, выразительный*)

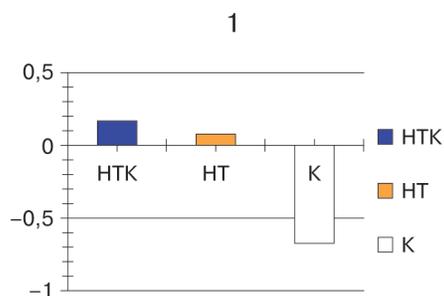

Рис. 1

Как видно из рис. 1, картина воспринимается наименее красочной, живописной и выразительной. Это подтверждают оценки по этим шкалам — они самые низкие для картины. Отдельно текст оценивается более положительно. Креолизованный текст имеет наивысшую оценку. Можно предположить, добавление текста к картине существенно повлияло на восприятие креолизованного текста.

2. *Оценка* (коннотативная) (*легкий, спокойный, гармоничный, неагрессивный, открытый, естественный, искренний, приятный*)

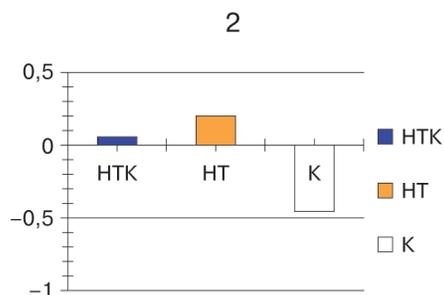

Рис. 2

По фактору *Оценка* (коннотативная) картина также имеет самую низкую оценку. Текст оценивается достаточно положительно, но креолизованный текст по этому фактору имеет значение ниже, чем отдельно текст. По этому фактору картина стала причиной более негативной оценки креолизованного текста. Это подтверждает анализ диаграммы. По шкалам, входящим в этот фактор, картина оценивается ниже, чем текст.

3. *Символичность* (возвышенный, образный, символический, художественный)

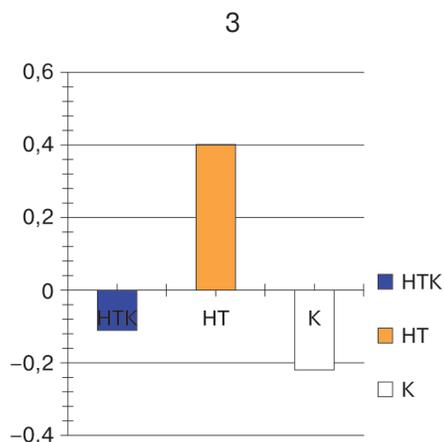

Рис. 3

По фактору *Символичность* самое большое положительное значение имеет текст. Креолизованный текст и картина воспринимаются противоположным образом. Рассматривая средние оценки по шкалам, входящим в этот фактор, видим, что оценки картины значительно ниже, чем оценки текста. Этим можно объяснить результат значения креолизованного текста.

4. *Активность* (динамичный, активный, яркий, изошренный, четкий)

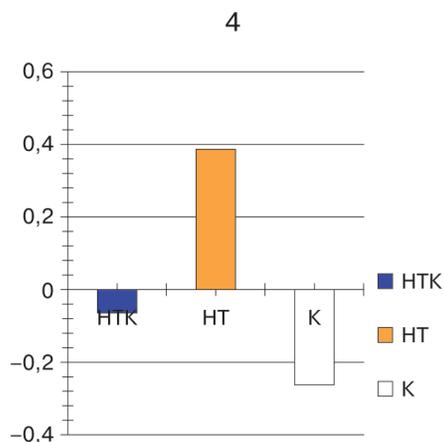

Рис. 4

По всем шкалам данного фактора картина оценивается ниже, чем текст. Это приводит к снижению оценки креолизованного текста, что и видно на графике для данного фактора.

5. *Романтичность* (интимный, изысканный, романтический)

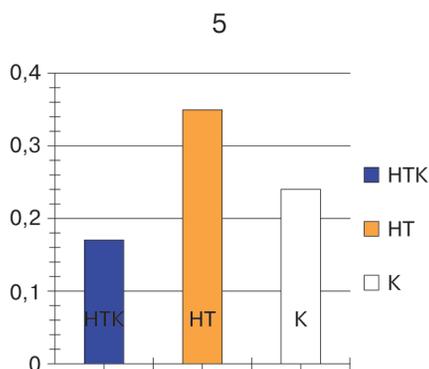

Рис. 5

Наибольшее значение по фактору *Романтичность* имеет текст. Это совпадает с оценкой по этой шкале. Надо полагать, эта шкала является наиболее значимой для этого фактора. По шкале *изысканный* картина оценивается ниже, чем текст. В результате креолизованный текст имеет более низкое значение.

6. *Сила* (холодный, сильный, жесткий, темный, сложный)

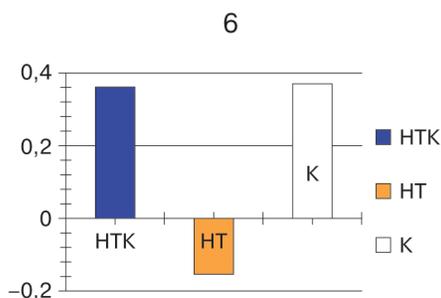

Рис. 6

По этому фактору оценки по всем шкалам картины и текста разнонаправлены. В результате в семантическом пространстве значения фактора для картины и текста имеют противоположные знаки. Креолизованный текст в семантическом пространстве имеет значение очень близкое к значению картины. Это говорит о том, что влияние картины по этому фактору является преобладающим.

7. *Обыкновенность* (наивный, примитивный, обыкновенный)

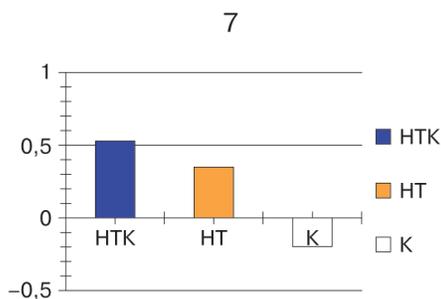

Рис. 7

По фактору *Обыкновенность* наибольшее значение креолизованного текста сложилось из разнонаправленных значений оценок по шкалам. В итоге, казалось бы, противоположные значения текста и картины дали неожиданный результат для креолизованного текста.

8. *Натуралистичность* (*натуралистичный, понятный*)

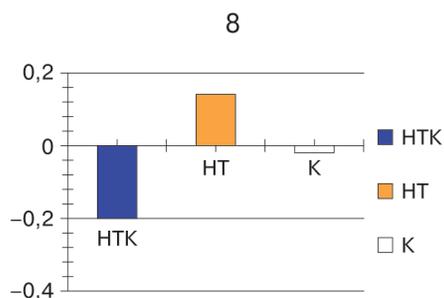

Рис. 8

В этом факторе ведущая роль у шкалы *понятный*. Картина воспринимается как менее понятная и более натуралистичная, чем текст. В результате две эти тенденции приводят к тому, что креолизованный текст воспринимается как менее понятный и натуралистичный.

3. Выводы

Результаты эксперимента показали, что оценка креолизованного текста не является суммой отдельных значений оценок по шкалам текста и картины, а имеет более сложную взаимозависимость от одновременного восприятия текста и картины. Основной вывод, который позволяют сделать результаты нашего экспериментального исследования, состоит в том, что вербальный текст, состоящий из языковых знаков с большим обобщающим потенциалом и уточненный средствами речевого контекста, несет основную информационную нагрузку, ориентирующую реципиента в реальной действительности. Таким образом, основной понятийный скелет образует вербальная часть креолизованного текста. Невербальная часть креолизованного текста, помещая умственную работу реципиента, формулирующего образы своего сознания под жесткий визуальный контроль, создает предпосылки для установления строгих рамок создаваемого содержания.

Список литературы

1. *Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
2. *Головин С.Ю.* Словарь психолога-практика. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Харвест, 2007.
3. *Поляков С.Д.* Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011.
4. *Фейерабенд П.* Прощай разум / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ; Астрель, 2010.
5. *Витгенштейн Л.* Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; сост., вступ. ст., прим. М.С. Козловой. Ч. 1. XXI. М.: Гнозис, 1994.
6. *Батищев Г.* Опредемчивание и распредемчивание // *Философская Энциклопедия*. М.: Дирек Медиа Паблишинг, 2006. (Электронная версия).

7. *Исакова Н.В.* Родовые характеристики человека — ключ к анализу социальной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodovye-harakteristiki-cheloveka-klyuch-k-analizu-sotsialnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 23.04.2019).
8. *Юнг К.Г.* Психосемантические типы. Цюрих: Мусагет, 1929.
9. *Яньшин П.В.* Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006.
10. *Osgood Ch.E., Suci G.Y, Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.03.2019

Дата принятия к печати: 09.07.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Косенко В.С. Исследование влияния изображения и вербального текста на восприятие креолизованного текста (экспериментальное исследование) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 310—321. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-310-321

Сведения об авторе:

Косенко Виктория Сергеевна — старший преподаватель кафедры сценической речи Российского института театрального искусства. E-mail: visha-k@mail.ru

The Impact of a Creolized Text Non-verbal and Verbal Parts on its Perception (an Experimental Study)

Viktoriya S. Kosenko

Russian Institute of Theatre Arts — GITIS
6 M. Kislovskiy per., Moscow, 125009, Russian Federation

The paper analyzes the impact of creolized text verbal and non-verbal parts on the perception of its meaning. The perception of creolized text is dualistic: the non-verbal part (image) is identified with visual recollection images while the verbal part (text) is identified with verbal models reflecting non-lingual consciousness images as well.

The perception of creolized text perception was analyzed with Osgood's semantic differential method which enables the identification of sense perception results involving both genetically translated conscious images (images of color) and conscious images developed in one's culture acquisition. The applied method reveals denotative as well as axiological characteristics of creolized text content.

The resulting semantic spaces demonstrate the impact patterns of the image and text parts on the creolized text understanding.

Key words: creolized text, verbal and non-verbal part, consciousness image, verbal model, semantic differential, content denotative and axiological characteristics

References

1. Deyk, van T.A. 1989. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress. Print. (In Russ.)
2. Golovin, S.Yu. 2007. *Slovar' psikhologa-praktika* [Dictionary of Psychologist]. Minsk: Kharvest. Print. (In Russ.)
3. Polyakov, S.D. 2011. *Fenomenologiya psikhicheskikh prezentatsiy* [Phenomenology of Mental Presentations]. St. Petersburg: Piter. Print. (In Russ.)
4. Feyyerabend, P. 2010. *Proshchay, razum* [Farewell to Reason]. Translated by A.L. Nikiforov. Moscow: AST; Astrel'. Print. (In Russ.)
5. Vitgenshteyn, L. 1994. *Filosofskiyey raboty* [Philosophical Works]. Moscow: Gnozis. Print. (In Russ.)
6. Batishchev, G. 2006. "Opredmechivaniye i raspredmechivaniye" [Objectification and Reobjectification] in *Filosofskaya Entsiklopediya*. Moscow: Direkt Media Publishing. Print. (In Russ.)
7. Isakova, N.V. "Rodovyye kharakteristiki cheloveka — klyuch k analizu sotsial'noy deyatel'nosti" [Generic Characteristics of a Person — the Key to the Analysis of Social Activity]. Web. Available: KiberLeninka: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodovye-harakteristiki-cheloveka-klyuch-k-analizu-sotsialnoy-deyatelnosti> (date of access: 23.04.2019).
8. Yung, K.G. 1929. *Psikhosemanticheskiye tipy* [Psychosemantic Types]. Tsyurikh: Musaget. Print. (In Russ.)
9. Yan'shin, P.V. 2006. *Psikhosemantika tsveta* [Psychosemantics of Color]. St. Petersburg: Rech', Print. (In Russ.)
10. Osgood, Ch.E., G.Y. Suci, and Tannenbaum P.H. 1957. *The Measurement of Meaning*. Urbana, 520 p.

Article history:

Received: 27.03.2019

Accepted: 09.07.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kosenko, V.S. 2019. "The Impact of a Creolized Text Non-verbal and Verbal Partsonits Perception (an Experimental Study)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 310–321. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-310-321

Bio Note:

Viktoria S. Kosenko is a Senior teacher of the Chair of Scenic Speech, Russian Institute of Theatre Arts — GITIS. E-mail: visha-k@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-322-329

Особенности современного билингвизма и его кризиса (на примере национальных языков КБР)

М.А. Хакушева¹, А.М. Казиева²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18

² Пятигорский государственный университет
Российская Федерация, Ставропольский край, 357503, Пятигорск, пр. Калинина, 9

В статье рассматривается ситуация билингвизма в Кабардино-Балкарской Республике, которая оказывается органически вписанной в общемировой глобальный контекст. Авторы рассматривают отдельные наиболее репрезентативные критерии, которые свидетельствуют об объективном состоянии государственных языков КБР — русского, кабардинского, балкарского. Приводится классификация «групп риска» ЮНЕСКО, а также факты, иллюстрирующие кризис родных языков коренных народов республики. Кроме коммуникативной, рассматриваются важнейшие функции языка, которые позволяют языку выступать в том числе в качестве основы, заключающей философские концепты.

Ключевые слова: билингвизм, полилингвизм, языковая картина мира, утасяющие языки, глобализация

1. Введение

Поскольку современный язык является составной частью любой национальной культуры, вписанной в условия глобализации, билингвизм оказывается одним из самых распространенных феноменов. По представлению С.А. Арутюнова, «бикультурализм и билингвизм — весьма широко распространенные явления. Они встречаются на всех уровнях этнического и социального развития; более того, в той или иной степени своего проявления они неизбежны в зоне любой этнической границы, в рамках контакта двух разных языков и этносов... Билингвизм должен рассматриваться в более широких рамках общего явления бикультурализма, возникающего в ходе процессов этнической ассимиляции, аккультурации, консолидации или сближения, и тесно взаимосвязан с другими, внеязыковыми формами проявления того же феномена» [1. С. 203]. При этом автор отмечает, что «широкий, охватывающий более двух языков и культур полилингвизм и поликультурализм — явление редкое, присущее чаще всего городским обществам мозаичного этнического состава» [1. С. 203].

© Хакушева М.А., Казиева А.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

По мнению И. Хугаева, «явление двуязычия или многоязычия как результат языковых контактов, языкового взаимодействия, языковой интерференции и конвергенции неизменно присутствовало в разных регионах, у разных народов и в разные эпохи; но на современном этапе истории оно становится важнейшим геополитическим, социальным и культурным обстоятельством и актуальнейшей научной проблемой» [2. С. 28].

В настоящее время в мире насчитывается более десяти тысяч языков и диалектов, однако около двух третей населения нашей планеты говорит на двадцати семи языках, и динамика распространения данного феномена в условиях глобализационных тенденций продолжает нарастать.

Естественно, что в наибольших масштабах билингвизм распространен в странах с высокой степенью международной интеграции и многонациональных государствах (в РФ, США, Индии, Швейцарии и др.); в них сложилась теория языковых контактов, изучающая внутрилингвистические аспекты языкового взаимодействия, и теория билингвизма/полилингвизма, исследующая его функциональные особенности.

С точки зрения коммуникативно-функционального качества правомерно выделяются «три уровня билингвизма: рецептивный (понимание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе), репродуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и самостоятельно производить прочитанное и услышанное) и продуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и самостоятельно производить или «строить целые осмысленные высказывания») [3. С. 134].

Лингвисты оценивают общую современную языковую ситуацию в КБР как неоднородную: «Хотя принят Закон “О языках народов Кабардино-Балкарской Республики”, юридически закрепивший три государственных языка (кабардинский, балкарский, русский), сферы функционирования этих языков внутри республики различны, неодинаков их статус, а также социальная и коммуникативная база их применения. По широте использования выделяется русский язык, выполняющий также интегрирующую и консолидирующую функции» [4. С. 410]. Русский — государственный язык Российской Федерации, исторически сложившийся как язык межнационального общения во всех регионах страны, этим объясняется его доминирование. Наряду с этим современная картина характеризуется возрождением национального самосознания и ростом интереса к родному языку. Появляется потребность в использовании резервов языка для обозначения новых понятий, явлений, считают авторы. Генезис любой национальной литературы, взятый в языковом аспекте, неотделим от вопросов происхождения, формирования и специфики ее билингвизма и транслингвизма.

2. Обсуждение

В советский период в Кабардино-Балкарской Республике постепенно сформировалась ситуация билингвизма в рамках двух титульных наций — кабардинской и балкарской, соответственно, билингвизм определяется сочетанием двух разных языков с русским: русского — кабардинского и русского — балкарского. Реальное содержание двуязычия в первую очередь отражает лингвокультурные и

психологические ценности и ориентиры его носителя, а затем оно само влияет на них. Таким образом, билингвизм — это результат межкультурного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации иной или родственной языковой культуры.

В настоящее время в КБР переживается глубокий кризис, связанный с состоянием национальных языков — кабардинского и балкарского. По представлению Б.Х. Бгажнокова, языковой кризис непосредственно связан с кризисом этническим, поэтому эти явления следует рассматривать в совокупности и комплексно подходить к их решению [5].

Подобная локальная ситуация отражает соответствующую общую тенденцию на Северном Кавказе и России в целом. Северокавказские языки объявлены ЮНЕСКО исчезающими (вымирающими). «После исследования северокавказских языков эксперты ЮНЕСКО признали вымирающими адыгейский язык, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский и ещё ряд языков, носители которых проживают на Кавказе» (<http://www.stav.aif.ru/>).

Но если исчезают национальные языки, можно ли с учетом этого обстоятельства серьезно обсуждать какие бы то ни было проблемы по соответствующим национальным литературам?

Между тем в республике созданы определенные условия по сохранению и развитию родных языков. В частности, к числу базовых структур, направленных на осуществление этой задачи, следует отнести диссертационные советы. Несмотря на их работу, а также существование кафедр национальных языков и литератур, не было ни одной защиты на кабардинском или балкарском, в том числе посвященных проблемам этих языков. В КБР эта реальная возможность до сих пор никогда не использовалась (в отличие, к примеру, от Адыгеи). Существует красноречивая динамика сокращения мест для абитуриентов КБГУ по специальности «Кабардинский язык и литература»: 75 мест в 1970—80 годах, 38 мест — за 2012—2013 годы. Та же ситуация характерна и для абитуриентов по специальности «Балкарский язык и литература».

Последние наблюдения могли бы внушить оптимистические прогнозы в отношении родных языков: все чаще слышна кабардинская и балкарская речь. Однако это явление — прямое следствие усилившейся урбанизации, следствием которой является небывалый приток сельской молодежи в город, что в первую очередь связано с учебой в средних и высших учебных заведениях городов, а также с отсутствием рабочих мест в селах.

Родной язык жив до тех пор, пока существуют анклавные села. Однако так ли неопровержима эта установка? На самом деле в анклавах находит распространение лишь бытовой язык, но не литературный. В результате общественного форума (март 2014 года) с участием научной, творческой интеллигенции были подведены неутешительные выводы: в республике отмечен глубокий кризис литературного языка. Например, в Союзе писателей КБР самым молодым членом является 40-летний поэт. Ежегодный республиканский конкурс по литературному творчеству на кабардинском языке не выявил ни одного прозаика за декабрь 2012 года.

Без литературной разновидности любой язык обречен на деградацию, обиходный вариант его бытования не определяет принципиальный языковой прогноз. Это означает, что на данном этапе невозможно говорить о полноценном функционировании кабардинского и балкарского языков даже в селах. Большинство молодых людей от 17 до 30 лет не читают, не слушают радио на родном языке, не посещают национальных театров. Современная молодежь, как известно, находит информацию преимущественно в интернете, она транслируется в основном на русском языке. В городах отмечается незнание или плохое знание родного языка и удовлетворительное знание русского, в селах — знание родного языка на уровне бытового и в целом неудовлетворительное знание русского. Таким образом, для города и села потребуется разная методика обучения: в селах — с усиленным изучением русского языка, в городах — с усиленным изучением родного.

Рассмотренные нами деструктивные тенденции со временем лишь усугубляются.

ЮНЕСКО (Курьер ЮНЕСКО. Август 1983) предлагает классификацию «групп риска», которая отражает три состояния языковой ситуации в семье, когда родной язык расценивается:

1) язык находится «под угрозой исчезновения»; к этой группе относятся семьи, в которых дети не изучают язык в домашних условиях в качестве родного языка;

2) язык находится «в серьезной опасности»; в эту группу входят семьи, в которых дедушки, бабушки говорят на языке, родители детей понимают язык, но не общаются на нем между собой и со своими детьми;

3) язык находится «на грани исчезновения»; к этой группе относятся семьи, в которых носителями языка являются только представители старшего поколения.

В республике тесно сосуществуют группы риска всех трех категорий. В общественном сознании укоренено представление о ведущей роли семьи в сохранении языка. Однако в настоящее время вряд ли можно говорить о городской семье, которая может обеспечить должный уровень языковой практики: среди горожан очень невелик процент полноценных носителей родного языка, и эта ситуация стремительно усугубляется. Каким же образом в городской семье, в которой нет полноценных носителей родного языка, может осуществляться обучение родному языку? Причиной такой драматической картины служат объективные закономерности, которые сами являются результатом несостоятельной языковой системы и языковой политики.

Разумеется, мы не склонны снимать ответственность с семьи, которая может значительно изменить частную языковую ситуацию. Но насколько значима доля участия родителей, слабо знающих родной язык, которые отдают маленького ребенка в русскоязычную среду детского сада, школы (не считая трех часов родного языка в неделю)? Вряд ли можно серьезно рассчитывать на достаточное знание родного языка, погружая ребенка в русскоязычную среду всех форм СМИ, включая интернет, в условиях отсутствия школьного выпускного экзамена, родных языков в системе делопроизводства и т.д. и т.п. Ситуация оказывается еще более тяжелой, если работают оба родителя и возможность общаться с ребенком предоставляется только вечером. Семья в какой-то степени влияет на языковую ситуацию, но не может определять ее в целом.

Семья — социальная структура, которая наиболее чутко реагирует на особенности функционирования этой системы, общей и языковой политики (как ее

важной части), но никак не наоборот. Это подтверждается общей картиной объективно усиливающейся языковой деградации, жертвами которой стали и продолжают становиться преимущественно поколения горожан. В результате несостоятельной языковой политики в городе почти не осталось носителей родных языков, и дело вовсе не в отсутствии «патриотизма» городских жителей — довод, который приводится некоторыми представителями властных структур и который якобы может объяснить причину общего нивелирования родных языков.

Даже при наличии объективных социальных опросов и разработок по этой проблеме могут возникнуть сложности в отношении их репрезентативности, так как большая часть городской молодежи выезжает за пределы республики, пополняя растущий поток внутренней миграции. Как правило, наши мигранты не возвращаются: они становятся частью русскоязычного населения России или иноязычными гражданами в зависимости от соответствующей страны проживания.

Распространенное мнение, в основе которого лежит представление о семье как основном объекте, отвечающем за сохранение языка, подменяет объективную картину, снимает ответственность с государства.

Мы не можем не задаваться вопросами о судьбе языков и этносов вообще, проецируя их на широкий онтологический аспект: может быть, это естественный процесс постепенного нивелирования языков, шире — любого этноса, и не стоит продлевать естественно угасающую жизнь, например, древнего черкесского языка, пришедшего к своему историческому завершению? Размышляя над этой проблемой, мы задали устный вопрос заведующему отделом Кавказа Института этнологии и антропологии С.А. Арутюнову: «Можно ли применить цивилизационную модель О. Шпенглера к этносу? Существует ли закон естественного умирания этносов, который также эволюционно детерминирован, как закон умирания цивилизаций?» С.А. Арутюнов сравнил этнос со змеей, которая регулярно меняет собственную кожу: старая кожа — образ цивилизации, а бессмертная змея — образ этноса.

Лучшие представители мировой литературы посвящали самые взволнованные строки родному языку. Не случайно его красоту и величие наряду с классиками русской литературы — А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым воспевали Кайсын Кулиев (в частности, поэме «Гимн материнскому языку»), Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Давид Кугультинов и многие, многие другие известные поэты современности.

Язык осуществляет не только вербальную и коммуникативную функции. Это уникальный образ мыслей, чувств, неповторимое видение мира, философия, фольклор. Наряду с героической античной, индоевропейской мифологиями, кавказская может быть отнесена по определению У.Б. Далгат к «развитым, рационалистическим, глубоко философским» [6. С. 77].

Мировые культуры можно условно разделить на два типа:

— 1-й тип: философия как таковая вычленяется из общекультурного контекста, превращаясь в ту или иную философскую концепцию, в этом случае она, как правило, результат индивидуальной творческой мысли. Иногда она легитимируется, принимается на уровне коллективного сознания (как правило, элитарного)

и становится частью национальной культуры. К этому типу относятся, например, античная греческая философия, немецкая классическая, индийская философии и др.;

— 2-й тип: философия остается вплетенной в ткань народного культурного контекста. И тогда носителем метафизического или философского начала становятся мифология, фольклор и пр. Философия, растворенная в устной народной традиции, артикулируется через язык и носит сугубо народный характер. К таким культурам относится философия народов Кавказа, в частности черкесов.

М. Хайдеггер определял язык как «дом бытия» (filosofiya.odn.org.ua/74.htm). Однако такая синкретическая философия остается заключенной не только в фольклоре, но и в собственно языке. Достаточно часто этимология выводит нас на метафорическое осмысление, а метафора, в свою очередь, являет собой философский символ или часть метафизического представления. Подвергая слова этимологической редукции, мы приходим к первоначальному смыслу, и его семантика оказывается, как правило, сакральной. В языке заложены основы философии, религии и других культурных концептов в их нерасторжимом единстве.

В настоящее время филологи говорят о принципиальной непереводаемости стихов (особенно их) с одного языка на другой, так как это — неповторимый ассоциативный художественный ряд. Стихи — производные языка, которые происходят из особой, самостийной языковой картины мира. Она является многофункциональной системой межкультурного взаимодействия, вписанной в контекст глобализации.

3. Выводы

Языковая принадлежность — не простое механическое носительство, а уникальная, присущая лишь данному этносу языковая картина мира, которая может существовать только у носителей данного языка.

Кажется закономерным, что языковая полифония множества народов планеты — отражение универсального закона эволюции, основой которого является многообразие. Последнее — залог выживания и стабильности человечества в целом, а национальный тип сознания — неоценимый дар эволюции, сформированный тысячелетиями.

Список литературы

1. *Арутюнов С.А.* Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012.
2. *Хугаев И.С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008.
3. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
4. *Таов Х.Т., Таова А.Х.* Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы международной научно-практической конференции 27–28 мая 2009. Махачкала, 2009.
5. *Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А.* Кризис национальных языков России // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста, Республика Калмыкия, РФ. 10–16 мая 1999. С. 101–109.
6. *Далгат У.Б.* Литература и фольклор. М., 1981.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07.02.2019

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хакуашева М.А., Казиева А.М. Особенности современного билингвизма и его кризиса (на примере национальных языков КБР) // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16. № 3. С. 322—329. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-322-329

Сведения об авторах:

Хакуашева Мадина Андреевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. E-mail: dinaarma@mail.ru

Казиева Альмира Магомедовна — доктор филологических наук, профессор Пятигорского государственного университета. E-mail: kazieva@pgu.ru

Features of modern bilingualism and its crisis (on the example of national languages of the CBR)

Madina A. Khakuasheva¹, Almira M. Kazieva²

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18 Pushkin str., Nalchik, Kabardino-Balkaria, 360000, Russian Federation

² Pyatigorsk State University

9 Kalinin str., Pyatigorsk, Stavropol region, 357503, Russian Federation

The article deals with the situation of bilingualism in the Kabardino-Balkar Republic, which is organically inscribed in the global context. The authors consider some of the most representative criteria that indicate the objective state of the state languages of the CBD — Russian, Kabardian, Balkar, the classification of “risk groups” of UNESCO, as well as facts illustrating the crisis of native languages of the indigenous peoples of the Republic. In addition to the communicative, considered the most important functions of the language, which allow to act including as a basis for concluding philosophical concepts.

Key words: bilingualism, multilingualism, language picture of the world, fading languages, globalization

References

1. Arutyunov, S.A. 2012. Siluety etnichnosti na tsivilizatsionnom fone [Silhouettes of Ethnicity on a Civilizational Background]. Moscow. Print. (In Russ.)
2. Khugayev, I.S. 2008. Genezis i razvitiye russkoyazychnoy osetinskoj literatury [Genesis and Development of Russian-speaking Ossetian literature]. Vladikavkaz. Print. (In Russ.)

3. Vereshchagin, Ye.M. 1969. *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and Methodological Characteristics of Bilingualism]. Moscow. Print. (In Russ.)
4. Taov Kh.T., and A.Kh. Taov. 2009. “Teoreticheskiye i metodicheskiye problemy natsional’no-russkogo dvuyazychiya” [Theoretical and Methodological Problems of National-Russian Bilingualism] in Proceedings of the International Scientific-practical Conference, May 27–28, Makhachkala. Print. (In Russ.)
5. Bgazhnokov, B.Kh., and A.A. Shogenov. 1999. *Krizis natsional’nykh yazykov Rossii. Yazyki narodov Rossii: perspektivy razvitiya* [Crisis of National Languages of Russia. Languages of the peoples of Russia: development prospects]. Materials of the international seminar. Elista, Republic of Kalmykia, Russia. 10–16 may. P. 101–109. Print. (In Russ.)
6. Dalgat, U.B. 1981. *Literatura i fol’klor* [Literature and Folklore]. Moscow. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 05.02.2019

Accepted: 09.03.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khakuasheva, M.A., Kazieva A.M. 2019. “Features of Modern Bilingualism and Its Crisis (on the Example of National Languages of the CBR)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 322–329. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-322-329

Bio Note:

Madina A. Khakuasheva is a Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature, Doctor of Philology. E-mail: dinaarma@mail.ru

Almira M. Kazieva is a Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University (PSU), the Department of literature and pedagogical technologies of Institute of Translation and Multilingualism. E-mail: kazieva@pgu.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-330-336

Истоки современного адыгского (северокавказского) литературного билингвизма (К 225-летию со дня рождения Шоры Ногмова)

Ю.М. Тхагазитов¹, А.М. Казиева²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18

² Пятигорский государственный университет
Российская Федерация, Ставропольский край, 357503, Пятигорск, пр. Калинина, 9

В статье рассматриваются аспекты взаимодействия деятельности адыгских просветителей с представителями русской культуры первой половины XIX века. Авторы впервые предприняли попытку изучения «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова в рамках карамзинской идеологии «Истории государства Российского». В исследовании также изучается вопрос многовектовой взаимообусловленности русской и северокавказской культур в контексте актуализации проблем современного билингвизма в условиях современной глобализации.

Ключевые слова: литература, диалог культур, адыгские просветители, героические песни, Кавказская война

1. Введение

В трагическом противоречии Русско-Кавказской войны, ее кровавых законов Северный Кавказ становится для русских символом вольности, а горцы — ее живым воплощением. Даже в самые жестокие периоды войны взаимоуважение русских и черкесов сохранилось, что нашло художественное воплощение в творчестве Пушкина, Лермонтова, Толстого. Подспудные связи двух различных культур не будут отменены ни самой войной, ни ее последствиями — трагедией махаджирства. Несмотря на то, что русские всегда уважали свободу, вольность черкесов, они вынуждены были следовать за имперскими амбициями. В такой трагической ситуации и рождается лермонтовский вопрос:

Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет?.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

© Тхагазитов Ю.М., Казиева А.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Одна из малоисследованных проблем, на наш взгляд, — художественный резерв произведений адыгских просветителей, выявление его роли и функций в дальнейшем формировании и развитии культуры и литературы.

В войне, которая грозила черкесам полным уничтожением, возникает парадоксальный, но вполне объяснимый диалог культур, который нужно рассматривать как осознание необходимости спасения северокавказских народов перед лицом мощного и жестокого врага. И в этом смысле художественный резерв произведений адыгских (северокавказских) просветителей в дальнейшем развитии культуры и литературы многое объясняет.

Отчетливо осознавая трагедию этих писателей как заложников русского самодержавия, следует подчеркнуть, что известными их сделал русский язык.

Другая особенность в самом процессе формирования будущей национальной культуры заключалась в том, что адыгским просветителям оказался близок сам тип русской литературы. Русскоязычная литература просветителей тоже была для народа его социологией, историей, философией, этнографией [1].

Речь идет прежде всего о произведениях С. Казы-Гирея, С. Хан-Гирея и, конечно же, Шоры Ногмова.

К примеру, Шора Ногмов начинает свой творческий путь с «Истории адыгейского народа», собирает исторические факты, предания и легенды и стремится выстроить их не просто в хронологическом порядке, но так, чтобы в них прослеживался смысл и направление истории адыгов.

2. Обсуждение

В начале XIX века описание этногенеза адыгов, даже если оно не представляется сейчас строго научным, а главное — повествование о кровавых междоусобицах адыгских князей, о борьбе адыгов с внешней опасностью заставляет писателя-историка искать идеального для народа правителя. Таким в изображении Шоры Ногмова предстает князь Инал, которого он сравнивает с киевским князем Ярославом Мудрым, как позже Темрюка Идарова — с Иваном Грозным, подчеркнув, что названные им князья сыграли в жизни адыгов ту же роль, что сыграли в истории России ее мудрые и грозные правители.

В истории культуры адыгов труд Шоры Ногмова представляет собой особую ценность. Эти книги воспринимаются как художественное воплощение идей национального возрождения. По концепции Г. Гачева, в таких произведениях обнаруживается «сплав фольклорно-художественного, языческого, религиозного типов сознания» [2. С. 28].

За Шорой Ногмовым последуют другие адыгские просветители. Одновременно с ним пишет свои «Записки о Черкесии» С. Хан-Гирей, в отличие от предшественника обращая внимание не на историческую последовательность событий, а на этнографию адыгов.

С учетом проблематики данной статьи нам важно увидеть в произведениях просветителей и предмет литературоведческого исследования. Если иметь в виду такие произведения, как «История...» Шоры Ногмова или «Записки о Черкесии»

С. Хан-Гирея, то следует выявить не только жанровую специфику этих произведений, но те их особенности, которые позволяют отнести названные произведения к начальному периоду развития русскоязычной и национальной художественной литературы.

В «Истории...» автор стремится отразить историю адыгов, со всеми драматическими ее перипетиями, в единстве структуры собственно исторических описаний с прозаическим переводом героических песен адыгов. Художественность такого типа сознания сыграет особую роль в дальнейших судьбах адыгских литератур. «История...» прокладывает пути, на которых возникнет эпопея А. Кешокова «Вершины не спят», типологически сходная с произведением Ш. Ногмова на уровне композиции, представляющей собой циклизацию («цепочку») хабаров, выстроенную с опорой на точку зрения автора, восходящую к типу художественности «Истории...» Ш. Ногмова. «История...» станет также источником преданий и сюжетов: так, в романе М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» использован не только сюжет с драгоценным панцирем, но и самый принцип смещения хронологии событий и действующих лиц, что недопустимо в историческом мышлении, но может оказаться и перспективным в романном повествовании для решения собственно художественных задач. Воздействие «Истории...» Ш. Ногмова, с его идеализацией «золотого века» адыгов будет и весьма длительным и настолько сильным, что преодолеть этот взгляд на национальную историю кабардинская литература сможет только в последние десятилетия в романах М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо», «Ищи, где не прятал», романе в стихах Х. Бештокова «Каменный век» и романе Дж. Кошубаева «Абраг».

Еще один аспект проблемы художественности «Истории...» Шоры Ногмова — это взаимодействие с фольклором. Не случайно Ногмов дал своей «Истории...» еще и другое название: «Предания черкесского народа». Шора Ногмов собирает, записывает и переводит предания, легенды, историко-героические песни на русский язык, рассматривая их в трех аспектах: как исторический материал, как тексты, выражающие его просветительские идеалы, в том числе идею «золотого века», и как собственно художественное произведение. Синкретизм мышления автора позволял ему не расчленять эти функции, а воспринимать их в некоем единстве.

Следует согласиться с утверждением Б.А. Гарданова, что «в основу своего труда Ш.Б. Ногмов положил исторический эпос. Народное устно-поэтическое творчество, исторические предания и песни не могли быть органически включены в текст “Истории адыгейского народа”, если бы ее автор отказался от художественной образности в изложении исторического материала». Но Ш. Ногмов «правильно избрал и соответствующую этому содержанию форму изложения, чем придал своей “Истории...”, как литературному произведению, определенную стилевую стройность и целостность» [3. С. 45]. Однако следует напомнить, что образность фольклора и литературы — это различные эстетические системы. Органичность включения народно-поэтического материала в историю определялась совпадением мифопоэтического и авторского сознания, включающего его в свое повествование. Изложение собственно исторических событий и героическая пес-

ня в «Истории...» Шоры Ногмова не создают разрыва, не нарушают художественное единство потому, что историк видит мир и человека в нем, осмысляет этот мир с той же точки зрения, что и народные сказители в своих героических песнях. Мировидение Шоры Ногмова — это не исторические воззрения современного ученого и не вымысел поэта, творящего внутри эстетической системы письменной литературы. Это синкретическое мировидение, в котором пока еще не дифференцировано собственно литературное творчество. Синкретизм мышления и изображения определяет то самое стилевое единство, о котором уже упоминалось. Так создается единство мировоззрения идеологических позиций в собственном повествовании Шоры Ногмова и в приводимых им записях фольклорных произведений. Естественно, что целостность повествования определяется еще и тем, что записи фольклора даны в русском переводе, сделанном самим историком. Следуя за фольклором, автор «Истории...» в то же время подчеркивает в переводах наиболее важное и ценное для него как историка, просветителя и писателя. Анты предстают реальными предками адыгов, и знаменитый герой Баксан мифологизируется в качестве героического первопредка. Обычно в мифологическом сознании первопредки бессмертны, а потому после гибели Баксана он как бы возрождается в песне сестры о нем и в весенних ритуалах, которые посвящены его памяти: «Весной, около половины апреля, молодые девушки с распущенными волосами поют эти слова, составивши хоровод». Хоровод для мифологического сознания был воплощением круговорота природы, которая оживает весной. И за этим круговоротом природы — круговорот человеческого бытия, в котором не исчезает память о героях, что и делает их бессмертными. Еще одна деталь ритуала, которая тоже связана с анализируемой мифологемой, — это распущенные волосы девушек во время исполнения обряда. В мифе волосы — солнечные лучи, а потому они связаны с верхним миром. Как и все в мифе, волосы амбивалентны, и со времен матриархата они наделяются грозной магической силой, которая может быть и враждебной. Легенда о Баксане включает в себя песню его сестры и завершается описанием памятника, поставленного ею. Но вот что здесь важно: в песне говорится о том, что сестра приглашает соорудить памятник грекам. Снова возникает легенда об антском происхождении и общении с древними греками, что уже сам историк подтверждает описанием статуи: «Памятник этот представляет молодого человека в шитой шапочке и в платье, похожем по покрою на нынешний бешмет с продольной строчкой...». «Каменный образ» не передает величия героя, но для сестры главное другое: «...сходство с ним уязвило мое сердце». Несмотря на то, что ислам запрещает изображение человека, Шора Ногмов подробно, в деталях описывает статую, подчеркивая ее греческое происхождение. Таким образом, мифологизация Баксана позволяет соединить авторское повествование, песню, обряд и памятник, а это, в свою очередь, придает художественную завершенность повествованию.

Поэтому Шора Ногмов, как представляется, в контексте концепции Карамзина придерживается схем русского автора в хронологической разбивке, в системе доказательств, в самих посылах к отысканию предков в античных временах.

С той же идеей «золотого века» связан и образ мудрого правителя, просвещенного государя, который не раз возникает в «Истории...». Князю Иналу посвяще-

на особая «Повесть о подвигах Инала». Образу жизни и правлению князя Темрюка Идарова посвящено несколько преданий. Они органически вписаны в историю Кабарды XVI века, в том числе и в отношения с Россией и другими сопредельными странами. Шора Ногмов представляет читателю мудрость правителя прежде всего так, как ее понимали русские просветители:

Инал был щедро одарен природой; он имел все качества великих и добродетельных людей. Под его твердым и благоразумным управлением прекратились смуты и беспорядки между адыгейцами. Приобретя доверенность народа, он упрочил свою власть и успел примирить враждующие стороны и соединить разъединенные силы. Благородная душа его, ненавидя насилие и беспорядки, предприняла строгими мерами истребить вкоренившееся буйство. Первым попечением его было наказать виновных в беспорядках князей и их подданных... Благоразумие, прямотушие и высокие дарования Инала приобрели ему любовь и уважение адыгейских племен... Князь Инал пользовался в народе большим уважением, и подданные нарекли его великим и мудрым и любили его, как отца. Он же во все продолжение своей жизни ни о чем так не заботился, как о благосостоянии подданных и о спокойствии края [4. С. 112, 113].

Историк выявляет в своем герое именно те добродетели, которые должны быть присущи просвещенному государю, подчеркивая прежде всего значение личных качеств правителя для благоденствия народа, который и создает на земле «золотой век». Во всех случаях он подчеркивает, что только в единении правителя и народа — залог возвращения «золотого века».

Рисуя образы мудрых правителей, Шора Ногмов осуждает тех князей, чьи междоусобицы, распри, набеги приводили к разорению адыгов и делали их беззащитными перед внешним врагом.

К тому же особо подчеркнем: поистине триумфальное вхождение в сферу русской словесности представителей адыгского просветительства было обеспечено интересом русской общественности к вариативным моделям социального общежития.

3. Выводы

Итак, Шора Ногмов как художник предстанет во всей значительности только в том случае, если литературоведческому анализу будет подвергнут каждый из сюжетов и все произведение в целом. Это дело будущего. Пока же можно сказать, что в синкретизме «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова принципиальные функции выполняет как просветительская идеология, так и художественность произведения, т.е. Шора Ногмов выражает в своем произведении мифопоэтический тип сознания своего народа. Наряду с «Нартами» «История...» Шоры Ногмова продолжает оставаться неисчерпаемым источником изучения адыгской ментальности, сюжетов и мотивов в развитии современной русскоязычной и национальной литературы.

Список литературы

1. Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1993.
2. Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы. М., 1964.
3. Гарданов Б.А. История адыгейского народа Ш.Б. Ногмова // Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1959.
4. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1959.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.02.2019

Дата принятия к печати: 29.05.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Тхагазитов Ю.М., Казиева А.М. Истоки современного адыгского (северокавказского) литературного билингвизма (К 225-летию со дня рождения Шоры Ногмова) // Полилингвистика и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 330–336. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-330-336

Сведения об авторах:

Тхагазитов Юрий Мухамедович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. E-mail: kazieva@pgu.ru

Казиева Альмира Магомедовна — доктор филологических наук, профессор Пятигорского государственного университета. E-mail: kazieva@pgu.ru

Origins of Modern Adyghe (North Caucasian) Literary Bilingualism (To the 225th Anniversary of the Birth of Shora Nogmov)

Yuriy M. Thagazitov¹, Almira M. Kazieva²

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18 Pushkin str., Nalchik, Kabardino-Balkaria, 360000, Russian Federation

² Pyatigorsk State University
9Kalinin str., Pyatigorsk, Stavropol region, 357503, Russian Federation

The problem of interaction between the Adyghe and Russian cultures is discussed in the article. For the first time, the authors attempted to study the “History of Adyghe People” by Sh. Nogmov in the framework of the Karamzin ideology of the “History of Russian State”. The issue of interdependence of Russian and North Caucasian cultures in the context of the actualization of the problems of the modern bilingualism and globalization is also studied.

Key words: literature, dialogue of cultures, Adyghe educators, heroic songs, Caucasian war

References

1. Khakuashev, A.Kh. 1993. Adygskiyе prosvetiteli [Adyghe Educators]. Nalchik. 320 p. Print. (In Russ.)
2. Gachev, G.D. 1964. Uskorennoye razvitiye literatury [Accelerated Development of Literature]. Moscow, 312 p. Print. (In Russ.)
3. Gardanov, B.A. 1959. Istoriya adykheyskogo naroda Sh.B. Nogmova [The History of the Adychean People by Sh.B. Nogmov]. Nalchik. Print. (In Russ.)
4. Nogmov, Sh.B. 1959. Istoriyaadygeyskogonaroda [The history of the adychean people]. Nalchik, 240 p. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 13.02.2019

Accepted: 29.05.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Thagazitov Yu.M., Kazieva A.M. 2019. “Origins of Modern Adyghe (North Caucasian) Literary Bilingualism (To the 225th Anniversary of the Birth of Shora Nogmov)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 330—336. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-330-336

Bio Note:

Yuriy M. Thagazitov is a Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature, Doctor of Philology. E-mail: kazieva@pgu.ru

Almira M. Kazieva is a Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University. E-mail: kazieva@pgu.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346

Literary Translingualism: What and Why?

Steven G. Kellman

University of Texas at San Antonio
1 UTSA Circle, San Antonio, TX 78249

The article is devoted to a comprehensive understanding of the theory of translingualism. Its author, Professor Steven Kellman, discusses the essence of the term he proposed in the context of world literature, citing numerous examples of translingual imagination. Based on the work of writers such as Joseph Conrad, Vladimir Nabokov and others, Professor Kellman demonstrates how the mechanism of intercultural and translational interaction of linguistic and extralinguistic elements works in each individual case. The theory of translingualism enriched the cycle of the humanities (from linguistics to cultural studies, from literary criticism to philosophy) with a new popular episteme, which the editorial board gladly shares with our readers.

Key words: translingualism, translingual imagination, transculturation, intercultural communication, literary text

1. Introduction

I define literary translingualism as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one. The multinational, multicultural, multilingual Russian Federation, in which Chingiz Aitmatov and Gennadii Aigi wrote in their native Kyrgyz and Chuvash, respectively, as well as Russian, is a natural incubator for translingual literature. And RUDN, whose students hail from 156 countries, is an appropriate venue for its study. Many other countries, including Canada, France, India, Israel, Nigeria, South Africa, the United Kingdom, and the United States, have produced important translingual texts. Germany even established an annual award — named the Adelbert von Chamisso Prize, after a nineteenth-century poet who wrote in German, not his native French — to honor writers who write in German as an adopted language. During the past two decades, the study of translingualism has burgeoned — through university seminars, dissertations, conferences, journal articles, and monographs.

Writing well demands painful sacrifice. “It is only when you open your veins and bleed onto the page a little” wrote Paul Gallico, “that you establish contact with your reader” [1. P. 576]. Anyone who has ever tried to write a book might agree with George Orwell’s assessment that it is “a horrible, exhausting struggle, like a long bout of some painful illness” [2. P. 395]. So why would any sane person exacerbate the horror by contending

© Kellman S.G., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

with the additional burden of a foreign language's unfamiliar vocabulary and grammar? Writing in L2 means accepting an additional handicap, like the 30 pounds of firefighting gear that, in order to honor the memory of a fellow firefighter, James Gefke carried while finishing the 2011 Boston Marathon in four hours, 18 minutes, and 29 seconds. Joseph Conrad described the ordeal of writing in English rather than his native Polish as akin to arduous physical labor: "I had to work like a coal-miner in his pit quarrying all my English sentences out of a black night" [3. P. 82—83].

Furthermore, some notable authorities have insisted that no one can write anything of value except in L1. German Romanticism posited that for each nation and each individual there is only one language capable of expressing the authentic spirit. During the course of articulating a theory of translation in his 1813 essay "Über die verschiedenen Methoen des Übersezens" ("On the Different Methods of Translating"), Friedrich Schleiermacher casually denies the possibility of translingual literature, declaring that it is not possible to write something of artistic merit in a foreign language: "es nicht möglichstet was der Uebersetzung, sofern sie Kunst ist, würdiges und zugleich bedürftigesursprünglich in einer fremden Sprache zu schreiben [4. P. 77]. Thomas Jefferson, who spoke French fluently and studied Greek and Latin, proclaimed that: "No instance exists of a person's writing two languages perfectly" [5. P. 249]. Though no person ever writes perfectly in even one language, Petrarch's poems in Italian and Latin, Rainer Maria Rilke's in French and German, and Fernando Pessoa's in Portuguese and English refute Jefferson. A long roster of other translinguals, from Walter Abish and Chinua Achebe to Feridun Zaimoğlu and Louis Zukofsky, testifies to the fact that cultural production in an adopted language is quite possible after all.

2. Discussion

Most people in the world are multilingual, though most people are not writers. All of us negotiate multiple registers even within a single language. However, an isolingual writer writes only in L1. Though he could read half a dozen languages, Johann Wolfgang von Goethe wrote only in German and was thus, like Virgil, William Shakespeare, and William Faulkner, an isolingual author. By contrast, it might be useful to distinguish between two categories of translingual writer. An *isolingual translingual* (if that is not a contradiction in terms) switches languages and writes exclusively in the adopted language, whereas an *ambilingual translingual* writes in more than one language. Because he did all of his writing in French rather than his native Serer, Léopold Sédar Senghor would be classified as an isolingual translingual. So is Elias Canetti, who wrote in German and not Ladino, his L1. However, because he wrote his books sometimes in Afrikaans and sometimes in English, André Brink is an ambilingual translingual. So, too is Prem Chand, a major figure in both Urdu and Hindi.

The most prominent translingual authors of the twentieth century are Joseph Conrad, Samuel Beckett, and Vladimir Nabokov. Each represents a unique example of translingualism. Born Josef Józef Teodor Konrad Korzeniowski in what is now Ukraine, Conrad grew up speaking Polish. As sixteen, taking advantage of his knowledge of French, he shipped out of Marseille as a sailor on French merchant vessels. When poor health at

age thirty-six forced him to retire from the sea, he settled in England. His command of English was rudimentary, and his wife recalled that to his dying day he spoke the language with such a thick Polish accent that she often could not understand what he was saying. Nevertheless, as the author of *Heart of Darkness*, *Nostromo*, *The Secret Agent*, and *Under Western Eyes*, he managed to make himself into one of the canonical modern English novelists. Since all of his fiction was written in English, not Polish or French, Conrad was an isolingual translingual.

Born in Ireland, Beckett grew up speaking English, and wrote his first books of poetry, fiction, and nonfiction in English. However, after settling in Paris, he fulfilled his ambition of becoming a French writer, with notable works such as *Molloy*, *Malone meurt*, *L'Innommable*, *En attendant Godot*, and *Fin de partie*. An ambilingual translingual, Beckett also translated many of his French writings into English.

Vladimir Nabokov grew up in St. Petersburg amid wealth and privilege. From an early age, his command of Russian was complemented by private tutoring in French and English, so that he was effectively trilingual. In 1917, the family fled the Revolution, settling in Berlin, where Nabokov began a career writing poetry, drama, and fiction in Russian; since his work was banned in the Soviet Union, he was writing for the small community of Russian émigrés. When the Nazis came to power, he and his Jewish wife left Berlin for Paris, where he began writing in French. But when the German armies invaded France, Nabokov began his career all over again, on the other side of the Atlantic, writing in English. Works such as *Lolita*, *Invitation to a Beheading*, and *Pale Fire* established him as a major figure in Anglophone literature. However, if he had died in 1938, before ever moving to America, works such as *Защита Лужина*, *Отчаяние*, and *Дар* would have still earned him a prominent place in modern Russian literature. Had he been able to remain in France, he might well have become a formidable force in French literature. Nabokov clearly qualifies as a preeminent ambilingual translingual.

The many, many other translingual writers — both isolingual and ambilingual — of recent times include S.Y. Agnon, Edwidge Danticat, Assia Djebar, Aleksandar Hemon, Fazil Iskander, Milan Kundera, Ngũgĩ wa Thiong'o, Yoko Tawada — in fact, most of the most prominent writers from Africa and Asia, who adopted the language of a European colonial power for their literary expression. But translingualism also has an ancient pedigree. Much of classical Latin literature was created by outlanders such as Apuleius, Ausonius, Lucan, Martial, Quintilian, Seneca, and Terence — provincials who adopted the language of imperial Rome as their literary medium. Even earlier, it is quite possible that Anatolians, Carthaginians, Etruscans, and other peoples of the Mediterranean basin and Asia Minor appropriated the newly devised alphabet introduced to them by the seafaring Phoenicians not only by adapting it to their own unlettered tongues but also by writing in Phoenician. Even earlier than that, as far back as the 23rd century B.C.E., when the first poet history knows by name, Enheduanna, the only daughter of the powerful Akkadian king Sargon, wrote in Sumerian, though her first language was probably Akkadian. Within the far-flung empires of antiquity, subjects wrote in the imperial language — Greek, Latin, Persian, Arabic, Chinese, Sanskrit — regardless of what they spoke at home. Indeed, Yasemin Yildiz [6. P. 2] argues persuasively that what she calls “the monolingual paradigm” is an historical aberration that first emerged in late-

eighteenth-century Europe. Throughout the rest of history, multilingualism has otherwise been the norm, and writers have not felt constrained to stick with L1. Long before James Joyce made of *Finnegans Wake* a potpourri of multilingual puns and Leo Tolstoy alternated his Russian narration with aristocrats' dialogue in French, the medieval Goliardic poets employed code-switching in their macaronic verse.

Like Tolstoy's unhappy families, all translinguals are translingual in their own way. Yet they do share a certain set of motivations for taking on the daunting challenge of writing in an adopted language. One common and obvious impetus is migration. It is natural for newcomers to try to assimilate to a new home, often chiefly by learning its language. Milan Kundera had already established himself as a leading Czech novelist when, in his forties, he resettled in France and began writing in French. After moving to the United States, Ha Jin has written all of his fiction in English, not his native Chinese. Many immigrant memoirs — by Ariel Dorfman, Eva Hoffman, Luc Sante, Ilan Stavans, and others—are also what Alice Kaplan has dubbed “language memoirs”, accounts of how the author fashioned a new self in a new land in a new language. Mary Antin's classic 1912 autobiography, *The Promised Land*, celebrates how, moving from Polotsk (then part of the Russian Empire, now in Belarus) to Boston, she becomes American by learning to “think in English without an accent” [7. P. 282]. Antin's book, so proudly American and Anglophone that she even omits any mention of the language she left behind, Yiddish, is proof of her linguistic triumph.

However, in contrast to writers who switch languages because they switch countries are those who stubbornly cling to their native tongues far from the environs where they are usually spoken. Though he spent almost twenty years in the United States, Aleksandr Solzhenitsyn never made much effort to learn English, instead focusing on fulfilling his mission of writing, in Russian, the searing documents of oppression that had made him persona non grata in the country of his birth. Julio Cortázar lived in France for the last three decades of his life, but he continued to write in Spanish, not the ambient language, French. And, though Isaac Bashevis Singer, who was born in Poland, spent most of his life in the United States, and though he learned to speak fluent English, he insisted on composing all of his fiction in Yiddish, a language whose readership he realized had turned into ghosts.

Imperialism — military, political, cultural, or commercial — accounts for another large share of translinguals. The hegemony of a conquering culture accounts for many of the texts composed in Arabic, Chinese, Latin, Persian, and Sanskrit by non-native speakers. In modern times, control of Africa and Asia by colonial European powers ensured that indigenous writers chose English, French, or Portuguese as their literary medium, rather than Bengali, Vietnamese, Fulani, Malayalam, or Zulu. The question of what is the appropriate language for an African writer has been the subject of fierce debate among African writers themselves. Ngũgĩ waThiong'o, who began his career publishing novels in English and under the name James Ngugi, eventually decided that he was betraying his people by not writing in their indigenous language. He vowed to write all of his subsequent books in his native Gikuyu, though he also later translates them into English. Since Gikuyu is only one of many languages spoken in Ngũgĩ's Kenya, it is ironic that his most of his compatriots cannot read him in the authentic African language

he has chosen. Chinua Achebe, by contrast, wrote exclusively in English, not his native Igbo, which, however, had not yet developed a written form when he published *Things Fall Apart* in 1958. Achebe has argued that he and other colonial subjects have appropriated and transformed the European language and made it their own, an African English. As Salman Rushdie, who claims Urdu as his first language but writes in English, put it, “the Empire writes back with a vengeance” [8]. In Shakespeare’s *The Tempest*, Caliban employs the words of the colonizer to express a subaltern’s resentment when he tells Prospero: “You taught me language, and my profit on ‘t/ Is, I know how to curse” (Act 1 Scene 2, ll. 437–8).

In the modern global economy, commercial pressures can be as persuasive as military and political ones in inducing writers to switch languages. Certain world languages — Arabic, Chinese, English, French, Spanish — promise access to a much more extensive readership than, say, Finnish, Khmer, or Tajik. A native speaker of one of the latter who wants to write a bestseller, or merely earn a living, might consider it prudent to adopt a language with a wider currency.

Perhaps the most interesting class of translinguals are those who switch languages not because they were pressured to for one reason or another but, rather, out of a conscious exercise of free will. The artificial language Esperanto, concocted in 1887 by Ludwik Zamenhof, has virtually no native speakers. Esperantists are idealists who learn and use it as an auxiliary tongue that they believe can overcome nationalistic barriers and promote understanding and peace. The corpus of fiction, nonfiction, poetry, and drama that has been created in Esperanto represents translingual choice.

So, too, does modern Hebrew literature, which began to be created at the end of the nineteenth century, almost two thousand years after Hebrew had ceased to be a living language. It remained as the language of liturgy and scholarship, but Jewish nationalists aimed to revive it as a vibrant primary tongue that would solidify the bonds among a scattered people. They succeeded in an extraordinary feat of linguistic resuscitation, to the extent that Hebrew is now the first language of more than five million people. But the first two or three generations of modern Hebrewwriters, figures including S.Y. Agnon, Aharon Appelfeld, Chaim Nachman Bialik, and Shaul Tschernikhovskiy, were translingual; they chose to write in Hebrew, though it was their second, third, or even fourth language, after Arabic, German, Polish, Russian, or Yiddish. The attempt to revive the Irish language has not been quite as successful, but modern Irish literature, created by writers such as Brendan Behan and Brian O’Nolan whose L1 has usually been English, is translingual.

Switching languages is a way of inventing a new self, sometimes signaled by a change in name. Thus, Karen Blixen signed her works Isak Dinesen when she wrote in English rather than her native Danish. Shmuel Yosef Halevi Czaczkes changed his name to S.Y. Agnon when he began to write in Hebrew rather than his native Yiddish. Jin Xuefei adopted the identity of Ha Jin when he adopted English, not Chinese, as his literary language. And Brian O’Nolan became Flann O’Brien when he wrote in English but Myles nagCopaleen when he wrote in Irish. Born in Vilna, Roman Kacew became a successful author through the novels he wrote in French under the byline Romain Gary, though he also on occasion used the pseudonyms Émile Ajar, Fosco Sinibaldi, and Shatan Bogat. Of course not every writer wishes to undergo the perilous process of altering identity.

Though he lived in California for almost forty years, Czeslaw Miłosz continued writing in his first language, Polish. He explained that: “In my rejection of imposing a profound change on myself by going over to writing in a different language, I perceive a fear of losing my identity, because it is certain that when we switch languages we become someone else” [9. P. 220].

The vertigo of loss of self is sometimes, for translanguals, also accompanied by guilt over betrayal. Many languages use a maternal metaphor to refer to L1. In English, it is the mother tongue. In others, it is maternamlocutionem, *Muttersprache*, *langue maternelle*, *madrelingua*, *idiomamaterno*, 言語, *modersmål*, *anyanyelvük*, תפארת. *Язык матери*, יִשְׂרָאֵל-מִצְרַיִם, and مآل اممت غل. If one’s first language is the mother, then abandoning it for another becomes a kind of psychic matricide.

In sharp contrast to Miłosz’s refusal to forsake his mother tongue is the case of Jhumpa Lahiri, a particularly dramatic instance of self-transformation through willful translangualism. Though she grew up in Massachusetts in a Bengali-speaking family, Lahiri spoke English from an early age and grew up to achieve considerable critical and commercial success with two novels — *The Namesake* and *The Lowland* — and two collections of short stories — *Interpreter of Maladies* and *Unaccustomed Earth* — in the dominant language of the United States. However, during a visit to Italy, Lahiri fell in love with its language and, despite lacking any familial connection to Italy, determined to learn Italian well enough to write solely in that language. In 2015, she published *In Altre Parole*, a language memoir — in Italian — that is a record of her love affair with Italian and her aversion to English, the language she used to secure her position as a leading contemporary American writer. Lahiri’s translanguing embrace of Italian is willful and risky.

Like the trilingual options available to Nabokov, raised in a wealthy Russian family that provided him with private tutors in French and English, the ability to choose among languages is a product of privilege. Unlike the medieval aristocrats who created *kanshi*, poetry composed in Chinese by Japanese writers, most of the sixty million refugees in the world today must accommodate themselves to the languages of the countries they find themselves in. However, the notorious Oscar Wilde chose to make a point by writing his scandalous play *Salomé* in French rather than his native English. He was thumbing his nose at the English, the historical oppressors of his Irish people, and, eroticizing a hallowed Biblical story, he was deliberately using a language that the prim Victorians of England associated with libertine transgressions across the Channel.

Because of their linguistic dexterity, translanguing writers are uniquely equipped for autotranslation. Notable examples of writers who translated themselves include Beckett, Brink, Dinesen, Dorfman, and Nabokov. They are at legally free to take liberties with their own texts, even to reconceive them, that a hired professional translator would not dare. However, many translanguals find the task of self-translation an agony they would as soon forego. About the ordeal of refashioning his Russian novel «Отчаяние» into English as *Despair*, Nabokov complained it was “a terrible thing, translating oneself, sorting through one’s own innards, then trying them on for size like a pair of gloves” [10. P. 65]. Lahiri refused to translate her own Italian memoir *In Altre Parole* and was pleased to have the job consigned to the acclaimed professional translator Ann Goldstein, who rendered it as *In Other Words*.

It is possible to identify and discover anecdotal information about thousands of translingual writers while still begging some urgent fundamental questions: What difference does translanguaging make — for the writer and for the reader? Is it possible to perform a blind test on an unknown text and determine entirely from its style, structure, or themes whether it was written in an adopted language? Are certain genres more conducive than others to translanguaging — Is it more difficult to write poetry or prose in L2?

For Rafael Sabatini, these questions were not important. Writing thirty-one novels, including popular successes such as *Captain Blood*, *Scaramouche*, and *The Sea Hawk*, in his sixth language, English, he did not fuss over language choice as long as he could attain a transparent style that does not call attention to itself but invites readers to lose themselves in the colorful adventures of his characters. The Indian novelist Raja Rao also dismissed the entire subject. “The important thing”, he contended, in English, not his native Kannada, “is not what language one writes in, for language is really an accidental thing. What matters is the authenticity of experience, and this can generally be achieved in any language” [11. P. 147].

However, for Ludwig Wittgenstein, language is not merely incidental but, instead, determinative. We think, he thought, in language, and the particular language in which we think enables and constrains the thoughts we have: “Die Grenzen meiner Sprache bedeuten die Grenzen meiner Welt” [The limits of my language are the limits of my world] [12. P. 148–49]. Proponents of the controversial Sapir-Whorf Thesis of linguistic determinism maintain that each language embodies a unique *Weltanschauung*. “We dissect nature along lines laid down by our native languages” [13. P. 213], contended Benjamin Lee Whorf. So it would follow that the decision Yoko Tawada makes with each book of whether to write in German or Japanese is not merely a matter of typography.

Different languages orient us differently toward space and time, and a language that lacks a past tense embodies a very different sense of history than one with a complicated preterite system of simple past, past perfect, past progressive, past perfect progressive, and habitual past. The English language has one all-purpose word, *cousin*, for numerous possible relationships — one’s mother’s brother’s son, one’s father’s sister’s daughter, father’s brother’s daughter, mother’s sister’s daughter, etc. It is arguable that a Russian speaker, with separate terms for each of those possibilities, is forced to think more clear about families. And perhaps it is appropriate that it was the great nineteenth-century Russians — Tolstoy, Dostoevsky, Turgenev — who wrote great novels of families, often beginning with family trees. Unlike Russian and English, Spanish has a complex system of subjunctives, ways of expressing and signaling something that is contrary to fact. Perhaps it is appropriate that the prototypical novel about a man obsessed by his fantasies, *Don Quixote*, was written, by Miguel de Cervantes, in Spanish.

So, whether they want to admit it or not, language choice certainly matters to writers. Since the Saami languages spoken above the Arctic Circle in Norway, Sweden, and Finland possess more than 180 snow- and ice-related terms, anyone attempting to write an epic about sleet could be more precise and nuanced in one of those languages rather than Fang, a language spoken in Equatorial Guinea [14]. Furthermore, many writers testify to the liberating effect of switching from L1. Anton Shammas, a Palestinian, explained to an interviewer — in English — why he chose to write his novel *Arabesques* in Hebrew

rather than his native Arabic: “You cannot write about the people whom you love in a language that they understand. You cannot write freely. In order not to feel my heroes breathing down my neck all the time, I used Hebrew” [15. P. 48]. Hans Castorp in Thomas Mann’s *Der Zauberberg* is also emancipated and emboldened by switching languages. Speaking French rather than his native German enables him to overcome his inhibitions about flirting with Clavdia Chauchat, a married Russian woman. As he tells her, *enfrançais*, using the intimate *t* though he would not have dared address her as *du* in German: “Moi, tu le remarques bien, je ne parle guère le français. Pourtant, avec toi je préfère cette langue à la mienne, car pour moi, parler français, c’est parler sans parler, en quelque manière, — sans responsabilité, ou comme nous parlons en rêve” [16. P. 407] [As you’ve surely noticed, I barely speak French. All the same, I would rather speak with you in it than in my own language, since for me speaking French is speaking without saying anything somehow — with no responsibilities, the way we speak in a dream].

Writing in one’s native tongue can seem natural, but the words can flow too profusely to qualify as craft. There is a virtue in slowing the flow, in being more deliberative. Working in a less familiar language, translingual writers are forced to weigh their words more carefully than they might in L1. For Puerto Rican novelist Rosario Ferré, writing in her second language, English, had the beneficial effect of enforcing caution, making her concentrate on verbal choices. “English makes me slow down”, she explained. “I have to think over what I’m going to say twice, maybe three times — which is often healthy because I can’t put my foot, or rather my pen, in my mouth so easily”.

Language itself often becomes a theme in translingual writing, as for example when much of Nabokov’s *Pale Fire* turns on a mistranslation from the fictional language Zemblan or when the narrators of Beckett’s novelistic trilogy repeatedly express their contempt for words. Translingual writers tend to be more self-conscious about their choice of words, and, for readers of translingual literature, the verbal medium itself is foregrounded. For both writer and reader, language is defamiliarized, deautomatized, consistent with Viktor Shklovsky’s theory of *остранение*. Language is made strange, because deployed in a strange tongue.

It might be supposed that, not confined to the prison-house of a single language, and thus a single *Weltanschauung*, translingual writers exhibit a greater emotional resiliency and a wider imaginative range. Indeed, in her study of Russian writers, such as Mark Aldanov, Elsa Triolet, and Marina Tsvetaeva, who emigrated to France after the Revolution and wrote in French, Elizabeth Klosty Beaujour concludes that they share “cognitive flexibility”, “tolerance for ambiguity”, and “greater awareness of the relativity of things” [10]. Might this be what John Keats called “negative capability”, a chameleon-like refusal of fixed identity that, in a December 21, 1817 letter to George and Tom Keats, he described as “when a man is capable of being in uncertainties, mysteries, doubts, without any irritable reaching after fact and reason” [17. P. 41]? However, as the paragon of negative capability, Keats offered the example of William Shakespeare, who wrote exclusively in English. Similarly is *olingual*, though he knew half a dozen languages, was Johann Wolfgang von Goethe. Since neither of those two literary masters lacked imaginative range, it might be necessary to remain, at least for the moment, in uncertainty, mystery, and doubt about whether there is anything unique to translingual writers.

3. Conclusions

Solving such mysteries requires the talents and energies of generations of scholars — literary specialists but also linguists, neurologists, biohistorians, and anthropologists. No one researcher possesses the linguistic equipment to take on the task alone. If there are approximately 5,000 languages in the world, the number of translanguing possibilities would equal $5,000 \times 4,499 \div 2 = 12,497,500$. And that is only calculating the number of *bilingual* translanguing possibilities; authors who, like Kamala Das, Vladimir Nabokov, and George Steiner, move among three or more languages add even more possibilities to the challenge of mapping out the universe of translanguing literature. There remains much work for us all.

References

1. Gallico, P. 1946. *Confessions of a Story Writer*. New York: Knopf. Print.
2. Orwell, G. 1984. "Why I Write". *The Orwell Reader: Fiction, Essays, and Reportage*. San Diego: Harcourt. Print.
3. Conrad, J. 1927. Letter to Edward Garnett, August 28, 1908. In *Joseph Conrad: Life and Letters*, ed. C Jean Aubry. New York: Doubleday, Page. Print.
4. Schleiermacher, F. 2009. "Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens". *Dokumentezur Theorie der Übersetzungantiker Literatur in Deutschland seit 1800*. Edited by Josefine Kitzbichler, Katja Lubitz, and Nina Mindt. Walter de Gruyter. pp. 59–82. Print.
5. Jefferson, T. 1785. Letter to John Banister Junior. October 15, 1785. *Jefferson: Political Writings*. Joyce Appleby and Terence Ball, eds. Cambridge, England: Cambridge University Press, 247–49. Print.
6. Yildiz, Y. 2012. *Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition*. Fordham University Press. Print.
7. Antin, M. 1997. *The Promised Land*. Introduction and notes by Werner Sollors. Penguin. Print.
8. Rushdie, S. 1982. "Empire Writes Back With a Vengeance". *Sunday Times*, 2 July 1982: 8.4. Print.
9. Miłosz, C. 2001. *Miłosz's ABC's*. Trans. Madeline G. Levine. New York: Farrar, Straus and Giroux. Print.
10. Beaujour, E. 1989. *Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the "First" Emigration*. New York: Cornell University Press. Print.
11. Rao, R. 1992. "Raja Rao". In *Interviews with Writers of the Post-Colonial World*, ed. Feroza Jussawalla and Reed Way Dasenbrock, 140–55. Jackson: University Press of Mississippi. Print.
12. Wittgenstein, L. 1981. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Ed. and trans. C.K. Ogden Boston: Routledge & Kegan Paul. Print.
13. Whorf, B.L. 1956. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings*. Ed. John B. Carroll. Cambridge, MA: MIT Press. Print.
14. Magga, O.H. 2006. "Diversity in Saami terminology for reindeer, snow, and ice". *International Social Science Journal* 58: 25–34. Print.
15. Shammas, A. 1988. "My Case Is Hopeless". Interview by Anne Zusy. *New York Times Book Review*, April 17, 1988, 48. Print.
16. Mann, T. 1974. *Der Zauberberg*. Berlin: S. Fischer. Print.
17. Keats, J. 2002. *Selected Letters*. Ed. Robert Gittings. New York: Oxford University Press. Print.

Article history:

Received: 07.06.2019

Accepted: 04.07.2019

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Kellman, S.G. 2019. "Literary Translingualism: What and Why?". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 337—346. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346

Bio Note:

Kellman S.G. is a Professor at the Department of English, University of Texas at San Antonio. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

Литературный транслингвизм: что и почему?

Келлман С.Г.

Техасский университет Сан-Антонио
1 Университетский округ

Статья посвящена всестороннему осмыслению теории транслингвизма. Автор рассуждает о сущности предложенного им термина в контексте мировой литературы, приводя многочисленные примеры транслингвального воображаемого. На материале творчества таких писателей, как Джозеф Конрад, Владимир Набоков и другие, в статье показано, как срабатывает механизм интеркультурного и транслингвального взаимодействия языковых и внеязыковых элементов в каждом индивидуальном случае. Теория транслингвизма обогатила цикл гуманитарных наук (от лингвистики до культурологии, от литературоведения до философии) новой востребованной эпистемой, которой редколлегия с радостью делится с нашими читателями.

Ключевые слова: транслингвизм, транслингвальное воображение, транскulturация, межкультурная коммуникация, художественный текст

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07.06.2019

Дата принятия к печати: 04.07.2019

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Келлман С.Г. Литературный транслингвизм: что и почему? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 337—346. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346

Сведения об авторе:

Стивен Келлман — профессор Департамента английского языка Техасского университета Сан-Антонио. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-347-357

Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингов

Е.С. Лебедева¹, Т.А. Лупачева²

¹ Московский государственный университет им. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский пр., 31/1

² Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

Данное исследование выполнено в русле теории языковых контактов, теории межкультурной коммуникации, лингвистики текста и лингвоконтактологии. Объектом исследования является художественный транслингвизм. Предметом исследования являются лингвокреативные характеристики транслингвального художественного текста. Материалом исследования послужили произведения англоязычных китайских и русских авторов (Olga Grushin, Irina Reyn, Lara Varpyar, Anya Ulinich, Gish Jen, Ha Jin, Amy Tan, Jade Snow Wong, Frank Chin и др.). В рамках исследования были выявлены сходства и различия в выражении лингвокреативности в художественном творчестве писателей, принадлежащих к неродственным лингвокультурам. Палитра средств описания родной культуры, используемых авторами-транслингвами, очень разнообразна: заимствования, кодовое смешение и переключение, прецедентные тексты родной литературы, контаминированная речь, использование лексем английского языка для передачи значимых для родной культуры событий (путем придания им культурно-специфического значения).

Ключевые слова: писатели-билингвы, писатели-транслингвы, лингвокреативность, транскультурная креативность

1. Введение

В XX веке появляется новый тип писателей, которые выбирают английский язык для творческого самовыражения, чтобы значительно расширить свою читательскую аудиторию. Вместе с тем они остаются в рамках родной им культуры. Таким образом, возникает мировая англоязычная литература, созданная представителями совершенно разных лингвокультурных сообществ.

Среди исследователей до сих пор нет единства мнений по поводу того, какой именно термин следует выбрать для наименования подобного явления. Данную литературу именовали контактной, постколониальной, второязычной инокультурной, билингвальной и т.п. Поскольку для такого креативного творчества ха-

© Лебедева Е.С., Лупачева Т.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

рактен сплав культур и литературных традиций, то появились термины «кросс-культурная» [1], «транскультурная» (А. Dagnino, 2012) или «транслингвальная» литература (S. Kellman, 2000; J. Hansen, 2013, A. Wanner, 2011).

З.Г. Прошина, цитируя С. Канагараджу, М. Тлостанову и Ли Джерри Вона, под транслингвильностью понимает плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков. Транслингвильность означает проницаемость языков, их взаимовлияние, вследствие чего возникает новое качество обогащенной лингвокультуры [2. С. 160]. Таким образом, под транслингвильной литературой понимается литература, созданная писателем-билингвом на неродном для него языке, но сохраняющим при этом собственную этно- и лингвокультурную идентичность, в результате чего возникает некая новая, «промежуточная» лингвокультурная модель [2. С. 162].

Отечественные лингвисты И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни говорят о таком явлении, как авторский билингвизм, который предполагает порождение художественных произведений на неродном языке/языках. Однако «если рассматривать язык не просто как нейтральное орудие мысли, внешнее по отношению к ее содержанию, а как неотъемлемый компонент формирования самого содержания... то возможность абсолютной равноценной творческой деятельности при переходе от одного языка к другому представляется сомнительной» [3. С. 298].

Представляется важным разграничить понятия авторского билингвизма и транслингвизма/транскультурной креативности. Транслингвильными/транскультурными авторами в данном исследовании мы называем тех, кто намеренно выбрал языком своего творчества неродной язык и никогда ничего не создавал на родном.

И хотя лингвисты и литературоведы используют разные термины для обозначения билингвильных (транслингвильных) авторов и их произведений, суть описываемых явлений одинакова.

Билингвильные и транслингвильные авторы отличаются формированием особой картины мира, сочетающей две контактирующие культуры: родную культуру и ее язык; культуру второго языка. Языковая картина мира первой культуры, как ментальная сущность, оказывает доминирующее воздействие на писателя [4].

Идиоэтническое начало «заложено на генетическом уровне автора и неизбежно проявляется в его художественном дискурсе». А.Б. Туманова делает вывод, что такая закономерность способствует формированию у автора как личности и как художника слова особой, своеобразной языковой картины мира негомогенного характера, представляющей результат контаминации, взаимовлияния двух культур и двух языков [5].

У.М. Бахтикиреева отмечает, что «языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур» [6].

Основная функция художественной литературы — функция эстетического воздействия — определяет содержание и форму произведения. Художественная картина мира возникает в сознании читателя при восприятии им художествен-

ного произведения. Это вторичная картина мира, поскольку, создавая ее языковыми средствами, писатель отражает и свою индивидуальную картину мира. Иначе говоря, художественная картина мира опосредована дважды: языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира, воплощенной в данном тексте. При этом смыслы, которые «входят в пресуппозицию автора и читателя», могут остаться «закрытыми» для представителей инолингвокультуры [7. С. 5]. Художественная картина мира воплощается в языковых средствах, включающих «определенные тематические группы языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства и др.» [8. С. 8].

«Основной сложностью выражения культурной идентичности средствами другого языка является сохранение “голоса”, “духа” культуры, т.е. сохранение лингвокультурного субстрата — культурно-специфических деталей при выражении мыслей средствами другого языка. Лингвокультурный субстрат в контексте другого языка актуализируется как инолингвокультурный субстрат (термин введен В.В. Кабакчи), вербализуемый, главным образом, ксенонимами, т.е. номинациями специфических элементов инолингвокультуры» [9].

2. Обсуждение

Данное исследование выполнено в русле теории языковых контактов, теории межкультурной коммуникации, лингвистики текста и лингвоконтактологии. Объектом исследования является художественный транслингвизм. Предметом исследования являются лингвокреативные характеристики транслингвального художественного текста. Материалом исследования являются произведения англоязычных китайских и русских авторов (Olga Grushin, Irina Reyn, Lara Vapnyar, Anya Ulinich, Gish Jen, Ha Jin, Amy Tan, Jade Snow Wong, Frank Chin и др.).

Сопоставительное изучение произведений транслингвальных авторов представляется актуальным. В рамках литературоведческого исследования Е.М. Бутениной были отдельно рассмотрены произведения азиатско-американской литературы, которая вошла в мейнстрим американской литературы XX века [10. С. 68], и англоязычные романы русских писателей-эмигрантов. Однако до настоящего времени транслингвальный опыт англоязычных русских и китайских авторов с точки зрения анализа инолингвокультурного субстрата не был изучен в сопоставлении.

Цель данного исследования — выявить сходства и различия в выражении лингвокреативности в художественном творчестве писателей, принадлежащих неродственным лингвокультурам. Существуют ли в художественном творчестве закономерности, предпочитаемые как самим строем языка, так и национально-культурным сознанием его носителей? Привносят ли таким образом транслингвальные авторы свой ассоциативный ряд, не свойственный языку, на котором они создают свои произведения?

Художественный текст писателя-транслингва характеризуется особыми признаками лингвокреативности, которые находят выражение в идиостиле писателя. Палитра средств описания родной культуры, используемых авторами-транслингвами, очень разнообразна: заимствования, кодовое смешение и переключение,

использование прецедентных текстов, использование лексем английского языка для передачи значимых для родной культуры событий (путем придания им культурно-специфичного значения).

Транскультурная креативность проявляется при передаче национально-культурной специфики описываемых явлений на ином языке, в первую очередь, на уровне лексики. Зачастую выражение культурной идентичности посредством английского языка требует привлечения средств экспликации.

Проведя сравнительное исследование, мы выявили сходные лингвостилистические черты, характерные как для русско-американских, так и для китайско-американских писателей, наряду с этим обнаружили и некоторые различия.

Транскрипция реалии с объяснением. В своем романе «Петрополис» (“Petropolis”) Аня Улинич повествует о тяжелой жизни юной Саши Голдберг сначала в России конца 80-х, а потом в США, куда последняя эмигрирует в начале 90-х. В связи с описанием событий, происходящих в русской культуре, автор неоднократно прибегает к заимствованиям, которые вводит путем транскрибирования, а также дает пояснение:

Every time someone died in their building, the family of the *pokoinik* left the coff in lid outside their apartment, leaning against the wall of the stairwell [15. С. 18].

В России умершего человека называют «покойником» от основы «покой», так как принято считать, что душа умершего нашла покой, успокоилась. Именно эту связь и использует автор для разъяснения заимствования: *What a nice word, pokoinik: “acalmone”, “arestingone”* [15. С. 18].

В произведении Эми Тань “The Kitchen God’s Wife” подробному объяснению подвергается транскрибированная кулинарная реалия “*syen do jang*”. Автор поясняет прямо в тексте, что это соленый суп из соевого молока, а также добавляет информацию о том, где его можно купить:

And then — ting-ting-ting — the servant came in with two steaming bowls of *syen do jang*. You know the one, *the salty-tasting soy-milk soup we can get at Fountain Court on the weekend* [16. С. 115].

Важно отметить также, что в произведениях китайско-американских авторов никогда не встречается трансплантация ввиду трудности понимания иероглифов читателями. С целью создания экзотического колорита, но одновременно руководствуясь целью передать хотя бы звуковой облик слов, авторы используют прием транскрипции, в основном используя систему Pinyin.

Реалия без объяснения. Роман Ирины Рейн “What happened to Anna K.” посвящен жизни еврейской иммигрантки из России в США, и автор предпочитает оставить название еврейской национальной выпечки «ругелах» без пояснений:

David’s skin smelled of pastry, like the fresh ruge lach her grandmother used to bake [17. С. 134].

Такой выбор автора очевиден, поскольку это лакомство очень популярно среди американских и европейских евреев, часто встречается в большинстве кафе и пекарен, что может говорить об узнаваемости реалии в тексте.

Подобной же узнаваемостью в англоязычном тексте можно объяснить отсутствие авторского пояснения китайской реалии “hoisin sauce”. Следует также отметить, что данная реалия становится известной представителям и других лингвокультур ввиду популярности китайской кухни:

Maybe because I grew up with black bean sauce and *hoisin* sauce and garlic sauce, I always feel something is missing when my son-in-law talk [18. С. 5].

Описание традиции средствами английского языка. Ольга Грушина в своем романе «Очередь», действия которого разворачиваются в советской Москве второй половины XX века, органично вплетает русские верования в текст произведения:

She kissed him as she always had, in the doorway, repeating, “Careful, *not across the threshold*,” standing on tiptoy to reach him [19. С. 138].

Поверье, что нельзя ничего делать (здороваться, передавать что-то, говорить) через порог появилось во времена языческой Руси. Славяне хоронили родственников под порогом своего дома, считалось, что умершие родственники будут помогать своим потомкам и после смерти, станут своеобразным сторожем жилища.

Аналогично Джейд Сноу Вонг выбирает исключительно средства английского языка, чтобы описать традицию оповещения о рождении ребенка в семье. Соседям и друзьям отправлялись пакеты, в которых находились выкрашенные в красный цвет яйца, кусок жареной курицы и несколько ломтиков маринованного имбиря. Получившие пакет понимали, что теперь они могут поздравлять своих знакомых с рождением ребенка. Выбор английского языка в данном случае можно объяснить желанием автора быть как можно ближе к читателю, не отпугнуть его излишней «экзотичностью», так как это произведение было одним из первых китайско-американских и отношение к нему было настроженным:

Each bag contained somered eggs, a section of chicken, and some slices of pickled white ginger root [20. С. 25].

Калькирование. И для китайских, и для русских авторов характерно использование калькирования для передачи реалий родной культуры.

Лара Вапняр калькирует устойчивое словосочетание «тихий час», которое означает промежуток времени в середине дня, предназначенное для послеобеденного отдыха или сна в лечебных, оздоровительных и детских дошкольных учреждениях:

Maybe she couldn't eat fast enough, bit she never talked during *the quiet hour*, never broke toys, and never fought with other kids [21. С. 88].

Интересно отметить, что подобная реалия существует и в англофонной культуре, где время послеполуденного сна и отдыха называют “naptime”. Но для передачи русского колорита автор калькирует русское выражение, значение которого достаточно просто вывести из контекста.

В следующем отрывке из повести Ха Цзинь читатель сталкивается с несколькими кальками. Англоязычному читателю они покажутся кальками с китайского языка, но носитель русского языка узнает в них «социалистические реалии»:

Since they were married, they had lived in one room in a dormitory house on Old Folk Road, owned by Meilan's *work unit*, *the People's Department Store* [22. С. 2].

Таким образом, в данном случае мы видим опосредованную калькированную реалию.

Включение фразеологии. Романы транслингвальных авторов изобилуют фразеологизмами из родной культуры. Аня Улинич курсивом вводит русскую поговорку *Одна нога здесь, другая там*: “One leg here, another there, Rayahad said” [15. С. 21]. Это разговорное выражение означает ‘очень быстро’ и, как правило, употребляется при требовании или приказании. Ольга Грушина для описания неопытности и молодости героя, в свою очередь, калькирует фразеологизм *Молоко на губах не обсохло*, при этом его сокращая:

I remember when you first came, such a dashing fellow, practically a boy, bushes of curly hair, milk on your lips... [19. С. 60].

Китайско-американские писатели также активно используют такое яркое в лингвокультурном смысле средство как фразеология:

All he could think of, as he headed back in, was what his father used to say about people lost in narrow, dead-end specialties — that *they had crawled into the tip of a bull’s horn* [23. С. 181].

В данном случае фразеологизм представлен в калькированном виде и с объяснением того, в какой ситуации его используют в речи. *Заползти в кончик рога быка* означает у китайцев ‘попасть в безвыходную ситуацию’.

Включение контаминированной речи. В произведениях русских транслингвальных авторов был обнаружен лишь один случай использования контаминированной речи иностранца:

“I shall come for Thursday. I’m high level”, he says.... Sasha smiles. *Surzday*. She hasn’t heard it said this way since she left Number 13’s English classroom over two years ago [15. С. 93].

Наличие одного примера говорит скорее об отличительной особенности произведений китайских авторов, где контаминированная речь иностранца является одним из распространенных авторских приемов:

“What explain? She young when I leabing China. U.S.A. change laws an’ old lady start come over. Donk I telling you you’re Chinese? Surprise!” [24. С. 89].

В данном отрывке, взятом из пьесы Фрэнка Чина «Год дракона», в контаминированной речи китайца отсутствует глагол-связка в английском предложении, формант прошедшего времени у глагола. Наблюдаются и некоторые фонетические особенности речи иностранца (замена согласных).

Несмотря на многочисленные сходные лингвостилистические черты в произведениях русско-американских и китайско-американских авторов, нами были найдены некоторые отличия.

Прецедентные тексты. В произведениях китайских авторов совсем не используются прецедентные тексты из классической литературы, музыкальных произведений родной культуры. Для русских же авторов использование таких текстов в русской классике, поэзии и фольклоре — излюбленный авторский прием.

Так, Аня Улинич вводит текст широко известной песни «Вот кто-то с горочки спустился»:

There's someone comin' down the hill.
For sure that's my sweetheart!
He's got a camouflage shirt,
It's gonna drive me out of my mind... [15. С. 45].

Ольга Грушина в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» цитирует А.С. Пушкина:

Her hand felt cool in mine, and in my stunned mind, Pushkin's immortal tribute to his beloved rang out like a clear crystal bell: *Chisteisheiprelestichisteishiobrazets*. The purest image of the purest charm [25. С. 199].

Общенная лексика. Отличительной чертой творчества китайско-американских писателей является использование общенной лексики, что не характерно для русско-американских авторов. В приведенном примере ругательство имеет ярко-выраженную национальную окраску — «сын черепахи»:

“He couldn't help cursing Liu to himself, *Son of a tortoise*, you've had a good apartment already, but you took a larger one this time. You've abused your power. This is unfair, unfair!” [22. С. 5].

Выводы

Таким образом, проведя сравнительный анализ передачи культурной и национальной идентичности в произведениях авторов-транслингов и авторов-билингвов, принадлежащих неродственным лингвокультурам, мы пришли к выводу, что большая часть средств совпадает (введение заимствований в транслитерированном или калькированном виде, иногда сопровождаемое параллельным подключением, кодовое переключение и смешение). Данный факт можно объяснить тем, что любой англоязычный транслингвальный автор вне зависимости от своей родной культуры может быть ограничен инструментарием английского языка, который он использует для передачи своей родной культуры и идентичности. Однако в произведениях китайско-американских авторов были обнаружены многочисленные случаи контаминированной речи иностранца, случаи диалектной речи (в основном кантонского диалекта китайского языка), общенная лексика. В англоязычных произведениях русских авторов были обнаружены примеры использования прецедентных текстов из произведений русской литературы, русских песен, что можно объяснить влиянием русской классической литературы на формирование культурной идентичности писателей.

Основной темой транслингвальных произведений является тема эмиграции и жизни в иной культурной среде, что и диктует писателю выбор соответствующих языковых средств.

Список литературы

1. *Глостанова М.В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. 400 с.

2. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
3. Валуцьева И.И., Хухуни Г.Т. Литературный билингвизм: за и против // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, тематический выпуск современные тенденции билингвального образования. 2015. № 5. С. 298—303.
4. Юзефович Н.Г. Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе: постановка проблемы // SpeechandContext. 2011. Т. 2 (III). С. 235—244.
5. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: монография. Алматы: КБТУ, 2010. 260 с.
6. Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 94—95.
7. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
9. Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г. Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 95—101.
10. Бутенина Е.М. Современный роман США. Владивосток: Мор.гос. ун-т, 2010. 100 с.
11. Dagnino A. Transcultural Writers and Transcultural Literature in the Age of Global Modernity // Transnational Literature. 2012. Vol. 4. No. 2. [электронный ресурс] URL: https://dspace.flinders.edu.au/xmlui/bitstream/handle/2328/25881/Transcultural_Writers.pdf;jsessionid=FD0A9FB527D0C787123C115029DFEEB9?sequence=3 (accessed: 06.10.2018).
12. Kellman S. The Translingual Imagination. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000.
13. Nordin I.G., Hansen J., Llena C.Z. Transcultural identities in contemporary literature. Amsterdam-New York: NY, 2013.
14. Wanner A. Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2011.
15. Ulinich A. Petropolis. New York: Penguin, 2008.
16. Tan A. The Kitchen God's Wife. New York: Ivy Books, 1992.
17. Reyn I. What happened to Anna K. New York: Touchstone, 2008.
18. Jen G. Who's Irish? New York: Vintage Books, 2000.
19. Grushin O. The Line. New York: Penguin, 2010.
20. Wong J.S. Fifth Chinese Daughter. Seattle and London: University of Washington Press, 2000.
21. Vapnyar L. There are Jews in My House. New York: Anchor Books, 2004.
22. Jin H. In the Pond. Great Britain: Vintage, 2001.
23. Jen G. Typical American. London: Granta Books, 1998.
24. Chin F. The Chickencoop Chinaman. The Year of the Dragon. Seattle and London: University of Washington Press, 1981.
25. Grushin O. The Dream Life of Sukhanov. New York: Penguin, 2007.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.02.2019

Дата принятия к печати: 09.04.2019

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Лебедева Е.С., Лупачева Т.А. Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингвов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 347—357. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-347-357

Сведения об авторах:

Лебедева Екатерина Сергеевна — старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: chaton17@mail.ru

Лупачева Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета. E-mail: lupachyova@yandex.ru

Linguistic and Stylistic Features of Translingual Writers: Comparative analysis

E.S. Lebedeva¹, T.A. Lupacheva²

¹ Moscow State University of Lomonosov
31/1, Moscow, 119192, Russian Federation

² Far Eastern Federal University
8, Vladivostok, 690091, Russian Federation

The present research is conducted within the frameworks of language contacts theory, intercultural communication theory, text linguistics and linguacontactology. Creative translingualism is the object of the research. Linguacreative characteristics of translingual fiction are the subject of the research. Fiction written by Russian and Chinese authors in English (Olga Grushin, Irina Reyn, Lara Vapnyar, Anya Ulinich, Gish Jen, Ha Jin, Amy Tan, Jade Snow Wong, Frank Chin, etc.) has served as the material for the analysis. Within the scope of the present research the similarities and differences of linguacreativity in the fiction written by authors belonging to unrelated linguacultures were determined. The range of native culture description means used by translingual writers is very diverse: loan-words, code switching and code mixing, native literature and songs allusions, contaminated speech, usage of English lexical units to transmit significant for native culture events (by attributing culturally specific meanings).

Key words: bilingual writers, translingual writers, linguacreativity, transcultural creativity

References

1. Tlostanova, M.V. 2000. Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA XX veka [Multiculturalism and American Literature of the 20th century]. Moscow: Naslediye Publ. Print. (In Russ.)
2. Proshina, Z.G. 2017. Translingualism and its Application. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices, 14 (2): 155—170. Print (In Russ.)
3. Valuitseva, I.I., and Khukhuni G.T. 2015. Literary Bilingualism: PRO and CONTRA. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices, 5: 298—303. Print. (In Russ.)
4. Yuzefovich, N.G. 2011. Inolingvokul'turnyi substrat v translingval'noi literature: postanovka problem [Foreign Linguacultural Substrate in Translingual Literature]. Speech and Context 2 (III): 235—244. Print. (In Russ.)

5. Tumanova, A.B. 2010. Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva [Contaminated Linguistic Worldview in a Literary Discourse of a Bilingual Writer]. Almaty: Kazakh british Technical University publ. Print. (In Russ.)
6. Bakhtikireeva, U.M. 2015. Russkoyazyichie kak aktualnaya mezhdistsiplinarnaya problema [Russian-speaking as an Actual interdisciplinary Problem]. *Sotsialnyie i umanitarnyye nauki na Dalnem Vostoke*. 1 (45): 94—99.
7. Sorokin, Yu.A. 2003. Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury [Translation Studies: Translator's Status and Psychological and Hermeneutical Processes]. Moscow: Gnozis Publ. print (in Russ.)
8. Popova, Z.D., and I.A. Sternin. 2007. Yazyk i natsionalnaya kartina mira [Language and National Worldview]. Voronezh: Istoki Publ. Print. (In Russ.)
9. Kabakchi, V.V., and Yuzefovich N.G. 2007. Foreign Linguacultural Substrate in Cross-cultural Communication. *ISSUES OF COGNITIVE LINGUISTICS* 3: 95—101.
10. Butenina, E.M. 2010. Sovremennyi roman SShA [Modern American Prose]. Vladivostok: Maritime State University Publ. Print. (In Russ.)
11. Dagnino, A. 2012. "Transcultural Writers and Transcultural Literature in the Age of Global Modernity". *Transnational Literature* 4 (2). Web. Publ. https://dspace.flinders.edu.au/xmlui/bitstream/handle/2328/25881/Transcultural_Writers.pdf;jsessionid=FD0A9FB527D0C787123C115029DFEEB9?sequence=3 Web.
12. Kellman, S. 2000. *The Translingual Imagination*. Lincoln: University of Nebraska Press.
13. Nordin, I.G., J. Hansen, and Llena C.Z. 2013. *Transcultural identities in contemporary literature*. Amsterdam-New York: NY.
14. Wanner, A. 2011. *Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press.
15. Ulinich, A. 2008. *Petropolis*. New York: Penguin.
16. Tan, A. 1992. *The Kitchen God's Wife*. New York: Ivy Books.
17. Reyn, I. 2008. *What happened to Anna K*. New York: Touchstone.
18. Jen, G. 2000. *Who's Irish?* New York: Vintage Books.
19. Grushin, O. 2010. *The Line*. New York: Penguin.
20. Wong, J.S. 2000. *Fifth Chinese Daughter*. Seattle and London: University of Washington Press.
21. Vapnyar, L. 2004. *There are Jews in My House*. New York: Anchor Books.
22. Jin, H. 2001. *In the Pond*. Great Britain: Vintage.
23. Jen, G. 1998. *Typical American*. London: Granta Books.
24. Chin, F. 1981. *The Chickencoop Chinaman. The Year of the Dragon*. Seattle and London: University of Washington Press.
25. Grushin, O. 2007. *The Dream Life of Sukhanov*. New York: Penguin.

Article history:

Received: 01.02.2019

Accepted: 09.04.2019

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Lebedeva, E.S., and T.A. Lupacheva. 2019. "Linguistic and Stylistic Features of Translingual Writers: Comparative analysis". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 347—357. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-347-357

Bio Note:

Ekaterina S. Lebedeva is a Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department of Foreign Languages Theory, Moscow State University of Lomonosov. E-mail: chaton17@mail.ru

Tatyana A. Lupacheva is a Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: lupachyova@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-358-365

Карачаево-балкарская литература и проблемы этнической идентичности

Г.Д. Базиева, Ф.Т. Узденова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18

В современный период проблемы билингвизма в литературно-художественном (литературоведческом) аспекте связаны как с изучением речевых характеристик персонажей в произведениях, так и с анализом художественной литературы, созданной писателями-билингвами и воспринимаемой билингвальными социумами. В формировании и развитии литературно-художественной школы на территории Северного Кавказа большое значение имело распространение и изучение арабского и русского языков. В статье прослеживается динамика развития билингвизма в художественной литературе народов Северного Кавказа (XIX — нач. XXI в.). Используется культурологический подход к анализу билингвизма как важного феномена, отражающего ментальные, этнокультурные и общечеловеческие духовные ценности.

Ключевые слова: билингвизм, русская литература, этническая идентичность, просветительская литература, советская литература, постмодернизм, Северный Кавказ

1. Введение

Современные исследователи билингвизма выделяют несколько аспектов его изучения: педагогический, лингвистический, психологический и литературно-художественный. Каждый из аспектов билингвизма выступает как «интердисциплинарная проблема, требующая усилий ряда смежных наук, поскольку лингвистический аспект неизбежно переплетается в ней с психологическим, а психологический — с педагогическим, литературно-художественный с лингвистическим» [1. С. 12].

Литературные тексты наряду с религиозными, мифологическими, художественными и др. являются универсальными хранителями и генераторами культурной памяти не в пассивной (констатирующей), а активной (перерабатывающей) форме. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и “как бы перестает существовать”. Тексты, образующие “общую память” культурного коллектива, не только служат средством дешифровки

© Базиева Г.Д., Узденова Ф.Т., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые», — отмечал Ю.М. Лотман [1. С. 200].

В качестве примера можно привести художественные и публицистические очерки просветителей Северного Кавказа, написанные в XIX — начале XX века, не потерявшие своей актуальности и в наши дни, так как проблемы, поднимаемые в них (необходимость сохранения этнокультурных традиций, духовных ценностей, этнической идентичности и др.), стояли в центре внимания как советской, так и постсоветской литературы.

В статье определены основные этапы развития билингвизма в карачаево-балкарской литературе, рассмотрено его значение в развитии художественного процесса.

2. Обсуждение

Значительный вклад в изучение и развитие культуры не только карачаевцев и балкарцев, но и других горских народов внесла семья Урусбиевых (Исмаил и его сыновья Сафар-Али, Науруз). Исмаил Урусбиев лично встречался с С.П. Танеевым, М.А. Балакиревым, открывая для них самобытный мир национальной музыки. «Князь — отличный знаток национальных преданий и легенд, и голова его кишит гипотезами о заселении Кавказа и об его прошлых судьбах. Память у князя феноменальная. Однажды, беседуя с нами о русской литературе, он, в доказательство своей мысли цитировал несколько мест из Добролюбова», — писал С.П. Танеев в одном из своих писем [2. С. 491]. Сыновья Исмаила Сафар-Али и Науруз также занимались просветительской деятельностью. Выпускник Петровско-Разумовской академии (ныне Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева) Сафар-Али предпринимает первые попытки создания грамматики балкарского языка; углубляется в исследование эпоса «Нарты», результатом чего стала статья «Сказание о нартовских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области», опубликованная в 1881 году в Тифлисе.

В карачаево-балкарской просветительской литературе указанного периода (М. Абаев, Б. Шаханов, И. Хубиев (Карачайлы) и др.) активно развивались гражданские мотивы, демократические народнические устремления национальной интеллигенции. Исторический очерк «Балкария», написанный М. Абаевым на русском языке, публиковался отдельными статьями в газете «Каспий», а затем вышел в журнале «Мусульманин» (Париж, 1911).

Накануне Первой русской революции М.К. Абаев пишет рассказ-притчу «Горская легенда» [3], в которой поднимает ряд вопросов, связанных с проблемами этнической, религиозной и политической идентичности. В произведении соединяются три уровня горской реальности: народно-мифологическая, религиозная, современная. Примерно с этого же времени начинается деятельность известного карачаевского публициста И. Хубиева. Письмо, с которым он обратился в «Мусульманин» (о возможности публиковать проблемные статьи о горской действительности), было опубликовано в журнале в 1910 году, когда Исламу едва исполнилось пятнадцать лет. Желание писать возникло в результате мучительных раздумий о тяжелой участи большинства людей, которых довелось знать

любопытному подростку. С середины 1920-х годов И. Хубиев работает в Ростове-на-Дону, его статьи и заметки печатаются во многих журналах (общее число последних достигало 18). Только в двух из них — «Терек» и «Советский юг» — было опубликовано более ста пятидесяти его трудов [4. С. 8]. Где бы он ни работал, как далеко ни находился бы от горного края, он не переставал думать и заботиться о соплеменниках; часто приезжал в Карачай, бывал во многих аулах, встречался с животноводами на высокогорных пастбищах.

С конца XVIII — начала XIX века наряду с русской просветительской мыслью на развитие карачаево-балкарской культуры большое влияние начинает оказывать Арабский Восток (К.Б. Мечиев (1859—1945), И.Я. Акбаев (1874—1938 годы), Д.-Х. Шаваев (1800—1892), П.Д. Шекихачев (1889—1939), С.О. Шахмурзаев (1886—1975), С.А. Отаров (1903—1975) и др.)

В школах И. Гаспринского — одного из лидеров джадидизма — обучались многие известные деятели мусульманского просветительства, в том числе и создатель новой карачаево-балкарской письменности И.Я. Акбаев (автор «Учебного пособия первоначального обучения детей письму и чтению» на карачаево-балкарском языке» (1910 г.), он же переводчик с арабского языка («Иман-ислам», «Зикир о пророке»). И. Акбаеву, как отмечает Т.Ш. Биттирова, «одинаково была близка и дорога литературная классика Востока и Запада, он зачитывался трактатами восточных мыслителей и философов Запада, прививал своим ученикам бережное и внимательное отношение к вершинным произведениям известной ему мировой культуры» [5. С. 101]. Иметь высшее духовное образование означало иметь солидные знания и по многим гуманитарным наукам. Исмаил получил многосторонние знания в Казани, их он закрепил в Крыму, Тифлисе, Баку и Стамбуле. В результате он свободно владел всеми тюркскими языками, в совершенстве знал русский язык и русскую литературу, интересовался вопросами философии, географии, этнографии и истории, астрономии, восточной литературы и искусства.

Широта взглядов И.Я. Акбаева отражалась и на его деятельности: он переводил не только с арабского, но и с русского языка. Так, например, в учебник «Родная речь» автором были включены фольклорные материалы, переводы с русского, собственные стихи и небольшие рассказы. В 1916 году он добился издания в Тифлисе первой в истории народа книги на родном языке. Этот букварь и лег в основу письменности карачаевского народа. Не переоценить значения «Родной речи» Акбаева в деле подготовки учителей, развития народного образования. Обучение в школах, печатание газеты и книг на карачаевском языке, — все вплоть до 1929 года осуществлялось на основе составленного им алфавита.

Успехи наблюдались и в секторе социально-идеологических воззрений. Карачайлы регулярно выступал с проповедями, призывая народ прекратить межфамильную вражду, говорил о соблюдении законов нравственности, этики, о воспитании в себе и в своих детях человеческого достоинства. В мусульманские традиции привнес новые порядки: ограничил долю, приходившуюся эфенди (священнослужителям), снизил размер схата (расходы на погребение в пользу эфенди) на одну треть и т.д. По тем временам это было существенной реформой погребального ритуала в пользу трудового населения.

Основной чертой просветителей-мусульман, так же как и просветителей европейского толка, было стремление к повышению уровня национального самосознания. Осознавая, что понимание религии и ислама народом было по существу поверхностным, просветители стремились раскрыть содержание и формы ислама как явления. Прежде всего их интересовали проблемы влияния ислама на общественное сознание карачаевцев и балкарцев, на их мировоззрение. При этом они отдавали себе отчет в том, насколько различна степень и характер приверженности большинства населения к вероучению ислама, изложенному в Коране.

В 20—30-е годы XX века формируются предпосылки для создания нового типа общественных отношений, национальная политика начинает строиться на основе принципов классовости, народности, партийности.

В данный период разрушения религиозных и этнических ценностей процессы развития национальных литератур осложняются высоким уровнем безграмотности среди населения, отсутствием широкого слоя национальной интеллигенции. Первые советские писатели Карачая и Балкарии по сути продолжают быть просветителями, но целью их произведений становится формирование не этнической, а коммунистической (советской) идентичности. В этой связи основными темами художественной литературы и искусства, «одобренными партией и правительством», становятся историко-революционная и патриотическая темы, а также современные процессы, прославляющие достижения социализма. Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1971) по существу обязывало выявлять и клеймить писателей, чье творчество не соответствует духу социалистического строительства. Но и в рамках строгой системы соцреализма в национальных литературах появлялись яркие произведения, обогащенные этническим колоритом, который проявлялся на различных уровнях (форма, содержание, речь персонажей, имена литературных героев, природа, межличностные и межнациональные отношения и др.). При этом в основном писатели создавали свои произведения на родном языке, но, переведенные на русский язык, они обретали второе рождение и возможность выйти на общесоюзный уровень.

Современная литература отличается многообразием решений духовно-нравственной проблематики, развитие новых форм выражения меняющихся отношений между эстетическим идеалом и действительностью привело к «стилевым сдвигам». Если обратиться к заглавиям произведений постсоветского периода, то можно отметить расширение творческой амплитуды: название литературных произведений становится более «интертекстуальным», к примеру: «Мы жили рядышком с Граалем» Б. Чипчикова.

Трансформациям подвергаются также способы организации художественного мира произведений (жанровая эволюция). Если в советский период приоритетное значение имели литературные тексты больших форм, то в современный период приоритет принадлежит малым формам (рассказ, повесть, новелла).

В 2008 году вышел в свет сборник «Здравствуй, незнакомый» — рассказы балкарских писателей XIX — начала XXI века на русском языке (в оригинале и переводе). Актуальность такого издания была продиктована необходимостью составления некой цельной картины развития балкарской словесности в контексте со-

циокультурных трансформаций, а также исследования динамики развития жанра рассказа. Название сборника (идентичное заглавию одноименного рассказа Б. Чипчикова) семантически определено: приветствие понимается как ответственность за каждое высказывание (не только литературное, но и нравственное).

Повесть Б. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном» поднимает ряд проблем, но в первую очередь проблему исторической, этнической и культурной идентичности. В основе произведения — конфликт между внутренним миром главной героини Мариам (потерявшей в период революции не только всех родных и близких, но и веру в людей) и окружающим миром, равнодушно и цинично взирающим на ее страдания, миром, который распадается на ее глазах. Но распад становится фоном формирования личности Мариам, стремящейся к Свету.

Я слышала, как из черной реки выходят усталые и светлые люди, их встречали Магомет, Будда, Иисус и Иуда. Иуда, никого не предавший, а исполнивший волю Единого и Неделимого, ибо он был с теми, кто продирался к Свету собственному, он считал, что из Света каждого возгорается Свет Единый [6. С. 100].

Интерпретация в новом историко-культурном контексте так называемых вечных сюжетов искусства — религиозных и историко-художественных мифов, легенд и преданий — позволяет современному художнику утверждать мысль об органической связи образного начала искусства с ведущими для нашего времени политическими, моральными и философскими идеями. Именно эти философские проблемы как бы изнутри «взрывают» традиционные историко-культурные сюжеты, рождают новые художественные способы их воссоздания, а также возможность острее ощутить этническую идентичность в современном глобальном мире.

В литературе просветительского движения в творчестве писателей, владевших наряду с родным либо арабским, либо русским языком, проблемы этнической идентичности были тесно связаны с политическими и религиозными предпочтениями. Однако и мусульманское, и христианское просветительство было нацелено прежде всего на решение насущных задач современной действительности — ликвидацию безграмотности, повышение культурного и социально-экономического уровня развития региона. Литература советского периода отражала процессы социалистического строительства, всеобщая атеизация общества, а также постепенное вытеснение национальных языков и этнических обычаев привели к русификации и советизации общества, стирающих этнические различия [7]. Парадоксально, но советский период явился одной из ярких страниц развития национальных литератур, так как советская культурная политика была направлена на поощрение творческих талантов многонациональной страны. При этом особой популярностью пользовались произведения с ярким национальным колоритом, но переведенные на русский язык (в этой связи в постсоветский период стали возникать инсинуации по поводу качества произведений национальных авторов). На наш взгляд, решающее значение в популярности произведений писателей и поэтов Северного Кавказа, как и других регионов СССР, имели проблематика произведения, способ преломления этнического через общечеловеческое, особый тип мироощущения.

3. Выводы

В современный период унификации и глобализации проблемы этнической идентичности выходят на новый уровень осознания важности сохранения духовных и нравственных ценностей народа, выступающих в качестве идентифицирующих маркеров. Базовые концепты «добро», «зло», «справедливость», «свобода», «любовь» в национальной культуре продолжают оставаться неизменными, но приобретают «новые, ярко выраженные национальные оттенки» [8. С. 85].

В творчестве современных писателей-билингвов поиск нового художественного языка основан на обращении к творческому наследию классиков национальной и мировой литературы, «новом прочтении» входящих в этническую матрицу компонентов (семиотика, атрибутика, ортодоксия и др.), занимающих важное место в культуре народов Северного Кавказа. Выход русскоязычных авторов Северного Кавказа на общероссийский уровень (Б. Чипчиков, Ш. Богатырева, А. Ганиева, М. Хакуашева и др.) демонстрирует интерес к «кавказской» тематике не только на кинематографическом уровне комедий или боевиков, но и на уровне этнической ментальности литературно-художественного текста.

Влияние русского языка и русской культуры на процессы формирования карачаево-балкарской литературы оказалось благотворным (не считая политически-заостренных моментов, нивелирование национального компонента и т.п.). Культурное взаимодействие с Россией и прежде всего обучение и воспитание передовой интеллигенции в России, знание русского языка и возможность публиковаться в русскоязычных изданиях носило для социокультурного развития региона прогрессивный характер.

Список литературы

1. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин: Александра, 1992.
2. *Танеев С.П.* Избранные письма. Т. 2. М., 1958.
3. *Абаев М.К.* Горская легенда // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX — начала XX в. Избранное. В 2 т. Т. 1 / под. ред. Т.Ш. Биттировой. Нальчик, 1993.
4. *Урусова А.М.* Ёмюртанышланы сагъыныу (Воспоминания о современниках). Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставропольского кн. изд-ва, 1975. (На карач. яз.)
5. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарские просветители. Нальчик, 2002.
6. *Чипчиков Б.М.* Нерестились рыбы в свете лунном // Чипчиков Б.М. Мы жили рядышком с Граалем. М.: Эльбрусид, 2007.
7. *Базиева Г.Д.* Национальная культура в сравнительной перспективе // Вопросы культурологии. 2012. № 8. С. 59–62.
8. *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик: Принт Центр, 2018.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07.02.2019

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Базиева Г.Д., Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская литература и проблемы этнической идентичности // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16. № 3. С. 358—365. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-358-365

Сведения об авторах:

Базиева Гульфия Джамаловна — кандидат философский наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. E-mail: gbaz@mail.ru

Узденова Фатима Таулановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Karachai-Balkar Literature and Ethnic Identity Problems

Gulfiya J. Baziyeva, Fatima T. Uzdenova

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18 Pushkin str., Nalchik, Kabardino-Balkaria, 360000, Russian Federation

In the modern period, the problem of bilingualism in the literary-artistic aspect is connected both with the study of the speech characteristics of characters in artistic works and with the analysis of the literature created by bilingual writers and perceived by bilingual societies. In the formation and development of the artistic literary school in the North Caucasus, the dissemination and study of Arabic and Russian languages was very important. The article traces the dynamics of the development of bilingualism in the artistic prose of the North Caucasus peoples (XIX — beginning of the XXI century). The novelty of the research is due to the cultural approach to the analysis of bilingualism as an important phenomenon that reflects mental, ethnocultural and universal spiritual values.

Key words: bilingualism; Arabic language, Russian literature, ethnic identity; educational literature, Soviet literature, postmodernism, the North Caucasus

References

1. Lotman, Yu.M. 1992. Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in Cultural light]. V. 1. Tallin: Aleksandra. 200—202. Print. (In Russ.)
2. Taneyev, S.P. 1958. Izbrannyye pis'ma [Selected Letters]. V. 2. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Abayev, M.K. 1993. "Gorskaya legenda" [Mountain Legend] in Karachayev-balkarskiye deyateli kul'tury kontsa XIX — nachala XX veka (pod. red. T.Sh. Bittirovoy. Izbrannoye. V 2 t. V. 1. Nalchik. 219—234. Print. (In Russ.)
4. Urusova, A.M. 1975. Yomyurtany shlanysag ynyu [Memories of his Contemporaries]. Cherkessk: Karachay-Cherkessia branch of the Stavropol Prince. Publishing House, 128 p. Print. (In Kaz.)
5. Bittirova, T.Sh. 2002. Karachayev-balkarskiye prosvetiteli [Karachay-Balkarian Enlighteners]. Nalchik. Print. (In Russ.)
6. Chipchikov, B.M. 2007. Nerestilis' ryby v svete lunnom [Fish spawned in the Light of the Moon]. Moscow: Elbrusoid, 82—129 Print. (In Russ.)

7. Baziyeva, G.D. 2012. “Natsional’naya kul’tura v sravnitel’noy perspective” [National Culture in a Comparative Perspective]. *Voprosy kul’turologii* 8: 59–62. Print. (In Russ.)
8. Uzdenova, F.T. 2018. *Karachayevo-balkarskaya poeziya: genesis i zhanrovoye svoeyebraziye* [Karachay-Balkar Poetry: Genesis and Genre Originality]. Nalchik: Print Center, 232 p. (in Russ.)

Article history:

Received: 07.02.2019

Accepted: 09.03.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Baziyeva G.J., Uzdenova F.T. 2019. “Karachai-Balkar Literature and Ethnic Identity Problems”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 358–365. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-358-365

Bio Note:

Gulfiya J. Baziyeva is a Senior Staff Scientist at the Ethnology Department of The Institute for the humanities research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (IHR KBSC RAS). Candidate of Philosophy. E-mail: gbaz@mail.ru

Fatima T. Uzdenova is a Senior Staff Scientist at the Karachay-Balkar Literature Department of The Institute for the humanities research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (IHR KBSC RAS), Candidate of Philology. E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-366-374

Stereotypes of Speech as Indicators of The Ethnic Belonging to Russian-Language Writers of Kazakhstan

Shanayev R.U., Dzholdasbekova B.U., Tumanova A.B.

Al-Farabi Kazakh National University
050054, Al-Farabi av. 71, Almaty, Kazakhstan

Article is devoted to a research of an ethnic stereotype in the fiction of Russian-language writers of Kazakhstan, in particular a stereotype of speech. Article provides short review of scientific sources on this problem. The following tasks were selected: to observe the way the stereotypic scheme of thinking presented in the author's speech or through the ethnic consciousness and worldview in characters' speech. In the fiction the following main features of a stereotype in speech of the Russian-language (Kazakh by nationality) bilingual writer language identity was described: existence of a certain structure; use of proverbs, sayings, metaphors in words and collocations, comparisons.

Key words: national (ethnic) stereotype, stereotype of speech, Russian-language writer, perception of the world, worldview

1. Introductory remarks

It is known that the concept of “stereotype” was introduced by W. Lippmann in the development of the concept of public opinion (1922). He gives the following definition: a stereotype is a pattern of perception, filtering, interpretation of information in distinction and recognition of the surrounding world, adopted in historical commonality, based on previous social experience. The system of stereotypes is a social reality [1. С. 7]. This definition is initially widely used in sociology and psychology, then — in all scientific studies of a humanitarian nature. And now the term “stereotype” functions freely in the common language [1–14].

X. Putnam was the first to refer to the concept of “stereotype” in its relationship with language. His works “Is Semantics Possible?” (1970) and “Meaning of Value” (1975) served as the basis for further research of stereotypes in the language, which were conducted in Germany, France, Australia, Poland and Russia (where the concept of E. Bartminsky is well known). In the scientific works of X. Putnam, and then in works of E. Bartminsky, this concept has been applied to any entities (objects, phenomena, events, people, animals, plants, etc.) with which a person comes into contact in his cognitive and practical activities and which receive designation in the language [Putnam, 1975; Bartminsky, 2005]. If the stereotype was originally understood as some “subjective” addition to the “objective” image of the subject, and the language stereotype as a connotative (evaluative) addition

© Shanayev R.U., Dzholdasbekova B.U., Tumanova A.B., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

to the lexical meaning of the word (accuracy does not exhaust the German image and the meaning of the German word), reflecting the collective opinion of the corresponding denotata, later, the stereotype was interpreted as an integral “naive theory” of an object (object, person or phenomenon), including not only evaluative (connotative, integral), but also categorical (identifying) signs (“representation of how a X appears, what he does what is he” [13; 14 C. 249]), i.e., in accordance with well understood lexical meaning of words.

Works of foreign and Russian scientists in the field of linguistics, psycholinguistics, ethnopsycholinguistics and intercultural communication, such as D. Katz and K. Braley, O. Kleinberg, H. Triandis and V. Vasiliou, H. Schonfield, L. Edwards; P. Trusov and A.S. Filippov, Yu.A. Sorokin, Yu.E. Prokhorov, N.V. Ufimtseva, E.F. Tarasov, A.A. Zalevskaya, V.V. Krasnykh, V.A. Ryzhkov and others were devoted to stereotype and its specifics.

In further development of this issue and its concretization following scientists’ studies were devoted: C.B. Smooth, T.M. Nikolaeva, B.U. Dzholdasbekova, Z.K. Sabitova, O.N. Frolova, E.A. Ivanova, A.B. Pavlovskaya, A.V. Sergeeva, I.P. Sheveleva etc.

In modern times, as a result of globalization and integration barriers between states and nations are blending, the fact that in the sphere of international relations and communication only knowledge of foreign languages is not enough, you need to have a certain degree of competence especially important becomes knowledge of the culture of a given people/country. The most directly related to the process of mastering a new language/new culture in these conditions is the problem of using stereotypes as phenomena that facilitate contacts, and the study of their national and cultural specifics.

2. Discussion

The study of the concept of “ethnic stereotype”

In science, it is established that the stereotype begins to act even before the mind turns on. This imposes a specific imprint on the data that are perceived by our senses even before these data reaches mind. Nothing opposes education or criticism more than stereotype, since it leaves its mark on the actual data at the moment of their perception.

Specialists who study the stereotype, consider it from different positions. In this regard, social stereotypes, communication stereotypes, speech stereotypes and ethnic (national) stereotypes are distinguished [2].

M.Y. Kondratiev considers social stereotype as “a simplified view of an individual, group, process, or other social object that is highly stable. The social stereotype expresses the habitual attitude to a certain object, formed under the influence of living conditions, social environment and previous experience” [3]. I.M. Kuznetsov believes that the specification of a more general concept of “social stereotype” is a concept of “ethnic stereotype”. “Ethnic stereotypes are relatively stable ideas about the moral, mental, physical qualities inherent in representatives of various ethnic communities. The content of ethnic stereotypes, as a rule, recorded evaluative opinions about these qualities. In addition, in the content of ethnic stereotypes, there may be prescriptions to action regarding people of a given nationality” [4].

In the Dictionary of Linguistic Terms, T.V. Zhrebilo gives the following definition: an ethnic stereotype (ethno-stereotype) is a schematic standardized image of representatives

of one or another ethnic group, emotionally colored and highly resistant: for example, the Germans are hardworking and prudent [5. P. 675].

By definition of V.N. Telia, stereotypes (as well as standards) are “a kind of constants of the linguistic picture of the world, because through these names that every day domestic view of the world, which is fixed by this language, is interwoven into the conceptual picture” [6. P. 46].

According to Z.K. Sabitova, a stereotype is a judgment that ascribes certain properties in a simplifying, generalizing emotional form to a specific group of persons or, on the contrary, denies them in these properties [7. P. 159]. Based on the definition of W. Lippman that “stereotypes are ordered, schematic, determined by the culture of “pictures of the world” in a person’s head, which save his efforts in perceiving complex social objects and protect his values and rights” [1. P. 7], the scientist concludes: “It means, the stereotype has two components: the determinism of culture and the ability to be a means of saving effort (examples of stereotypical image in each culture: a turtle, rooster, ram, beetle, etc.)” [7. P. 160—161]. We agree with the opinion of the researcher that there are stereotypical ideas about the whole nation, which apply to each of its representatives, for example, *German orderliness, Russian perhaps, Chinese ceremonies, Italian temper, French chivalry*, and etc. Most of the jokes about the national character are based on stereotypes, and the objects of assessment can be not only character traits, behavioral patterns, but also traditions and customs (for example, *making a visiting*) [7. P. 161].

O.N. Frolova proposes to consider the stereotype as a standard pattern of thinking, actions and attitudes of the individual to the world and his other representatives, filled with different content depending on the individual’s belonging to a certain social, ethnic or cultural community [8. P. 5].

Summarizing the different points of view on this problem, we draw some conclusions:

1) National culture and language (as an indicator of an ethnos and as the main component) are connected through the consciousness of a linguistic personality. In this connection, stereotype plays an important role, which is one of the main national-specific components of the culture of a given nation.

2) If we consider culture as the activity of people in reproducing the characteristics of social being, then it is clear that within the framework of culture certain types of stereotypes can be distinguished, such as customs, rites, traditions, rituals, speech, behavior, etc.

3) Stereotypes, being a definite means of transmitting social experience of a particular ethnos, possess stability and reproducibility (passing from generation to generation); in this paper, the definitions of national and ethnic to the term “stereotype” are used interchangeably.

4) A stereotype is a phenomenon of culture and, as a result, requires careful study of its signs and functions, mechanisms of its formation and distribution in the form of language models of the world (“world pictures”).

It is known that the linguistic models of the world and their formation do not lead to the formation of special pictures of the world, but various ways of reflecting the unified world of reality are presented. Yu.E. Prokhorov, speaking of the reflection of reality in language, conditionally identifies three levels: 1) a description of the real picture of the world, which lies at the basis of the entire human world perception and world view; 2) revealing the specifics of the reflection of a certain ethnos of the real picture of the

world, which is associated with the organization of the worldview of this ethnic group; 3) a description of the features of linguistic expression of the specifics of the reflection of the model of the world that is inherent in this ethnos, which includes both knowledge of linguistic units and their structural organizations, and the ability to use them in the communicative behavior that is normative for a given linguocultural community [9. P. 52]. In accordance with these levels, general, particular, and linguistic stereotypes are distinguished. National cultural specificity is more clearly manifested in stereotypes of the second and third types [8]. Further, we will dwell in more detail on their characteristics, and for illustration we will give examples from the artistic works of Russian-speaking writers of Kazakhstan (in our case, Kazakhs by nationality): A. Alimzhanov, S. Sanbaeva, B. Dzhandarbekova, A. Zhaksylykova.

Research results

It is well known that the ability to express beautifully, figuratively, is a national feature of the Kazakh nation, which was formed as a result of the reflection of a certain, standard pattern of thinking that has developed over a long period of life of the nomadic people. And this allows us to define this specific feature of speech activity as a stereotype of speech of a representative of an ethnos. So, this is convincingly written by B.U. Dzholdasbekova: “Nikolai Anov in “Wings of Song” shows in what difficult and tense conditions the new art of the nation was born, whose interests it expressed, and creates images of non-national heroes who absorbed the best features of the Kazakh people. He reveals one of the national peculiarities of the Kazakhs — their traditional respect for the word and song, love and ability to improvise, awareness of oral and song creation as a great social aesthetic power”. [10. P. 146]. The scientist describes how the famous Kazakhstani (native St. Petersburg resident) writer Nikolai Ivanovich Ivanov (pseudonym — Anov), through internal monologues and improperly direct speech, depicts the rich inner world of a foreign hero. Akyn is spontaneous and emotional in expressing its feelings — both joyful and sorrowful. This is a whole nature that does not tolerate lies, hypocrisy, double-headed and half-heartedness. Further, it is justly argued that in the course of creating the foreign character of the akyn Musa Bazanov (Isa Baizakov), a real image of a Kazakh with real speech features is created: “His speech is full of proverbs and sayings, emotional, different artistic imagery — all this enriches the meaning and adorns his songs and statements” [10. P. 148]. In connection with the above, it is appropriate to quote the researcher of Russian literature in Kazakhstan I. Gabdirov that the image of Musa is “the distinctive national character ... one of the most prominent personalities depicted by Anov. The talent of the Kazakh people, his love for the song art are embodied in the character of the hero ... Anov recreated the national character in all its freshness, originality and complexity” [11. P. 88].

Our research has shown that such a stereotype of speech is vividly and uniquely presented in the artistic text of Russian-speaking writers of Kazakhstan. The originality is due to the special status of Russian-language literature, which was formed at the junction of two cultures: Russian and Kazakh. The works are created in Russian, but according to the way of reflecting reality, the national view is “visible” in them: ethnic worldview and world representation. As a result, the fiction text presents not a purely Russian and not a purely Kazakh language picture of the world, but some third one that we called contaminated [12. P. 7].

Let us present some of the results of our observations. The stereotype of the speech of the representative of the Kazakh people in the Russian artistic text has its own characteristics:

1) the presence of a stereotype of speech is noted in the author's own speech, in the speech of the narrator, in the speech of the characters and in improperly direct speech, which directly indicates the creator of the text — the Russian-speaking Kazakh writer;

2) skillful and stylistically motivated use of proverbs and sayings, catch phrase and phrases, etc. accompanied by sustainable structures such as *aksakals/elders/wise/old men speak, Kazakhs speak, people say*, etc.;

3) this stereotype of speech is presented in several forms: a) by means of a direct translation of the Kazakh proverb/saying; b) using the analogy of proverbs/sayings introduced with Russian equivalents, etc.; c) the use of figurative words and comparisons characteristic of the life and culture of the nomadic people; d) formation of tropes based on nominations of animals and birds of the steppe space [12].

The analysis has shown that the characters' speech is saturated with various folk sayings and sayings, especially the speech of aksakals, elders, and respected batyrs. For example:

“After all, words are like arrows. *The Kazakhs say: “A blow of a stick will break only the skin, a sharp word will pierce not only the heart, but also the bones”* (Alimzhanov. *Arrow of Makhambet*, 1979. P. 79).

In the following excerpt, in the speech of Isatai (part of the dialogue between the leaders of Isatai and Makhambet, the latter, as well as sarbазs', forced the expectation of battle out of balance), with the help of the construction, *Kazakhs say* that a translation of the Kazakh saying is introduced. And it is no coincidence — with this method we see an ethnic worldview, a national psychology. Comparison:

“... A week has passed. There are still three days left. *Kazakhs say: who languished, waiting forty days, will survive the forty first...*” (Alimzhanov. *Arrow of Makhambet*, 1979. P. 134).

Vivid examples of contamination (mutual influence) of the Kazakh and Russian cultures, in our opinion, seem to be a peculiar use of proverbs and sayings: using a roll of transmitted meanings, their use by analogy with Russian equivalents, when conveying meaning adequate to the Russian version, but filled with regionalism. Let us compare the proverbs/sayings used by the Russian-speaking writer:

“And when Haji becomes even wiser”, Adaybek said quietly but distinctly, without looking at anyone, — the pots will probably also know these words: “*A foolish quarrel, coming to put up, smart, coming by war, will offer peace...*” (Sanbayev. *Only one road*, 1974. P. 317);

“I also speak openly: I will not stand with you against the queen. *Better a living sparrow than a dead falcon!*” (Dzhandarbekov. *Tomiris*, 1982. P. 60);

“Fate again laid an iron hand on me. As the saying goes, *a marsh owl will never become a falcon*” (Zhaksylykov. *White Argali*, 1987. P. 76)

with Russian proverbs, such as “A clever man seeks a way to reconciliation, a fool is a reason for a quarrel”, “Better a bird in the hand than a crane in the sky”, etc.

The main type of activity of nomadic people — cattle breeding and the fact that there is no guarantee of security either from the side of another person or from the forces of

nature, in a veiled form is mentioned, for example, in the fragment of the speech of the main character of the novel *Adaibek*:

“No wonder my grandfather said: *“Mine is what I ate yesterday; what I drive in front of me today is God’s”* (Sanbayev. *Only one road*, 1974. P. 313).

It should be noted that also in the author’s speech, ethnic stereotypes are widely introduced in the form of reflection, conclusion, advice on any subject or conclusions dictated by practical activities of the nomadic nation. Comparison:

“If you want to have wool, do not take it off with the skin”, said Tomiris” (Dzhandarbekov. *Tomiris*, 1982. P. 80).

In addition, in the author’s own speech, in the author’s maxims, very vivid, deeply philosophical thoughts, characteristic of the national world outlook, are introduced. For example:

“There is no worse penalty for a parent than to see his child in misfortune” (Zhaksylykov. *Bely argali*, 1987. P. 83);

“If the gods punish a person, they take away his mind”; *“But if you’re not lucky, then the dog will bite you on a camel”* (Dzhandarbekov. *Tomiris*, 1987. P. 38; 44).

Next, we will focus on another feature of the stereotype of speech — the speech of the characters, which is a symbolic reflection of the national consciousness and worldview. It is widely used figurative words and comparisons, known and understood by each of the representatives of the nomadic people (and this is their stereotype!). We have established that it is possible to distinguish a circle of ethnic stereotypes in the form of stable supporting words for the formation of tropes — these are nominations of animals and birds of the steppe space: *gazelle, jackal, sheep, wolf, golden eagle*, etc. So, in a fragment — in a conversation with villagers, the character of the novel *Nurzhan* speaks about the need to unite representatives of different zhuzes into which the Kazakh people are divided. For example:

“When trouble comes, even a wolf does not pick up a sheep — they unite to survive... I am not a wolf, and you are not a harmless sheep, Adaybek. The time has come when we should forget about past quarrels and think about unity” (Sanbayev. *Only one road*, 1974. P. 313);

“We, like a flock of frightened sheep, running away along *the steppe* from *the wolf pack* of the *Dzungars*” (Alimzhanov. *Arrow of Makhambet*, 1983. P. 9);

“Oh, curse you khans, sultans, like jackals, tearing apart their land, their people...” (Alimzhanov. *Arrow Makhambet*, 1979. P. 10).

A special place among the reference figurative operators occupy the nomination of domestic animals — the horse, the camel (there are enough works in the works of art about the functioning of the lexeme horse). Our studies of the textual semantics of the lexical unit camel allow us to speak about the ethnic specificity of the figurative meanings associated with this word. A camel in the mind of a Kazakh is an awkward animal. The clumsiness of an animal is “transferred” to a person just as in the Russian language consciousness the bear’s clumsiness is “transferred” to a person. So metaphorical epithets arise, compare:

“With his camel’s gait, he (Zhakyp — our refinement) walked around the corral, adjusting the leaning posts” (Alimzhanov. *Arrow of Makhambet*, 1979. P. 83);

“Why are you staring at me, *old camel*. Help the jigits deliver this handsome man to the tent of Khan! — the vizier ordered ...” (Alimzhanov. Arrow of Makhambet, 1979. P. 85);

“Now I remember my aul, my first stop, like that *old camel* that the female worries ...” (Alimzhanov. Teacher’s Return, 1983. P. 101).

The stereotype of comparison in the speech of characters often includes a detailed object, and the detailing is carried out with the help of Kazakhisms. For example:

“My two sons are buried in their native land, and the third is killed in the zindan of the Khiva Khan. And I, like a *crazy bura (female camel)*, circling around Mangystau and Ust-Urt around dear graves” (Alimzhanov. Arrow of Makhambet, 1979. P. 118).

The detailed object “*old distraught bura (camel)*” includes a nationally specific semantic component. The grief of a man who has lost all his sons is unlimited, unbearably painful. It is not by chance that this old man is associated with a *bura* — a camel.

So, the above results of the study, in our opinion, due to the national culture, national consciousness, life, location, type of work, etc., clearly reflect the features of the ethnic stereotype of world perception and world view.

3. Conclusions

The conducted study allows us to draw the following conclusions:

— National (ethnic) stereotypes are completely naturally and justifiably represented in the artistic works of Russian-speaking writers of Kazakhstan. Their widespread use in the author’s narration and the speech of the characters contributes to the “revitalization” of the speech of the native speaker; it is given a unconstrained, natural character. In addition, in this formalization of the stereotypical speech of a Kazakh, in our opinion, the features of the national code of the creator are “visible”.

— These stereotypes are vivid representatives of the ethnic worldview and world representation, due to national consciousness, national character, geographical place of residence, social environment, the specifics of work, etc.

— In modern conditions of a person’s / society’s life, the problem of educating a person, the formation of not only communicative competence, but also general cultural competence, becomes especially important. Therefore, the formation of the ethnocultural identity of a linguistic personality is associated not only with the development of linguistic competence in it, but also with the formation and improvement of the ability to navigate in a broad ethnocultural context. In this regard, it is imperative to inculcate and develop the skills of reading and perception of fiction, historical chronicles, works of oral folk art, etc. in the humanities class. A good example to achieve these goals and objectives is to use the texts of literature written Russian language in Kazakhstan.

References

1. *Lippman, W.* 1922. Public Opinion — New York: Hartcourt, Brace and Co. Print.
2. *Yazyikovoe soznanie: stereotipy i tvorchestvo* [Language Consciousness: Stereotypes and Creativity]. Editor-in-Chief Ufimtseva N.V. Moscow: IYaZ. 1988. Print. (In Russ.)
3. *Kondratev, M. Yu.* Sotsialnyiy stereotip. Sotsialnaya psihologiya [Social stereotype. Social psychology]. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.slovari.yandex.ru/dict/Ipsychlex4I/articleIPS4Ips4-0312.html> Print. (In Russ.)

4. *Kuznetsov, I.M.* Etnicheskiy stereotip. Sotsialnaya psihologiya [Ethnic stereotype. Social psychology]. Dictionary [Electronic resource]. Access mode: <http://www.slovari.yandex.ru/IdictIpsychlex4IarticleIPS4Ips4-0313.html>
5. *Zherebilo, T.V.* 2010. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms: Edition 5, correction and addition]. Nazran: “Pilgrim” Publishing House. Print. (In Russ.)
6. *Telia, V.N.* 1986. Konnotativnyiy aspekt semantiki nominativnyih edinits [Connotative Aspect of Semantics of Nominal Units]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
7. *Sabitova, Z.K.* 2013. Lingvokulturologiya [Linguoculturology]. Textbook. Moscow: Flinta. Print. (In Russ.)
8. *Frolova, O.N.* 2009. Natsionalno-kulturnaya spetsifika stereotipa [National-cultural Specificity of the Stereotype]. Abstract of the thesis for the degree of Candidate of sciences. Moscow. Print. (In Russ.)
9. *Prokhorov, Y.E.* Natsionalnyie sotsiokulturnyie stereotypy I rechevogo obscheniya i ih rol' v obuchenii irusskomu yazyiku inostrantsev [National Socio-cultural Stereotypes of Speech Communication and their Role in Teaching the Russian language to Foreigners] [Text]. Y.E. Prokhorov. M.: LKI Publishing House, 1996. 357 p.
10. *Dzholdasbekova, B.U.* 2008. “Innonatsionalnyiy karakter v proze N. Anova (sredstva sozdaniya obraza geroya «Kryilya pesni»)” [Foreign Character in prose of N. Anov (means of creation of an image of the hero “Wings of a song”) in Russian literature of Kazakhstan. Monograph. Almaty, 2008. 278 p.
11. *Gabdirov, I.* 1970. Russkie sovetskie pisateli I Kazahstan [Russian Soviet writers and Kazakhstan]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
12. *Tumanova, A.B.* 2010. Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v hudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva [Contaminated Language Picture of the World in the Artistic Discourse of the Writer-bilingual]. Monograph. Almaty. Print. (In Russ.)
13. *Putnam, H.* 1970. “Is Semantics Possible?” in *Mind, Language and Reality*. Cambridge, 1970. P. 139–152.
14. *Putnam, H.* 1970. The meaning of “meaning” in *Mind, Language and Reality*. Cambridge, 1975. P. 215–221.

Article history:

Received: 07.05.2019

Accepted: 07.08.2019

Moderator: U.M. Baktikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Shanayev, R.U., B.U. Dzholdasbekova, and Tumanova A.B. 2019. “Stereotypes of Speech as Indicators of the Ethnic Belonging to Russian-Language Writers of Kazakhstan”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 366–374. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-366-374

Bio Note:

Ruslanbek U. Shanaev is a Postgraduate student at the Department of Russian and Foreign Literature RUDN University, PhD student at the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: rus.shanaeff@gmail.com

Bayan U. Dzholdasbekova is a Doctor of Philology, Professor, the Head of the Department of Russian Philology and World Literature at the Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: dzholdasbekova.baiyan@kaznu.kz

Ainagul B. Tumanova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Стереотипы речи как индикаторы этнической принадлежности к русскоязычным писателям Казахстана

Р.У. Шанаев, Б.У. Джолдасбекова, А.Б. Туманова

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
050054, Проспект Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан

Работа посвящена исследованию этнического стереотипа в художественной литературе русскоязычных писателей Казахстана, в частности стереотипа речи. Статья содержит краткий обзор научных источников по данной проблеме. Задачей исследования было выяснить, как стереотипная схема мышления представлена в речи автора или через этническое сознание и мировоззрение в речи персонажей. В художественной литературе были описаны следующие основные черты стереотипа в речи русскоязычной (казахской по национальности) языковой идентичности двуязычного писателя: наличие определенной структуры; использование поговорок, поговорок, метафор в словах и словосочетаниях, сравнения.

Ключевые слова: национальный (этнический) стереотип, стереотип речи, русскоязычный писатель, восприятие мира, мировоззрение

История статьи:

Поступила в редакцию: 07.05.2019

Принята к печати: 07.08.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Шанаев Р.У., Джолдасбекова Б.У., Туманова А.Б. Стереотипы речи как индикаторы этнической принадлежности к русскоязычным писателям Казахстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 366—374. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-366-374

Сведения об авторах:

Шанаев Русланбек Улугбекович — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы РУДН, PhD докторант кафедры русской филологии и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби. E-mail: rus.shanaeff@gmail.com

Джолдасбекова Баян Умирбековна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби. E-mail: dzholdasbekova.baiyan@kaznu.kz

Туманова Айнагуль Бектасовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-375-397

Постоянны ли константы?

А.В. Подобрый¹, М.А. Логинова², Н.В. Лукиных¹

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69

² Костанайский филиал Челябинского государственного университета

Республика Казахстан, Костанай, ул. Рабочая 155

Границы художественного произведения меняют восприятие, казалось бы, самых незыблемых физических законов. На примере произведений писателей начала — конца XX века, создававших образцы так называемой пограничной литературы (Н.Л. Лейдерман), мы рассмотрим этнокультурную составляющую некоторых физических категорий и их роль в создании образа «своего» и «чужого» национального мира в рамках русскоязычной литературы. В качестве «противовеса» друг другу использованы образы мира кочевников-степняков и оседлых славян.

Ключевые слова: пограничная литература, русско-казахская литература, этнокультурная составляющая художественного текста, маркеры национальной культуры, «чужой» образ мира

1. Введение

Ни для кого не является откровением тот факт, что в литературном произведении физические константы: время, пространство, расстояние, скорость и др. — подчиняются прежде всего авторской воле, законам жанра, а не законам бытия. Несомненно, что и национально-культурная составляющая этих понятий формирует особое мировидение автора и читателя, демонстрирует особенности мышления, миропознания и мироощущения героев художественного произведения, где одна из задач писателя — создать образ национального мира, своей для «чужого» читателя или «чужой» для своей культуры.

Но прежде чем мы подойдем к анализу конкретных художественных произведений, запечатлевших в себе физические категории в их национальной специфике, необходимо сделать небольшое историческое отступление.

Интерес к «поликультурному полю» русской литературы начал активно формироваться в XIX веке. Писатели стремились познать национально-культурную специфику того или иного этноса (обычно включенного в границы Российской империи), найти адекватные способы выражения «иной» культурной модели мира в рамках русского языка. Особенно заметен был интерес русской литературы и русского читателя к «русскому» Востоку и Степи, нашедший свой выход через

© Подобрый А.В., Логинова М.А., Лукиных Н.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

описание образов калмыка и тунгуса, киргиза и казаха, цыгана и черкеса, Хаджи Мурата (Л. Толстой) и Черного Араба (М. Пришвин).

Однако русская культура и литература в XIX веке не ощущала себя равным партнером по отношению к культуре «чужой» нации (не европейской как равной или более «высокой», а к азиатской, сибирской, «чухонской» и пр., подчиненной русской культуре прежде всего государственной политикой). С одной стороны, «войдя в некоторую культурную общность, культура начинает резче культивировать свою самобытность» [1. С. 24], а значит, интерес к культуре других народов вторичен по отношению к интересу к своей собственной культуре; с другой — русская литература выполняла роль своеобразного проводника миссионерских, просветительских идей для «диких» народов.

Конечно, «в части литературы русская культура относительно вовлеченных в единую культурно-историческую общность наций и народностей являла собой крупную цивилизацию, зону для переноса своей языковой культуры, одновременно испытывая влияния сопряженных с ней культур, в частности, центральноазиатской» [2. С. 14—15]. Но равноправного партнерства в диалоге не было. Был этнографический интерес к экзотике «чужого» мира, были попытки исследовать этот мир, но с позиции «старшего брата», и была граница между двумя мирами, двумя культурами, преодолеть которую ни Пушкин, ни Лермонтов, ни кто-либо другой (за исключением, может быть, только Н. Гоголя) в XIX веке не смогли в силу разных причин. Одна из них — неготовность к диалогу.

Интерес к культуре другой нации, создание литературы многонациональной и интернациональной — это уже реалии XX века, советской культуры и литературы. Не случайно появился и стал активно использоваться новый термин «русскоязычная литература», ибо после 1917 года в советской литературе возникли произведения «пограничного» характера, когда «писатель мыслит в координатах одной национальной культуры, но на языке, в речевых формах другой национальной культуры» [3. С. 50].

Советская культура сразу позиционировала себя как культуру интернациональную. С одной стороны, это был удачный политический ход новой власти, позволивший объединить в борьбе со старым миром представителей ранее угнетенных народов; с другой — это была реальная попытка формирования единого поликультурного пространства. Литература играла в это время едва ли не ведущую роль. Будучи по характеру своему частью идеологической политики, литература стремилась запечатлеть процесс пробуждения национального сознания под влиянием революционных перемен. Формирование национальных литератур, национальных языков поддерживалось государственной властью.

Создание литератур на национальном языке, национальных литератур на русском языке, стремление рассказать о культуре своего народа или понять культурные посылки своих «соседей» — это знамение 1920—1930-х годов.

Еще один всплеск интереса к национальным литературам наблюдался в 1970—1980-е годы, когда еще неявно, но все заметнее стала проявляться не интернациональная, а национальная самоидентификация народов, входивших в СССР. Произведения Н. Думбадзе, О. Сулейменова, Ч. Айтматова, В. Быкова и других авторов составили «золотой фонд» советской литературы.

Именно в эти годы активно разрабатывались приемы и способы передачи средстами русского языка образа «чужого» (для русского читателя) национального мира. Несомненно, эта работа не прекращалась на протяжении всего XX века, но особенно заметной она становится именно в эти временные промежутки. Не случайно, что 1970-е годы дали новый мощный толчок к изучению явления билингвизма и поликультурности на разных уровнях: литературоведческом, культурологическом, лингвистическом, когнитивном (Ю. Суровцев, В. Шошин, Е. Тарасова, Л. Арутюнова, У. Далгат, К. Зеленский, Р. Юсуфов, Г. Гачев и др.), в 1980-е и позже эта работа будет активно продолжаться (Н. Лейдерман, Л. Граневская, К. Мусаев, М. Черторижская, А. Гируцкий, Е. Верещагин, Е. Журавлева, Л. Крысин, Н. Михайловская, Ю. Караулов, Б. Хасанов, У. Бахтикиреева и др.).

Развал СССР и оформление государственности бывших союзных республик породил интерес к выражению национального самосознания в произведениях литературы и вместе с тем — к появлению ярко выраженного двуязычия (привычка использовать русский язык представителями нерусских этносов, огромное количество этнических русских, проживающих на территории новых стран). Это не могло не отразиться на литературном процессе «самостийных» государств: культурное пространство осталось единым (благодаря писателям, работающим в поле русского языка).

Сегодня поликультурная литература — объект особого пристального внимания со стороны литературоведов. Наше внимание в данной работе будет сосредоточено на российско-казахской линии сопряжения литературно-культурной традиции и на выявлении специфики отражения этнокультурной составляющей в константах (время, пространство, скорость и др.) и связанных с ними категориях и концептах (дом, свой-чужой, кладбище и т.п.).

2. Обсуждение

Выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, Россия и Казахстан тесно граничат между собой, и во времена СССР, и сегодня контакты очень плотные; во-вторых, казахи (как и киргизы) сегодня — народ оседлый (как и русские), но их культура складывалась под воздействием кочевого образа жизни, а это не могло не найти отражения в языке, образе мыслей, схеме поведения, а следовательно, и в особом наполнении названных концептов культуры; в-третьих, интересно посмотреть, изменился ли образ «казахского мира» в начале XX века и начале XXI в литературных произведениях.

Если в начале прошлого века обращение к образу казаха или киргиза на страницах русскоязычной литературы было напрямую связано с образом Степи, т.е. чего-то чуждого, даже враждебного, и находило отражение в произведениях *русских* по национальности писателей, стремящихся донести этот образ всеми доступными для литературы тех лет способами до *русского* читателя («чужой» мир для «своего» читателя); то в начале нового века ситуация изменилась (см. [4]).

В современном Казахстане существует национальная литература, поддерживаемая государством, и русскоязычная (фактически региональная, неизвестная

широкому кругу ни казахских, ни русских читателей), которую создают как русские по этническому признаку писатели, работающие на русском языке для русского читателя, но объектом их интереса и изображения является казахский национальный мир (В. Бадиков, А.Н. Сергеев, С.Н. Назарова, Н.М. Чернова, В.В. Мосолов и др.), так и казахи по национальности, создающие свой национальный образ мира, но на русском языке, т.е. для русскоязычного читателя (см., например, произведения Б. Кенжеева, А. Еженовой, Б. Бакбергенова, О. Жанайдарова, Н. Абилева, Б. Каирбекова, Б. Лукбанова).

Естественно, что любой писатель надеется на идеального читателя, способного прочесть все культурные коды и увидеть их маркеры в художественном произведении. Одним из таких «кодов» становятся уже упомянутые нами физические величины в их литературной и национальной интерпретации.

Один из главных отличительных параметров культуры оседлой от культуры кочевой — отношение к дороге и дому. Для культурного мировидения русского человека дом — главная и основная ценность, дорога — состояние вынужденного нахождения вне дома. Для кочевника дом — остановка на бесконечном пути. Несомненно, с этим связано восприятие своего/чужого и общественное устройство.

Для кочевника, вечно идущего вперед, *пространство* оказывается гораздо более значимым, чем *время*, ибо оно для них лишь приложение к пути. Для оседлого народа — наоборот. Пространство — чужое, враждебное, оно находится вне дома; из дома идут на заработки, на войну, замуж в «чужую» семью, из дома (рода) изгоняются. Не случайно в русских народных сказках выход за пределы дома ведет к несчастью (см., например, сб. «Народные русские сказки», сост. А.Н. Афанасьевым). Дом — укромное и уютное место [5. С. 826—830]. Эта мысль нашла свое отражение и в пословицах: *в гостях хорошо, а дома лучше; дома пан, а в людях болван; дома и стены помогают; дома все споро, а вчуже жить хуже* и др.

Нарушение пространства, например, гостем приводит к некомфортному существованию жителей дома, см., например: *гость на двор — и беда на двор; хороший гость — редкий; незванный гость хуже татарина; мил гость, что недолго гостит* и пр. *Время* замыкается в доме, отмеряет свой ход не в перемещении в *пространстве*, а в перемещении *внутри* дома, «своих», рода, семьи; отсюда почитание пращуров, хорошее знание истории своего рода.

Для кочевника имеет значение только настоящее время, прошлое и будущее — малозначимо. Отсюда и своеобразное отношение к пращурам, могилам, самому обряду погребения и к детям. (Не случайно Г. Гачев отмечал: «...потомков, детей хана, утверждает не его воля (у него самого еще нет “я”, и в детях он не видит продолжения себя: их у него масса — это нечто вроде экскрементов, случайных выделений организма, он их даже не знает)...» [6. С. 127].)

Поэтому дом (как начало и конец пути) и юрта (как промежуточная остановка на длинном пути) имеют разную форму, олицетворяющую мировоззрение оседлого и кочевника, и разную функцию в жизни нации.

Как микромодель национального Космоса дом у каждого народа имеет свои специфические особенности, связанные как с климатическими условиями, так и с теми или иными потребностями и обычаями, сформировавшимися на протяжении веков.

В русской культуре лексема «дом» выражает идею «своей» границы [7. С. 58]. В трактовке Г.Д. Гачева дом и двор — это «пространство земледельца, замкнутое: самозаклучение земли и себя». Все находящееся в пределах дома и двора — свое пространство, которое выступает в оппозиции к тому, что находится вне его. Поэтому столь важным для славянского сознания является установка внешних и внутренних границ: стен, перегородок, заборов, ворот и пр., которые символизируют совершенный тип постоянного замкнутого пространства русских дворов, домов, монастырей и т.д. [8; 9].

Особая роль в жилище отведена его геометрическим параметрам. Жилище славян, как правило, имело форму квадрата, прямоугольника. Даже во внутреннем убранстве русского дома преобладают угловые предметы: печь, стол, лавки, стулья и пр. Отсюда возникло и специфическое восприятие углов как сакральной топографии дома, где обитает нечистая сила.

Казахская культура как одна из древних культур тоже имеет свои отличительные особенности, связанные с обустройством жилища. В отличие от русского дома, традиционное жилье казахов — юрта. Она имеет круглую форму, что вызвано «равномерной открытостью пространства во все стороны» [9. С. 39]. Круг — это та форма, которая относится к первичным видимым объектам кочевника (круг солнца и полукруг неба). Через нее проявляется казахский национальный Космос, который отражается не только в устройстве юрты, но и в циклическом хронотопе, так как в представлении казахов все в мире движется по кругу, не зря «кочевье — это уходы и возвращения, значит, те же места проходят» [9. С. 42].

Если в русском миропонимании «домашнее» пространство расценивается как безопасное, уютное (дома и стены помогают), то для кочевника, по Г. Д. Гачеву, полюс ощущаемого мира выражается через открытое пространство и помещение, где первое — жизненно необходимое, а второе — это «помещение-боязнь». Исследователь обращает внимание еще на один немаловажный факт — отсутствие двора у казахского жилища. В казахском миропонимании все степное пространство является символом общего дома, его неделимости и проницаемости со всех сторон. Видимо, именно поэтому внутреннее убранство юрты не имеет стен и перегородок, но в то же время каждая часть пространства имеет незримые границы и четкое разграничение мест для жильцов и гостей. При этом гость почитается выше хозяина. Это отражает национальную черту казахов, выраженную в таком понятии, как особое казахское гостеприимство (см., например, казахские пословицы: *гость приходит — счастье, неотопленный дом сараю подобен, дом без гостей — могиле, сытому гостю легче угодить* и др).

В исследовании М.С. Шайкемелева отмечается, что казахи относились к дому не просто как к жилищу: «Возле юрты была разработана жесткая система понятий, этикетных норм и обрядов, запретов и регламентаций. Существовали определенные правила подъезда к юрте, входа в нее, поведения в ней. Каждая предметная составляющая юрты наделялась смысловыми, символическими и семиотическими смыслами. Соблюдая ритуальные правила в жилье, пище, одежде, порядках и обычаях, кочевник мог рассчитывать на благоприятное к себе отношение Небес и духов, обороняясь от зла и сохраняя благополучие» [10. С. 59].

Таким образом, различия в восприятии жилища представителями славянской и казахской культур основаны на том, что в русском Космосе оно выражено идеей внутреннего пространства, ограниченного домом и двором, которые выступают оппозицией всему, что находится за их пределами. В казахском мироустройстве, наоборот, дом расценивается как прямая связь с внешним миром. Открытое пространство становится продолжением жилища, не имеющего внешних границ.

Необходимо обратить внимание и еще на один факт. Казахское жилище, в отличие от русского, не имеет окон. Для кочевника наиболее важным становится *звуковое* восприятие пространства. М.М. Ауэзов обратил внимание на то, что казахи «из юрты ориентируются по слуху» [9. С. 39]. Действительно, у казахов есть обычай спешиваться на расстоянии от жилища, так как стук копыт становится невыносимым для слуха. Исключение составляет известие о смерти. В этом случае наезднику дозволено остановиться прямо перед входом. По этой традиции жильцы, еще находясь внутри, узнают о случившемся несчастье.

Жилище казахов устанавливается непосредственно на земле, застилается войлочными и ткаными коврами. Отсюда у кочевника обостренное восприятие колебаний земли и воздуха. В русском мировосприятии в первую очередь важно зрительное восприятие. Исходя из этого, интересно посмотреть, отражены ли национально-культурные составляющие концепта «дом» в литературных произведениях писателей разных этносов.

Описывая казахский дом, авторы изображают два типа древнего жилища кочевников: подвижное жилище на колесах (арбу) и юрту. Обращение к древнему типу жилища связано с желанием отразить уходящие реалии старого мира, показать современному читателю, как строился национальный мир кочевников и воплотить тот культурный миф, который сложился в отношении их жизни у русского человека.

В поле зрения авторов попадает и современная казахская деревня (аул), и город. Для писателей важно показать, что именно аул как хранитель национальных устоев способен сохранить истоки архаичного национального мироустройства, которое в результате длительного соседства с русскими подверглось культурной трансформации. Городская среда выступает как враждебная, унифицированная, лишенная национальной самобытности.

Рассмотрим на примере малой прозы А. Сергеева, С. Назаровой, В. Мосовой, Л. Леонова, В. Иванова, М. Шолохова и других русскоязычных писателей разных поколений (и даже стран), как маркируются культурные константы кочевника и оседлого землепашца в их этнокультурном преломлении в литературном русскоязычном тексте.

Малая проза А.Н. Сергеева в большинстве случаев представлена обращением к казахской тематике. По сведениям составителей библиографического указателя «Писатели Казахстана XX века», автор хорошо знал казахский язык и культуру: «Общаясь с казахским народом, он открывал для себя его историю, традиции, быт...» [11. С. 49]. Поэтому его эстетический интерес к истокам этноса, к которому А.Н. Сергеев не принадлежал по рождению, но с которым была тесно связана его личная и творческая судьба, вполне закономерен.

Одним из доминантных образов в его рассказах становится жилище и граница с ним пространство. В повести «Звездное небо Талгата» жилище представляет собой двухколесную арбу как яркое воплощение древнего жизненного уклада кочевников, связанное с постоянным передвижением:

Это родная Акмолинская степь — Сары-Арка, его и в самом деле колыбель, потому что здесь, в степи, да не как-нибудь, в кочевке... в двухколесной арбе, на переходе, он и родился [12. С. 20].

Основным способом воплощения пространства в этом отрывке становится совмещение пространственного и временного кодов. Автору важно показать, что казахи, кочуя по степным просторам, имеют свою закрепленную родовую территорию, которая символизирует *дом* не как стационарное жилище, а как определенную среду, в пределах которой постоянно проходит кочевка и переправы. Для достижения этой цели в повествование вводятся национальные топонимы, представленные точными географическими ориентирами: Акмолинская степь, Сары-Арка. Уподобление арбы колыбели определено значимостью этого объекта в пространстве и показывает, насколько арба важна не просто как средство передвижения, а именно как *дом-кибитка*, в котором происходит рождение новой жизни.

Характерно, что в точно таком же значении образ арбы маркировался практически век назад в прозе Л. Леонова, к примеру, в рассказе «Туатамур». На протяжении всего повествования Туатамур использует образ арбы как символ судьбы. Начинается рассказ именно с него: «Арба, имеющая две оглобли, идет прямо и хорошо. Арба моего счастья имела только одну» [13. С. 58].

В четвертой части рассказа арба воспринимается и в прямом значении как средство для перевозки грузов, и в переносном — как начало конца Туатамура. Он не хотел идти в поход, ибо видел все беды его:

Я стал думать. Когда бывает третье полнолуние осени, тогда надо ждать первого полнолуния зимы. Когда бывает зимний ветер — коням трудно рыть снег, людям скрывать следы, стреле лететь далеко. Пятигодовалый верблюд сломает ногу, если попадет в мышиную нору. Я сказал про это кану [13. С. 61].

Но Ытмарь заставила двух великих воинов — отца и Туатамура — принять решение в пользу похода. Не случайно Туатамур в момент отправления войска слышал лишь скрип арбы и кибиток, а не победную песнь. С этого момента судьба рассказчика «заскрипела» и покатила под откос.

В этой же части рассказа Туатамур вновь возвращается к образу арбы как символу своей жизни:

Когда родился я, — никто не сказал: «Вот родился, который счастлив, — у него голубое лицо!» Когда я родился, Худа переломил первую оглоблю арбы, в которой мое счастье [13. С. 64].

В двенадцатой части рассказа, когда Туатамур понял, что Ытмарь любит другого, он опять возвращается к привычной метафоре:

Я взглянул в небо. И вот теперь я почувал, что сломана вторая оглобля моей арбы. Я дрогнул [13. С. 78].

Именно в этот момент судьба Туатамура как воина и человека была сломана окончательно. Характерно, что сочетание «арба — путь — судьба» — чисто восточный элемент.

Интересно, что своеобразной «арбой» выступает поезд в повести «Возвращение Будды» у Вс. Иванова. Создавая новый «монгольский миф», Иванов четко маркирует разное понимание пути, дороги, движения в культурах Востока и Запада:

...профессор Сафронов — европеец. Он знает: чтобы не думать, нужно занимать тело и разум движением. Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла в тьму. Восток неподвижен. И недаром символ его — лотосоподобный Будда [14. С. 218].

Заставляя Сафронова совершить путешествие, гыген и сам вынужден передвигаться в пространстве, отвлекаясь от созерцательности, лишь молитва остается для него частичкой связи с прошлым. К концу пути Дава-Дорчжи отказывается от основ своей национальной философии: плотское, физиологическое берет вверх над душевным, и статуя Будды теряет для него какую-либо ценность. С Сафроновым же происходит обратный процесс: постигая значение Дороги, понимая ее суть, профессор приходит к духовному просветлению.

В восприятии героев повести действительность теряет свои физические качества, *время* и *пространство* изменяются до неузнаваемости: «локомотивы, сгибающая шею, рвутся в туман, и туман рвется в них». Западному строю жизни противопоставляется в повести восточное мировоззрение покоя и самоуглубления. Именно на Востоке профессор надеется спасти культуру человечества и самого себя:

Укрепление же — там, подле стад и кумирен, — укрепление одной моей души будет самая великая победа, совершенная над тьмой и грохотом, что несется мимо нас... Спокойствие, которое я ощущаю, все больше и больше... чтоб сердце опускалось в теплые и пахучие воды духа....

Мудрость Востока вступает в противоречие с разрушительной скоростью Запада, и Сафронов вынужден выбирать, что ему ближе: культура Монголии, которую он познавал много лет, или новая революционная действительность, олицетворявшая собой злую разрушительную силу прогресса. И этот выбор он невольно совершает в самом начале повести, даже не догадываясь об этом.

Иванов достаточно четко маркирует *скорость* мышления и передвижения представителей разных культур даже на уровне слова. Вот как, например, создается аура быстрого времени вокруг Сафронова в начале повествования: «Сообщайте причину вашего пребывания *поскорее...*»; «профессор *торопливо* поднимает крюк двери»; «...он [профессор] не может ездить осматривать все дворцы... — ему надо *немедленно* ехать домой» и т.д. Тот же образ торопливого движения и вокруг других революционеров: «Человек в валенках *сразу* начинает кричать...»; «наконец Анисимов *кидает* портфель и *подбегает* к телефону»; «заместитель наркома... говорит *быстро* и с какой-то насмешливой увлеченностью...» и т.д.

Иное дело Дава-Дорчжи и его соплеменники. Их слова и действия неторопливы: «Дава-Дорчжи отходит от кресла... Лицо его *неподвижно*, глаза сияют»; «взгляд толпы рассеянный, *сонный, но как бы вековой*»; «иногда... Дава-Дорчжи ложится

на спину и *медленно, точно вдевая в иголку нитку*, переводит профессору разговора солдат» и т.д.

Иногда Иванов сталкивает в диалоге эти две скорости, два разных взгляда на мироустройство:

Профессор тяжело дышит... Теперь вот кажется, что здесь, на вокзале, произойдет необычайно важное событие... если задержаться. *Надо спешить*.

— Когда поезд отходит? Анисимов пришел?

— Не беспокойтесь, до отхода поезда *бесконечное количество времени*, и товарищ Анисимов не опоздает.

— Но у него все мандаты и документы.

Дава-Дорчжи *возмутительно бесстрастен*...

Но начиная с шестой главы, в которой и начинается перерождение героев, «скоростной режим» вокруг них меняется: «Дава-Дорчжи прервал *нетерпеливо*...»; «...от женщины гыген возвращается *быстро*»; «...он [гыген] *вскакивает и порывается бежать*»; «...движения его становятся *быстрее*, спина выпрямляется» и т.д. Сафронов же, наоборот, меняет вектор своего пути с горизонтального на вертикальный, отсюда и замедление *скорости времени* вокруг него:

...в песочных струях *сонны* люди, и так же, *как во сне*, сразу забывает профессор виденные лица.... Так и должно быть: у порога иной культуры, опьяненные *сном*, бродят иные, чужие этой культуре люди. Они *сонны, неподвижны*...

В начале поездки Сафронов задумывается над своей ролью и ролью Дава-Дорчжи в этой истории и приходит к парадоксальному выводу:

По его мнению, Дава-Дорчжи должен был подчиниться течению событий так же, как подчиняется им профессор. Иначе что же это такое? Русский профессор оказывается большим буддистом, чем буддийский перевоплощенец? [14. С. 197].

Характерно, что это утверждение полностью реализуется в конце повести: Дава-Дорчжи сбежит, отказавшись от инициации в Будду, а профессор, пройдя эту инициацию, погибнет, выполняя свое предназначение.

Поезд стал «жизненной арбой» профессора, которая привела его, с одной стороны, к смерти, а с другой — к бессмертию.

Но вернемся к прозе Сергеева. Не только арба является домом кочевника. Еще одним типом национального жилища казахов является складная юрта, которая, в отличие от арбы, символизирует не саму кочевку (движение к месту стоянки), а временный привал (установление юрты на определенном месте) на «своей» территории: «Пастухи разобрали юрты, кочевка продолжалась» («Звездное небо Талгата») [12. С. 20]. Сергеев акцентирует внимание читателя на том, что привал вызван необходимостью обязательного приема «дома» многочисленных гостей по случаю рождения во время кочевки в семье мальчика как продолжателя рода по отцовской линии, что для казахов приравнивается к празднованию национальных праздников.

Обращаясь к локусу юрты, А.Н. Сергеев стремится отразить ментальные установки и показать, что юрта как микрокосмос казахского народа включает в себя не только бытовую и культурную сферы жизни, но и социальную. Кочевой образ

жизни выработал в национальном сознании постоянную потребность в контактах. Этот древний степной обычай, как часть «домашнего» национального мира, описывается Сергеевым: «Как положено, рождение сына было отмечено родителями тоем»; «Для съехавшихся из соседних кочевков, стоянок на летовках — жайляу, из аулов людей был зарезан жеребенок, изготовлены объемистые торсыки кумыса...».

Пространственные представления, лежащие в традиционной культуре казахов, структурируются заполнением «пустой» степной территории. Стремление максимально наполнять «свое» пространство (людьми) лежит в основе мировидения степняков. При этом вторжение в него «инога» (гостя) характеризуется не только пространственными координатами — «ближние» (из соседних кочевков) и «дальние» (стоянки, аулы), — но и имеет национальную специфику отношения хозяев к прибывшим на праздник: «В отдельной юрте собрались аксакалы, пили кумыс, ели жирный куырдак...»; «Придумывали, обсуждали имя новорожденному».

В этом повествовании отчетливо прослеживается и темпоральный код. Повесть не содержит традиционных для славянского восприятия единиц измерения времени. Жизненные вехи обозначаются посредством их соотнесения с периодами осуществления кочевков и переправ, а не при помощи конкретных дат. Тем самым хронотоп служит средством передачи этноспецифической особенности восприятия времени, в основе которой лежит циклическая модель: «Было это в августе»; «Кочевали неспешно, все лето»; «Поздней осенью дошли до Курдая». Кочевник воспринимает время как *трону*, которая всегда будет вести через местность и обстоятельства, повторяющие те, в которых он находится в настоящем времени. Таким образом, автор приближает к русскому читателю образ чужой культуры, в которой хронотоп дома тесно переплетается с хронотопом дороги и отдельно от него он не существует.

Примеры того, что в казахской национальной картине мира *дом* и *дорога* неразрывно связаны, можно найти и в других произведениях А.Н. Сергеева. В рассказе «Хозяин» дом представляет собой кос-шалаш, иначе, жолым-уй (дорожный дом). Название «кос-шалаш» выражает синтез дома и дороги.

Герой рассказа чабан Молдабай, гонимый желанием добыть корм для своей отары в зимний период, уходит в ущелье, к скалам, пренебрегая существующими запретами: «Он бы не полез в этот стиснутый скалами каменный мешок, не пошел бы на такой риск, на который до сих пор, сколько он знает, не отважился ни один чабан, даже в самую тяжелую бескормицу»; «старики чабаны, в том числе и отец, предупреждали о поджидающем его здесь, в коварном ущелье» [15. С. 146, 151]. В данном случае хронотоп определяется через понятия «свое — чужое». Свое — это степь, юрта, в которой осталась его жена и двое маленьких детей. Чужое — неизведанное, страшное, представлено скалами и ущельем (вертикальное пространство). Автор акцентирует внимание на том, что для кочевника выход за пределы степной равнины представляет угрозу, так как не позволяет видеть привычные ориентиры плоского, горизонтального пространства. Установив свой «дорожный шалаш» на чуждой ему территории, Молдабай понимает, что это уже не *дом*, который является продолжением «своего» степного пространства. Все, что находится в пределах видимости персонажа, представляет опасность: «На скалах, на отвесных обрывах и здесь нависали тяжелые...заледенелые козырьки.

Больно защемило сердце, по всему телу пробежал холодок страха»; «Со страхом глядя на снежные вершины...» [15. С. 148].

Кос-шалаша имеет особую геометрическую форму: «Четыре палки в землю воткнул, на них кошму... Есть у него все: кошмы, кереге-остов, веревки... на юрту не хватит, да она ему и не нужна, но кос-шалаш можно соорудить отличный». В отличие от традиционной юрты, дорожный дом требует намного меньше времени на сборку, но он также защищает от холода и зноя. Коническая форма придает столь малому жилищу наибольшую устойчивость от сильного ветра и, главное, способствует очень быстрому передвижению: «Уходить нужно было немедленно, опасность нарастала. Он быстро разобрал шалаш, завьючил Карасункара и Кокбие...».

В русской культуре лексема «шалаш» ассоциируется с топосом леса и сооружением из лиственных веток деревьев. При этом его после использования чаще всего не разбирают, а оставляют там же, где он был построен. Национальная особенность проступает уже в том, что кочевники свой временный дом собирают и разбирают, тогда как славяне — строят. Несмотря на схожесть геометрических форм «русского» шалаша и казахского «дорожного дома», автор рисует их существенные различия. Славяне строят шалаша в основном в летнее время года. Кос-шалаш кочевника функционален в любое время года, так как за счет небольшого круглого отверстия сверху (уменьшенная в радиусе модель шанырака юрты) и покрытием из кошмы наделен возможностью обогревать внутреннее пространство: «С вечера шалаш не прогрел»; «Молдабай поморщился: не по-чабански это, жильё костром не обогрев, спать ложиться».

Приведенные примеры позволяют увидеть, что казахское жилище имело не только различные геометрические формы, приспособленные к определенным природным ландшафтам (равнина/взгорье), и то, что в любом типе жилья трансформировались основные элементы традиционной юрты.

В раскрытии образа дома через пространственные и временные образы в прозе А.Н. Сергеева участвуют не только внешние, но и внутренние характеристики жилища, обладающие национальной семантикой. Замкнутая модель пространства дома заполняется им традиционными предметами, которые позволяют воссоздать картину национального мира. Особенно ярко это отражено в рассказе «Кобыз». Описываемые события происходят в советском совхозе. Локус дома в рассказе представлен обычным кирпичным строением, не имеющим никаких отличительных признаков, позволяющих определить, что в нем живут представители казахской национальности. Внешнее пространство, окружающее дом, обозначено при помощи закрепившихся в русской культуре лексем, таких, как «совхоз», «усадьба», «двор», «прихожая»: «На центральную усадьбу совхоза Марат приехал в полдень»; «Поставил заиндевелого на морозе Баяна во дворе»; «Вошел в прихожую» [15. С. 155]. Упоминание двора позволяет увидеть «внедрение» в казахскую культуру русского бытового миропорядка. Но это только внешний признак, а внутренняя структура жилища остается неизменной. Благодаря этой структуре казахский мир остается архаичным и благоустроенным по древнему национальному образцу:

За большим круглым столом сидели директор совхоза, заведующий клубом, соседи. На почетном месте, против входа, жался чуть видный из-за стола... маленький казах.

Описание стола и людей в тексте повторяет организацию казахской юрты, о чем свидетельствует четкое разграничение мест, предназначенных для представителей разного социального статуса. Художественное пространство структурируется вещами и предметами быта, которые выражают национальный колорит. Характерной составляющей замкнутого пространства здесь становится стол как реалья казахского вещного мира. Стол (дастархан) у казахов всегда был круглый, так как за ним могли разместиться все уважаемые гости и родственники. В отличие от русского (чаще имеющего форму прямоугольника) стола, который может быть поставлен в любом месте помещения и «сидение» за которым подчеркивает равенство собравшихся, казахский стол всегда ставится посередине, а именно напротив входной двери. Такое месторасположение обусловлено тем, что не только стол, но и пространство вокруг него обладает национальной спецификой. Самым почетным местом в юрте считался «тор», т.е. та ее часть, которую через открытую дверь (по причине отсутствия окон) освещало солнце.

Характерно, что выход за границы дома/юрты в разных культурах имеет разное значение. Для кочевника — возвращение в привычную среду. Для славянской, оседлой, культуры — выход в «свет», вынужденное путешествие. Отсюда и отношение к Степи: родной для казаха и враждебной для землепашца-славянина.

Так, в «Донских рассказах» М. Шолохова возникает этот образ, несущий в себе древнейший, архетипический мотив простора и связанный с ним мотив жизни/смерти.

Для казака эти понятия неразделимы. Степь дает пропитание для коня и человека, степь же несет с собой и смерть всему живому. Шолохов постарался запечатлеть эту нерасчлененность мотивов. Например, в «Пастухе» степь символизирует собой смерть:

из степи, бурой, выжженной солнцем, с солончаков, потрескавшихся и белых, с восхода — шестнадцать суток дул горячий ветер.

Обуглилась земля, травы желтизной покоробились... а хлебный колос, еще не выметавшийся из трубки, кволо поблек, завял, к земле нагнулся... [16. С. 211].

Образ все убивающей степи предваряет и рассказ о смертельной болезни, поразившей коровье стадо, и рассказ о зверской расправе над пастухом Григорием, а также о жесточайшем голоде и гибели Алешкиной семьи («Алешкино сердце»):

Два лета подряд засуха дочерна вылизывала мужицкие поля. Два лета подряд жестокий восточный ветер дул с киргизских степей... [16. С. 236].

В «Председателе Реввоенсовета республики» образ степи появляется в рассказе Богатырева перед сценой «схватки» с бандитами. Степь не спасает рассказчика, наоборот, ее «открытость» не дает ему скрыться от банды, отсюда и образ голой, некрасивой степи, напрямую связанный с образом продажной женщины:

...степь кругом легла, до страмоты растелешенная, ни тебе кустика, ни тебе ярка или балочки... [16. С. 345].

Обиду Степана («Обида») на человека, заставившего хлебороба стать невольным убийцей земли, предваряет образ мертвой степи, мертвого хлеба:

По степи, приминая низкорослый, нерадостный хлеб, плыл с востока горячий сухой. Небо мертвенно чернело. Горели травы, по шляхам поземкой текла седая пыль, трескалась выжженная солнцем земная кора... [16. С. 378].

У Вс. Иванова степь также всегда враждебна хлеборобу, казаку, воину. Например, в рассказе «Киргиз Темербей» писатель использовал интересный прием: сцена расстрела показана глазами киргиза, но передана посредством русской речи. Казак ассоциировался у Темербея с несколькими символами, противоположными культурным ориентирам киргиза: песней, русской речью, отношением к степи. Не случайно пробуждение Темербея связано с громкими звуками:

— Дьрынн!.. Дьрынн!..

Качавшийся в седле казак бил шашкой по стволу ружья и подпевал:

Волга-матушка широка,
Широка и глубока...

Лицо казака — круглое, с маленькими, цвета сыромятной кожи усиками, весело улыбалось. Ему, должно быть, доставляло удовольствие и собственное пение, и звук, производимый им ударом шашки о ружье [17. С. 243].

Эта песня совсем не соответствовала полусонному настроению киргиза, она нарушала молчание Степи, несла смерть, что еще не осознанно почувствовал Темербей. Степь, разбуженная звуками, не «приняла» казаков, им неуютно, «... очень хотелось домой; надоела эта степь, горячее солнце, и хотелось тени» [17. С. 245].

Солнце и степь стали свидетелями и молчаливыми судьями происходящего. Громкий звук песни и выстрелов нарушил не только величавую тишину Степи, но и сломал налаженную жизнь Темербея:

Он почувствовал себя одиноким и в то же время связанным с людьми, совершающими убийство, а сказать «не хочу» — не было силы. И показалось Темербею, что он словно ест дохлятину, и даже начинала шекотать горло тошнина [17. С. 247].

В рассказе «Дите» Иванов создает два звероподобных образа: «Монголия — зверь дикий и нерадостный» и партизаны — «злые, как волки весной» [18. С. 139]. Не случайно эпитеты, связанные с описанием казака, отражали жестокость, страх, например: «а когда садился на лошадь [Афанасий Петрович] — строжал. Далеко пряталось лицо, и сидел: седой, сердитый и страшный»; «тела у людей и животных были жесткие и тяжелые»; «в красной пыли тележка, колеса, люди и мысли их». Презрение казака к своей и чужой смерти, презрение к иноверцам, «немаканым» (т.е. некрещеным киргизам) и одновременно трогательная забота о приемном ребенке — материал исследования Иванова в «Дите».

Своеобразие мировосприятия казака не становится центром внимания писателя, он лишь вскользь создает мотив движения, без которого немислима жизнь сибирца. Русских гнали немилосердно в степи Монголии, от этого их презрение к смерти («На камнях-горах оставили лишнюю слабость — кто повымрет, кто повыбит»); партизан гонят через горы белые, от этого презрение к местному на-

селению, ибо «все чужое, не свое, беспашенное, дикое», не похожее на родную прииртышскую степь.

Мотив дороги непосредственно соединен с мотивом насилия. Не сами казаки кочуют, их «гонят» как зверя; поэтому и в них нет жалости к жителям этого «не-радостного» края. Но «беленький» ребенок становится для казака символом будущего («Расти, ребя. Он вырастет у нас — на луну полетит...»), ради которого они воюют, поэтому в жертву этому будущему отдается другой ребенок — киргиз.

Характерно, что мотив ухода из дома в произведениях русских писателей всегда связан с мотивом несчастья, разрыва со «своими»; уход в другое пространство порождает новое время (пусть даже социальное, революционное), всегда враждебное старому. Поэтому и мотив возвращения связан со смертью.

Так, у М. Шолохова разрушение казачьего уклада жизни, гибель культуры, сопровождаемые насилием и смертью, и рождение культуры новой, чуждой патриархальному, сословному миру казака, — один из доминантных мотивов в «Донских рассказах». Писатель показывает, насколько косной, патриархальной, жестокой и нетерпимой к новому и чужому была казачья среда. Именно поэтому молодое поколение, не успевшее «вжиться в казачество», стремящееся к новому, неизведанному, выступило против отцов и дедов.

Писатель искренне переживал трагедию донского казачества, стремился показать, как страшен идейный, социальный раскол. Революция не только разрушила быт станичной семьи, она изменила архетипы сознания казака, то, что составляло самобытность казацкой субкультуры.

С первого же рассказа цикла мотив убийства Шолохов переводит из плоскости «свой — чужой» в плоскость «свой — свой» (родной по крови). Из рассказа в рассказ прослеживает писатель, насколько быстро и под влиянием каких обстоятельств древнейший запрет на убийство «своей крови» бывает нарушен.

Шолохов очень четко обрисовывает контуры сил, противостоящих друг другу в момент крушения старого культурного уклада и формирования новой советской культуры.

Шолохов сталкивает эти две силы в мировоззренческом плане. «Старые» стремятся оставить миропорядок неизменным, чтобы на их «избранничество», особый статус военного сословия не смел никто из городских или «мужиков» покушаться. «Молодое поколение» хочет мира, всеобщей гармонии и равенства, что и было обещано революцией. Уравнять в правах, в земельных наделах, лишить казаков особого статуса — это своеобразная месть казакам новой власти и тех, кто ее поддерживает. А с другой стороны, культура идет против культуры, и это противостояние имеет и материальный базис.

Размежевание между поколениями казаков идет и по линии «старое, неизменное/ новое, притягательное своими перспективами». Если для старших священны традиции и вековой отцовско-дедовский уклад, то молодые видят лишь его внешнее (иногда негативное) проявление: собственнический дух, предрасудки, подавление личности. Поэтому они стремятся стряхнуть с себя, уничтожить этот уклад, а вместе с тем и старшее поколение (иногда и физически, как, например, в «Продкомиссаре» или «Бахчевнике»). А взамен разрушенного естествен-

ного родства по крови утверждалось новое родство по классу, по принятой новой вере («Путь-дороженька», «Батраки», «Червоточина» и пр.) или родство по казачьей кастовости вопреки родственности («Коловерть», «Семейный человек»). Разрушено традиционное *пространство* казачьей семьи, и это сделало новое время.

В «Червоточине» справный хозяин Яков Алексеевич, чувствующий требования времени (избавился от лишних быков, от работника и оказался в середняках), умеющий и к чужим людям, и к близким подойти с умом и терпением, неожиданно столкнулся с «червоточиной» в собственной семье.

Ты нам наврODE как чужой стал... — говорит он Степану. — Богу не молишься, постов не блюдешь, батюшка с молитвой приходил, так ты и под святой крест не подошел... Разве ж это дело? Опять же хозяйство, — при тебе слово лишнее опасаясь сказать... Раз уж завелась в дереве червоточина — погибать ему, в труху превзойдет, ежели вовремя не вылечить. А лечить надо строго, больную ветку рубить, не жалеючи... В писании и то сказано [16. С. 431].

Первая причина «чуждости» — отход от Бога. Отец уверен в своей правоте. Яков Алексеевич пытается объяснить сыну его заблуждение:

«Ну, а если человек и садишься с людьми за стол, то крести харю. В этом и разница промеж тобой и быком. Это бык так делает: из яслей жрет, а потом повернулся и туда же надворничает».

И Степка поначалу, казалось бы, к нему прислушивается. Но новая вера уже укоренена в душе юноши.

Степка отошел от старой, родовой, патриархальной веры, а новая вера требует отбросить кровно-родственные чувства: «в сердце нет уже ни прежней кровной любви, ни жалости к этому беспощадному деру — к человеку, который зовется его отцом».

Новая вера, зовущая к классовому братству, обрубающему родовые корни, захватила Степку (и не только его, но и Гришку-бахчевника («Бахчевник»), Алешку («Алешкино сердце»), Петьку («Путь-дороженька»), Ефима Озерова («Смертный враг»), Бодягина-младшего («Продкомиссар») и многих-многих других), и «отчуждение постепенно переходило в маленькую сначала злобу, а злобу сменила ненависть» [16. С. 431], она заставила младшего предать родных: Степка на собрании обвиняет отца в сокрытии пахотных земель от налога.

Характерно, что столкновение двух вер и двух мировоззрений у Шолохова мотивировано определенными культурными установками, вместе с тем каждый из участников конфликта нарушает основы своей веры. «Не убий!», а Яков и Максим убивают; «будь стоек», а Степка вымаливал себе прощение: «Степка бился под отцом, выгибался дугою, искал губами отцовы руки и целовал их вспухшие рубцами жилы и рыжую щетину волос...». За нарушение основ веры пострадали все: и невинно убиенный Степка, и невольные его убийцы — отец и брат. «В смертоубийственных финалах многих своих рассказов, где кульминирует центральный конфликт двух сторон, на которые разделился народ, Шолохов всегда предельно жесток и жесток, вновь и вновь беспощадно демонстрируя тот страшный упор, до которого доходят люди в своей обиде, одни — в распаленной ненависти к тем,

кто лишает их жизнь смысла и устойчивости, другие — стремясь добиться новой пролетарской, бедняцкой правды на земле» [19. С. 29].

Но интересен тот факт, что новая вера постепенно вытесняет в казаке основы веры в Христа с его гуманистическими идеалами, остается только беспощадная жестокость, забирающая жизни самых близких людей.

Новое время изменило даже самые глубокие архетипы, такие, как «земля», «зерно». Шолоховские казаки относятся к земле как к Праматери и выращенное зерно воспринимают не только как еду, но и как символ *старой жизни*. Поэтому и урожай добровольно продотрядовцам они отдавать не хотят. Отсюда еще один уровень противостояния: отдавать чужакам родное не позволяет не только ужас перед голодом или жадность, но нечто родовое, спрятанное в подсознании, чего нет и не было у городских, «иногородних».

Еще трагичнее, когда зерно отбирают свои же — казаки. Это противостояние четко зафиксировано, в частности, в рассказе «Продкомиссар». Едва ли не библейский сюжет лежит в основе этого рассказа: возвращение блудного сына. Но не всепрощение торжествует в новелле, а смерть. Библейская веротерпимость перечеркивается новой верой, выраженной в концептуальной фразе Бодягина-младшего, обращенной к собственному отцу: «Кто работал — сочувствует власти рабочих и крестьян, а ты дрекольем встретил... К плетню не пустил... За это и на распыл пойдешь!» [16. С. 224]. Бодягин-старший разбогател не только за счет чужого труда, но в первую очередь за счет своего, и потому на обвинение сына: «Ты первый батраков всю жизнь сосал!», он отвечает: «Я сам работал день и ночь». И сомневаться в правдивости этих слов нет никаких оснований. Но этот факт совершенно не берется в расчет Игнатом.

Сын ослеплен и своей прежней обидой (отец его выгнал из дома), и новым мировоззрением, которое позволяет отбирать чужое, пользуясь заученными формулировками, принятыми за истину: раз ты не пустил в свой дом, амбар, значит, ты — враг, значит, и не работал, а наживался за счет других. Не только известие о том, что он «пойдет на распыл», но и противоречащий здравому смыслу постулат новой власти, новой религии вызывает в Бодягине-старшем негодование. И он как бы из корней подсознания вытаскивает самое страшное, что «предлагала» старая христианская вера в таких случаях:

У старика наружу рвалось хриплое дыхание. Сказал голосом осипшим, словно оборвал тонкую нить, до этого вязавшую их обоих: — Ты мне не сын, я тебе не отец. За такие слова на отца будь трижды проклят, анафема...

Своеобразие шолоховской позиции проявляется и в изображении продрозвертки. У писателя нет сочувствия к озлобленному старику Бодягину, но Шолохов сумел показать трагедию землероба, не принявшего идею равноправия и всеобщего «дележа»:

Меня за мое ж добро расстрелять надо, за то, что в свой амбар не пушаю, — я есть контра, а кто по чужим закромам шарит, энтот при законе? Грабьте, ваша сила.

И Бодягин-сын не возражает, что их действия квалифицируются как грабительство, он лишь уточняет, что «метут под гребло» у тех, «кто чужим потом наживался».

Вина Бодягина-сына страшна, но не менее страшна и его гибель. Практически во всех рассказах Шолохова мотив возвращения домой сопряжен с мотивом насильственной смерти. Потому что домой вернулся *чужак* из другого мира (пространства) и другого времени.

Для кочевника мотив «возвращения в дом» теряет свое значение. Для казаха Степь — «дом родной», он чувствует себя в степи свободно и счастливо, если туда не пришел *чужой*. Так случилось у Иванова в «Киргизе Темербее», так происходит и в рассказах современных казахстанских русскоязычных писателей С.Н. Назаровой, А.Н. Сергеева.

В рассказе А.Н. Сергеева «Вернулись лебеди!» географическое пространство и его архитектура представлены описанием Кустанайского округа. Чтобы показать, что представляла собой кустанайская степь до прихода туда целинников, автор вводит пространственно-временную оппозицию «прошлое» — «настоящее». Главный герой Бейболат, получив письмо от своего сына, после многолетнего отсутствия в родном поселке «Озерное» возвращается на родину своих предков:

Здесь ему на сто верст каждый кустик знаком. Эту низину — Сары сай она называется, как свой кора (крытый двор) знает. За сопкой родной аул был, в нем родился, вырос. На этом камне, похожем на круглый казахский стол, не раз подкреплялся скудной пастушьей едой — сухой лепешкой, куртмом или кислым айраном... Он посидит за этим каменным столом, подышит степным чистым воздухом [20. С. 243].

Степь изображена как открытый обзор во все стороны: «Табунщик охватывал взглядом степь всю сразу, и не только глазами, он воспринимал ее всем своим существом» [20. С. 243].

Национальный мир Байболата рушится у него на глазах. От умиротворенного описания ландшафта степи не остается и следа:

Под сопками и в лощинах, среди ровных саев и в кустарниках белели палатки, дымили костры... По малонаезженным степным дорогам грохочущим потоком — будто где под Кустанаем или Акмолой — шли автомашины,...волочили за собой невиданные по здешним местам домики на колесах, вагончиками их называли...

В родной степи герой чувствует себя чужим. Хронотоп сегодняшнего мира в его понимании устремлен в никуда и нарушает традиционное течение размеренной жизни. Мир техники, «детище» современной цивилизации, насильно вклинивающийся в кочевой мир, заполняет собой не только пространство «пустой территории», которая населена предками, но и территорию живых людей: «... ехало так много, что Байболат сомневался: уместятся ли они все в степи».

Вернувшись через годы долгого отсутствия на родную землю, герой понимает: никакие новшества не смогли разрушить национальный мир и изменить ход истории:

...смотрел, как зачарованный... Под самой сопкой все тот же им сложенный мазар. Теперь, на фоне этого огромного хлебного поля, на фоне поселка, речки, он выглядел пониже и посерее, но все равно был здесь не лишним. «Не развалил его Ержигит, — довольно усмехнулся старик. — Сохранил память. Правильно сделал сынок».

Писателям через пространственную категорию удалось показать, что ландшафт казахской степи представляет собой не только особенности географии, но и —

через освоение человеком пространства — отражает его традиционное мировоззрение.

В подобном ключе облик географического пространства Семипалатинской степной зоны создает в «Кама-сутре» С.Н. Назарова. Рисуя мир нетронутой людьми степной природы с ее растительностью, она обращается к цветовым и звуковым образам, через них маркируя национальный колорит отдаленного региона, который для героев рассказа олицетворяет космическую гармонию с природой, неподвластной разрушению извне:

А утро приходило нежно-оранжевым свечением или яростно золотым. И на закате, и на восходе, — она, Степь, провожала и встречала. Никогда она не была мертвой... [21. С. 69].

Чтобы обозначить этноспецифику степной географии и показать, насколько она разительно отличается у казахов от традиционных цветовых образов славян, С.Н. Назарова использует антитезу, которую можно представить как казахское/русское. Для этого она вводит в повествование русского персонажа, молодого офицера, приехавшего в Семипалатинский регион работать (проводить ядерные испытания на полигоне). Через его монологическую речь дана характеристика степи с позиции ее восприятия русским человеком: «Нереальная степь в знойном мареве с ее запахом пыли ...противным привкусом... горькой полыни». Использование приема контраста ярко высвечивает отличие степной местности от лесных зеленых массивов русской природы.

Кроме приема антитезы, автор использует мотив вторжения «чужого» в этнокультурное пространство. «Иной», пришедший в степь, уже не «свой», желанный гость в казахском доме, а «инородец», разрушающий архаику степного мироустройства:

Хрипя голосом, расставив ноги в пыли, Майраш с ненавистью смотрела в лицо белокурому красавцу-майору, который шел ей навстречу. «Это ты, ты, русский, виноват в болезни моего сына! Ты сломал его жизнь навсегда! Ты и мою жизнь сломал! Зачем пришел в нашу степь!»

«Вторжение» в степь разрушает не только национальный мир казахов, но и нарушает естественное течение времени в жизни русского майора и его жены:

Два человека стояли посреди пыльной дороги. И плакал каждый из них двоих о своем. Он — о своей рушившейся семейной жизни, в чем любимая красавица жена винила только его... Винила его, бывшего прежде любимым и ставшего бесплодным мужчиной... Оба они плакали об одном и том же.

Обращаясь к определенным историческим событиям, С.Н. Назарова стремится в художественной форме зафиксировать не только трагедию казахов, но и подчеркнуть универсальность описываемых трагических судеб людей, выходящих как за пределы географических границ, так и за пределы исторически сложившихся моделей жизнеустройства народов.

В жизни героев происходят страшные события, ломающие древние устои, испокон веков почитавшиеся степняками, разрушаются нравственные критерии. Ощущение безысходности, потеря своего самобытного, архаичного мира, который

до сих пор сохранялся в отдаленном «уголке» степи, передается при помощи мифологического хронотопа. Он активизируется в архитектурных объектах, которые несут в себе мифологические смыслы. Главными достопримечательностями в рассказе выступают «балбалы» — каменные бабы — символы древних культовых представлений кочевников. В тексте эти символы («сын-тас») сохраняют свой древний облик, назначение которого — выражать «глубокую скорбь» живым.

Основы жизни обычной казахской семьи составляют особые межродовые связи (запрет на брак между близкими и дальними родственниками до седьмого колена). Это практически исключает возможность генетических заболеваний. Вторжение инородцев в архаику национального мира привело к непоправимым последствиям:

Ты от кого родила мне моего сына-урода? Признавайся! Мой род достойный, у нас никогда не было уродов!

С.Н. Назарова, используя эмоционально окрашенную лексику, показывает, каким невыносимым ударом для героев-казахов стало рождение больного ребенка.

Вступая в конфликт с национальными традициями, примерный семьянин отказывается от ребенка и уходит из семьи. Мир предков прекращает питать поступки и мысли Марата. «Степная космичность» (Гачев) с приходом сил, «не предусмотренных природой», теряет свое значение. Мир наполняется не только чужими запахами, такими как «противный привкус металла», но и чужим «вещным миром»:

Мальчику было пять годиков, когда в аул нагрянул его родной отец с друзьями. Они приехали на хорошей машине, были одеты в джинсу.

На этот разрушенный мир с его чужеродной техникой и одеждой с осуждением взирали предки, духи которых обитают в балбалах:

Древние каменные бабы с азиатскими чертами в степи возле Сары-Шагана, чьи-то древние матери, сестры, дочери, молчаливо, укоризненно и скорбно наблюдали за происходящим.

Чужак нарушает пространство степи, вводя в него новое время, но тем не менее, это пространство узнаваемо и любимо *своими*.

Выход «в пространство» из дома или существование в нем требует определение траектории пути, следовательно, нужны определенные ориентиры, хотя бы такие, как стороны света, ближайшие географические объекты и др. Но если для кочевника, проходящего по «своей» территории, они знакомы, то для вышедшего в пространство земледельца — нет.

Кочевник поэтизирует знакомые ориентиры, тем самым создавая своеобразные топонимические предания, включающие в себя не только пространственную, но и временную характеристику. Например, в «Туатамуре» Л. Леонова несколько подобных «вкраплений»: «я родился на месте Кадан-Тайши, где потом в семидесяти котлах варил Чингис мятежных тайджутов, где за полосами рыжего песку лежит белая гора, — ее зовут Кунукмар, потому что она все равно что нос большого убитого человека»; «Мы называем эту равнину — Улуг-Ана, потому что она

родит великих»; «Это я, который пронес огонь и страх от Хоросана до Астрабада, от Тангута до земли Алтанхана, который сторел в огне...» [13. С. 58].

В рассказе топонимика местности, по которой идет татарский воин, названия племен отличны от привычной русскому читателю, что создает некий оттенок экзотичности, например: «она была бурджигин¹»; «я, который пронес огонь и страх от Хоросана² до Астрабада, от Тангута до земли Алтанхана³»; «я сжег Нишабур и Термиз. Я пробил стены Балха и Бедехшана. Я снял ворота с Конкирата⁴»; орусы⁵ и т.д.

Маркирует национальное сознание и способ времяисчисления (восточные народы для летоисчисления пользовались двенадцатилетним циклом: год Мыши, Коровы, Барса, Зайца, Дракона, Змеи, Лошади, Овцы, Обезьяны, Курицы, Собаки, Свиньи) и счета, которым пользуются татары, например: «мы тьма, мы идем твердо»; «в год Коровы, когда кибитка третьего полнолуния той осени остановилась над улусами...»; «мне было тогда лет четыре половиной раза по двенадцать»; «расстояние между моими ногами было в пятьдесят фарсангов»; «курица, рожденная Обезьяной, родила седьмую луну»; «когда небо свершило три оборота и Мышь родила Корову, я пошел домой» и т.д.

3. Выводы

Мы видим, что образ «чужого» и «своего» для читателя мира авторами разных поколений создается сходными способами, ключевыми маркерами культуры становятся категории хронотопа. Но значим тот факт, что в художественном произведении физические константы теряют свою неизменность (парадокс, но факт) и приобретают зримые национально-культурные черты.

Список литературы

1. *Лотман Ю.М.* О семиосфере // Ю.М. Лотман. Статьи по семиотике и топологии культуры: в 3 т. Т. 1. Таллин: «Александра», 1992.
2. *Бахтикиреева У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
3. *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур / Н.Л. Лейдерман // Русская литература XX—XXI веков: направления и течения. Вып. 8. Екатеринбург, 2005.
4. *Логинова М.А.* Этнокультурный хронотоп малой русскоязычной прозы писателей Казахстана конец XX — начало XXI века: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2018.

¹ Племя, покоренное Чингизом.

² Хорасан — букв. восход солнца, восток.

³ В III—XVIII веках историческая область на Среднем Востоке, включавшая северо-восточную часть современного Ирана, Мервский оазис, оазисы юга современного Туркменистана, северные и северо-западные части современного Афганистана. Астрабад — до 1930 года название города Горган в Иране; Тангуты — монгольское название тибетцев. Алтан-хан — букв. Золотой хан; титул, которым монголы называли императоров династии Цзинь.

⁴ Нишабур (Нишапур) — город в Иране, Термез — город в Туркмении. Балх — город в Северном Афганистане в 1221 г. Разрушен Чингисханом, восстановлен в XIV веке. Бадахшан — ныне Горно-Бадахшанская автономная область в Таджикистане.

⁵ Русские.

5. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.
6. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999.
7. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005.
8. *Гачев Г.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008.
9. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1994.
10. *Шайкемелев М.С.* Казахская идентичность: монография. Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения, 2013.
11. Писатели Казахстана XX века: библиографический указатель: отдельное издание «С-Я». Алматы: Государственная библиотека им. Джамбула, 2013.
12. *Сергеев А.Н.* Звездное небо Талгата: хроника подвига. Алматы: Казахстан, 1997.
13. *Леонов Л.М.* Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1986.
14. *Иванов Вс.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1968.
15. *Сергеев А.Н.* Один шаг. Алматы: Создік-Словарь, 2001.
16. *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1985.
17. *Иванов Вс.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1959.
18. *Иванов Вс.* Дите // Вс. Иванов // Открыленные временем. Рассказ 1920-х годов. М.: Художественная литература, 1990.
19. *Семенова С.Г.* Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛМ РАН, 2005.
20. *Сергеев А.Н.* Война рождает героев. Алматы: Санат, 2005.
21. *Назарова С.Н.* «Такой Кама сутра» // Нева, 2012. № 9. С. 68–75.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.03.2019

Дата принятия к печати: 29.06.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Подобрий А.В., Логинова М.А., Лукиных Н.В. Постоянны ли константы? // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 375–397. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-375-397

Сведения об авторах:

Подобрий Анна Витальевна — доктор филологических наук, доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе. E-mail: podobrij@yandex.ru

Логинова Мария Александровна — магистр русского языка и литературы, старший преподаватель кафедры филологии, филиал Челябинского государственного университета. E-mail: mariya.loginova.78@mail.ru

Лукиных Наталья Витальевна — кандидат педагогических наук, доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета; доцент кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе; декан факультета подготовки УНК. E-mail: lukinyhnnv@csru.ru

Are Constants Constant?

Anna V. Podobriy¹, Maria A. Loginova², Natalya V. Lukinykh¹

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University
69 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

² Kostanai branch of Chelyabinsk State University
155 Working st., Kostanay, Republic of Kazakhstan

The boundaries of the artwork visibly change the perception of the seemingly unshakable physical laws. For example, the works of writers of the beginning and end of the twentieth century, who created samples of the so-called. “Border literature” (N.L. Leiderman), we consider the ethnocultural component of certain physical categories and their role in creating the image of “their own” and “alien” national world within the framework of Russian-language literature. As a “counterweight” to each other, the images of the world of the nomad steppe and sedentary Slavic people are used.

Key words: border literature, Russian-Kazakh literature, ethnocultural component of the artistic text, markers of national culture, “alien” image of the world

References

1. Lotman, Yu.M. 1992. O semiosfere [On Semiosphere] in Stat’i po semiotike i topologii kul’tury: v 3 t. T. 1. Tallin: «Aleksandra». Print. (In Russ.)
2. Bahtikireeva, U.M. 2005. “Hudozhestvennyj bilingvizm i osobennosti russkogo hudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva” [Literary Bilingualism and Features of Bilingual Text by Russian-Speaking Author]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Lejderman, N.L. 2005. “Russkoyazychnaya literatura — perekrestok kul’tur” [Russian-Language Literature as a Cross-Roads of Culture] in Russkaya literatura XX—XXI vekov: napravleniya i techeniya. Vol. 8. Ekaterinburg. Print. (In Russ.)
4. Loginova, M.A. 2018. “Etnokul’turnyj hronotop maloj russkoyazychnoj prozy pisatelej Kazahstana konec XX — nachalo XXI veka” [Ethno-Culture Time and Space Markers of Russian-Language Prose by Kazakhstan Writers of XX — XXI Centuries]: dis. Thesis, Omsk. Print. (In Russ.)
5. Stepanov, Yu.S. 2004. Konstanty: slovar’ russkoj kul’tury [Constants: Russian Culture Dictionary]. 3-e izd. ispr. i dop. Moscow: Akademicheskij proekt. Print. (In Russ.)
6. Gachev, G. 1999. Nacional’nye obrazy mira [National Images of the World]. Evraziya — kosmos kochevnika, zemledel’ca i gorca. Moscow: Institut DIDIK. Print. (In Russ.)
7. Bajburin, A.K. 2005. Zhilishche v obyadah i predstavleniyah vostochnyh slavyan [Living space in Traditions of East-Slavonic People]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury. Print. (In Russ.)
8. Gachev, G. 2008. Mental’nosti narodov mira [Mentality of Peoples around the World]. Moscow: Algoritm; Eksmo. Print. (In Russ.)
9. Gachev, G.D. 1994. Nacional’nye obrazy mira [National Images of the World]. Kosmo-Psihologos. Moscow. Print. (In Russ.)
10. Shajkemelev, M.S. 2013. Kazahskaya identichnost’ [Kazakh Identity]: monografiya. Almaty: In-t filosofii, politologii i religiovedeniya. Print. (In Russ.)
11. Pisateli Kazahstana XX veka: bibliograficheskij ukazatel’ [Writers of Kazakhstan of XX Century: Bibliography] Otdel’noe izdanie «S-YA». Almaty: Gosudarstvennaya biblioteka im. Dzhambula, 2013. Print. (In Russ.)
12. Sergeev, A.N. 1997. Zvezdnoe nebo Talgata: hronika podviga [Star Sky of Talgat]. Almaty: Kazahstan. Print. (In Russ.)
13. Leonov, L.M. 1986. Povesti i rasskazy [Novels and Short Stories]. Leningrad: Lenizdat. Print. (In Russ.)

14. Ivanov, Vs. 1968. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t [Selected Works in 2 Volumes]. T. 1. Moscow: Hudozh. Print. (In Russ.)
15. Sergeev, A.N. 2001. Odin shag [One Step]. Almaty: Sozdik-Slovar'. Print. (In Russ.)
16. Sholohov, M.A. 1985. Sobranie sochinenij: v 8 t [Collection of Works in 8 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. Print. (In Russ.)
17. Ivanov, Vs. 1959. Sobranie sochinenij: v 8 t [Collection of Works in 8 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. Print. (In Russ.)
18. Ivanov, Vs. 1990. Dite [A Child] in Okrylennye vremenem. Rasskaz 1920-h godov. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. Print. (In Russ.)
19. Semenova, S.G. 2005. Mir prozy Mihaila SHolohova. Ot poetiki k miroponimaniyu [Literary World of M. Sholokhov: from Poetics to Worldview]. Moscow: IMLM RAN. Print. (In Russ.)
20. Sergeev, A.N. 2005. Vojna rozhdает geroev [War Generates Heroes]. Almaty: Sanat. Print. (In Russ.)
21. Nazarova, S.N. 2012. «Takoj Kama sutra» [Kama sutra Itself] Neva 9: 68–75. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 27.03.2019

Accepted: 29.06.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Podobry, A.V., Loginova M.A. and Lukinykh N.V. 2019. “Are Constants Constant?”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 375–397. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-375-397

Bio Note:

Anna V. Podobry is a Doctor of Philology, Associate Professor; South Ural State Humanitarian-Pedagogical University; Professor of the Department of Russian Language, Literature and Methods of Teaching Russian Language and Literature. E-mail: podobrij@yandex.ru

Maria A. Loginova is a Master of Russian Language and Literature, Senior Lecturer, Department of Philology, branch of Chelyabinsk State University. E-mail: mariya.loginova.78@mail.ru

Natalya V. Lukinykh is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University; Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Methods of Teaching Russian Language and Literature; Dean of the Faculty of Preparing UNK. E-mail: lukinyhmv@cspu.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-398-405

За какие произведения присуждают Нобелевскую премию, или художественное измерение романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня»

З.А. Кучукова¹, Л.Б. Берберова²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Российская Федерация, 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Финансовый университет)

Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), Москва, Ленинградский проспект, 49

В 2017 году британскому писателю японского происхождения Кадзуо Исигуро была присуждена Нобелевская премия по литературе за антиутопический роман «Не отпускай меня». Авторы статьи в рамках онтологической поэтики рассматривают эстетические достоинства произведения, обращая пристальное внимание на степень его актуальности, специфику художественного конфликта, преимущества женского нарратива, а также разветвленную систему экспрессивных средств. Итоговым результатом анализа является высокая оценка художественного мастерства писателя, способного сочетать широту философского мировоззрения с тонкой работой литературного стилиста.

Ключевые слова: литература, роман, антиутопия, нобелевский лауреат, Кадзуо Исигуро, биоинженерия, клонирование, дегуманизация, поэтика

1. Введение

Без всякой натяжки можно констатировать, что с 1901 года действенным катализатором ноосферного прогресса на «планете людей» стала Нобелевская премия, (за редким исключением) ежегодно присуждаемая выдающимся представителям мировой науки и искусства. «Создавшему наиболее значительное литературное произведение, отражающее человеческие идеалы» — такими словами в своем официальном завещании Альфред Нобель определил основной оценочный критерий будущих лауреатов высшей литературной премии [3. С. 38].

Вершинной формой писательского труда в 2017 году были признаны романы «Не отпускай меня» и «Погребенный великан», принадлежащие перу современного британского писателя с японскими этническими корнями Кадзуо Исигуро (р. 1954). Премия была вручена победителю с формулировкой: «В романах большой эмоциональной силы раскрыл бездну, таящуюся под нашим иллюзорным чувством связи с миром». Шведский комитет привык к тому, что присуждение

© Кучукова З.А., Берберова Л.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

премии почти всегда критикуют очень резко, часто академиком указывают на более достойных претендентов, отмечают анахроничность многих премий [5. С. 14].

В связи с этим авторы данной статьи поставили перед собой задачу — дать объективную литературоведческую оценку роману «Не отпускай меня», определить степень его актуальности, а также выявить перечень оригинальных экспрессивных средств, используемых автором в произведении.

2. Обсуждение

От биологии к художественной антропологии

Писатель обратился к одной из самых злободневных проблем в современной цивилизации — этическим аспектам клонирования человека. Скептики возразят, что и до Исигуро к этой теме уже обращались в литературе — Олдос Хаксли в романе «О дивный новый мир» [10]. Однако новаторство Кадзуо Исигуро заключается в том, что он рассмотрел «кухню клонирования» с обратной стороны, со стороны «несчастливых созданий» [4. С. 328].

Современная биоинженерия, медицинская наука шаг за шагом, год за годом удивляют мир поразительными достижениями: стволовые клетки, ЭКО, суррогатное материнство, пластические операции, пересадка органов, генномодифицированные продукты питания, деконструкция ДНК, робототехника, искусственный интеллект и т.д. Бесспорно, все эти открытия могут быть как «добром», так и «злом» в зависимости от уровня нравственного сознания производителей и потребителей.

На первоначальном этапе открытие восхищает, поскольку пересадка органа может спасти человека от скорострительной смерти, а бездетная пара благодаря ЭКО обретает родительское счастье и т.д. Однако в дегуманизованном обществе любое научное открытие быстро превращается в предмет бизнеса, способ извлечения капитала. Проходит совсем немного времени, и уже все поставлено на поток, на выкачивание денег без всякой оглядки на этические вопросы. Если эту логику на один шаг продлить дальше, то недалеко те времена, когда алчное общество станет создавать специализированные «фермы» или «интернаты» для выращивания человеческих клонов, предназначенных для трансплантационной медицины. Именно эта тема и определила содержание романа «Не отпускай меня», где рефлексирующий автор от биологических вопросов переходит к глобальным проблемам антропологии.

Философская идея романа

В произведении описывается закрытая школа-интернат «Хейлшем», где живут и обучаются клонированные дети. Их всех объединяет схожая судьба: по достижении пика своего физического и интеллектуального развития (21—25 лет) они обязаны отдать все свои анатомические органы бизнес-медицине. «Товар» должен быть качественным, поэтому ничем недополненным детям заниматься нельзя, в

частности, им запрещено курить, а также допускать бытовые травмы. В жизни школы присутствуют дозированные элементы гуманизма: воспитанники играют в шахматы, занимаются поэзией, музыкой, живописью. Настоящим праздником для них являются Ярмарки, где они могут выставлять на продажу свои “hand-made” поделки и здесь же на жетоны приобретать интересные вещицы.

Постепенно из чисто японского повествования с его намеками и недомолвками вырисовывается художественный конфликт, суть которого заключается в противостоянии гуманистов (Мадам, опекуны) и представителей медицинской индустрии. Сообщество гуманистов прилагает все усилия для того, чтобы доказать правительству своей страны и финансовым воротилам, что у их учеников-клонов есть души, они — полноценные люди и не следует воспринимать их как биомассу или «недочеловеков» [4. С. 315]. Для подкрепления своей точки зрения гуманисты используют главные «вещдоки» — творческие работы воспитанников, искренне полагая, что «через рисунки, стих и всякое такое выявляется, какие мы есть внутри, выявляется душа» [4. С. 212].

Второй важнейший «вещественный документ», свидетельствующий о полноценности клонов, — любовь. В борьбе за социальные, гражданские, человеческие права клонов гуманисты пытаются утвердить закон под названием «Любовь дает отсрочку» в надежде, что хотя бы несколько влюбленных пар в установленный срок не отправят на донорскую «мясорубку», тем самым продлив им жизнь. Гуманисты в этой неравной борьбе проигрывают, оба законодательных положения отвергаются комиссией — тем самым писатель показывает могущество индустриальных магнатов, для которых «поэзия», «искусство», «любовь», «гуманизм» — пустые слова.

Мировоззренческим ключом, отмыкающим все философское содержание романа, является образ «старой рыбацкой лодки», которая «сидит на мели, а вокруг болото» [4. С. 258]. Бесспорно, это аллегорический образ мировой цивилизации, которая в своем нравственном развитии зашла в тупик и через пару десятилетий ее окончательно и бесповоротно поглотит вязкая «болотная жижа» бездуховного материализма.

У романа есть еще более высокий философский «этаж», который всю описанную картину позволяет спроецировать на онтологический статус человечества в целом. В метафорическом смысле все земляне являются обитателями одного большого «донорского интерната», обреченными потихоньку «прощаться» со своими «органами»: человек теряет зубы, волосы, остроту зрения, слуха, эластичность кожи, внешнюю красоту и т.д. В социальном плане люди также являются «донорами» — платят налоги, в результате дефолтов теряют сбережения, тратят интеллектуальную, физическую энергию, а также «сердечное расположение» на государство, работу, детей, друзей, родственников. Итог один — физическая смерть, уход из жизни (как и у воспитанников Хелшима).

При таком раскладе у простого смертного есть два варианта поведения: можно считать, что жизнь бессмысленна, абсурдна, трагична, и превратить свое индивидуальное бытие в депрессию, длиною в человеческий век, а можно воспринимать жизнь как кратковременный, но величайший дар и каждый миг наполнить

смыслом, оставить после себя «пассионарную память» в виде доброго имени, произведений искусства и всего того, что подразумевается под метафорическим архетипом «построенный дом — посаженное дерево — воспитанный сын».

Японское, английское

Тема исторической памяти имеет колоссальное значение для японской культуры. Достаточно вспомнить: один из главных критериев красоты в японской эстетике «саби», который предусматривает «очарование в следах возраста», «архаическое несовершенство», «прелесть старины», «печать времени» [6. С. 43].

Человеку вообще, а японцу в особенности, свойственно искать, идентифицировать и ценить свои корни, поскольку человек не может жить без корневых связей, без социума. Не в меньшей мере почитаются корни и в такой глубоко консервативной стране, как Великобритания, которая стала второй родиной для Кадзуо Исигуро. Специалист по английской культуре Вс. Овчинников задается риторическим вопросом: «Где еще питают такое пристрастие к старине — к вековым деревьям и дедовским креслам, старинным церемониям и костюмам? Стражники в Тауэре доньше одеты так же, как и во времена Тюдоров; студенты и профессора в Оксфорде и Кембридже носят мантии XVII века, а судьи и адвокаты — парики XVIII века» [6. С. 496]. Приверженность британцев к своим корням подчеркивает и Г.Д. Гачев, остроумно называющий Англию «консервами Евразии» [2. С. 151].

Естественно, писатель с такой «японско-английской ментальностью» сосредоточен на главной экзистенциальной беде «нации клонов» — отсутствии у них семейных, родовых, этнических корней, исторической памяти. Недаром все клонированные юноши и девушки, оказавшись в большом городе, пристально вглядываются в каждого встречного, усиленно пытаются отыскать свой «оригинал», свое «возможное Я», поскольку человеку «нужно на что-то опираться» [4. С. 213].

Дефицит исторической памяти клонированные существа компенсируют привязанностью к вещам, которые заменяют им родных и близких, не существующих в природе. У каждого из них заветный сундучок, куда они складывают разные «вешички с историей», и это хоть немного помогает жить им духовной жизнью. Примечательно, что в самой Англии был край потерь «Норфолк», куда якобы «доставляли все, что было забыто или потеряно в полях и поездах» [4. С. 83]. Такой же «уголок находок» по инициативе учителей создан и в Хейлшеме, где каждый ребенок мог обнаружить потерянное.

Заголовок романа определяется одним из ярких эпизодов, содержащих несколько культурных смыслов. Девочка берет в руки воображаемого ребенка (подушку) и танцует с ним под популярную песню «Не отпускай меня!». С гендерной точки зрения здесь трагедия нереализованного материнского инстинкта у клонированной девушки и ее внутренний протест против разъединения святая святых — женщины и ребенка. Онтологическую разгадку эпизода танцующей «клонки» раскрывает сам автор, вложив собственную концепцию в уста Мадам:

Я видела стремительно возникающий новый мир. Да, более технологический, да, более эффективный. Новые способы лечения старых болезней. Очень хорошо. Но мир при этом жесткий, безжалостный. И я видела девочку с зажмуренными глазами, при-

жимавшую к груди старый мир, более добрый, о котором она знала в глубине сердца, что он не может остаться, и она держала его, держала и просила не отпускать ее. Вот что я видела [4. С. 329].

Здесь К. Исигуро выступает как поборник за гармоничное совмещение традиционного с инновационным, за соблюдение «золотой середины» в выборе между архаикой и модерном. Его социальный идеал увязан с английской ментальностью: «В Лондоне часто дивишься тому, как англичане переделывают старые дома. От первоначальной постройки не остается решительно ничего, кроме фасада. Но фасад этот с превеликими хлопотами и дополнительными затратами заботливо сохраняют в неприкосновенности, хотя здание от фундамента до крыши возводится заново. В этом суть английского подхода к жизни» [6. С. 495].

Экспрессивные средства

Роман Кадзуо Исигуро написан в форме «женского автобиографического письма» [7. С. 327]. Почему автор избрал такую художественную форму? По определению гендерологов, женщина с ее «многоканальным умом» [11. С. 161], в отличие от мужчины-нарратора, не боится жизненных перипетий, в особенности связанных с любовью, семьей, домом, частной жизнью, деторождением и т.д. И другой важный фактор — «ассоциация матери/женщины с землей в архетипическом сознании придает ей исключительное созидательное значение» [9. С. 3]. Думается, исходя из этих соображений, автор отдал предпочтение женщине-историографу, а не мужчине, чей текст, бесспорно, был бы более сухим и рациональным.

При всей исключительности темы и ограниченности географического ареала роман обладает плотностью интертекстуального пространства. Вкратце перечислим единомышленников автора, прямо, косвенно или опосредованно «присутствующих» в тексте. Это Эдгар По с его научной фантастикой и зашкаливающим прогнозным потенциалом. По роману чувствуется громадное уважение К. Исигуро к родоначальнику «темы клонирования» в мировой литературе — англичанину Олдосу Хаксли, которому тот весьма изящно «передает привет» из XXI века, назвав одного из своих героев именем “Lenin” наподобие Ленаины (Lenina) — главной героини романа «О дивный новый мир» [10]. Двух писателей объединяет взгляд на современный тип цивилизации, где конечной целью является богатство, материальное изобилие и потребление.

Кстати, О. Хаксли первым в своем романе создал глоссарий биоинженерных неологизмов: «сома», «ощущалка», «пневматичная девушка», «эмбрионарий», «зал предопределения», «чувствозаменитель», «запаховый орган» и т.д. К. Исигуро пополнил словарь своего литературного предшественника двумя эвфемизмами, которые разрушают привычное «семантическое тепло» старых лингвокультурных концептов. Речь идет о слове «умереть», которое ни разу не используется в романе; его заменяет «казенно-отчетный» глагол «завершить». «Выемка» — еще одно «техногенно-бездушное» слово, которым автор каждый раз беспощадно «режет слух» читателя, обозначая процесс изъятия, ампутации органа у донора.

Желанием К. Исигуро достучаться до сознания молодых читателей можно объяснить интертекстуальные переключки с романом Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Среди них — типологическое сходство заголовков обоих романов,

«клонированных» от двух известных в Великобритании культурных текстов: протекстом для Сэлинджера послужило стихотворение Роберта Бернса «Если кто-то звал кого-то вечером во ржи», а для Исигуро — популярная лирическая песня «Не отпускай меня!» в исполнении Бриджуотер. Также к роману-исповеди прибегли Дж. Сэлинджер и К. Исигуро, справедливо решив, что повествование от первого лица — наилучший способ изложения социально-философских проблем.

Многочисленные фанаты сэлинджеровского романа хорошо помнят знаменитый вопрос Холдена Колфилда: «Куда деваются утки, когда замерзает пруд?» [8. С. 76]. Появление того же самого «пруда с утками» в окрестностях Хейлшема [4. С. 10] естественным образом акцентирует внимание на извечной проблеме — куда деваться детям после детства?

3. Выводы

Таковы основные художественные координаты романа К. Исигуро «Не отпускай меня». Подробный литературоведческий анализ текста дает основание вслед за экспертами Нобелевского комитета присудить самую высокую оценку произведению, где автор с философских позиций XXI века поднимает злободневную проблему сохранения «человеческого в человечестве». Важно, что всем содержанием своего романа К. Исигуро в витальных целях актуализирует идею безотлагательного перехода современной цивилизации от научно-технических революций «к высоким гуманитарным технологиям нового уровня (highhume)» [1. С. 14].

К этому следует добавить эстетическое совершенство художественной формы романа, обеспечиваемое женским нарративом, плотным интертекстуальным пространством, глубоким психологизмом, а также оригинальными стилистическими фигурами.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М.* Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929—2008). 24—26 октября 2014 года. Нальчик: КБГУ, 2015. С. 10—15.
2. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
3. *Илюкович А.М.* Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе. М.: Книжная палата, 1992.
4. *Исигуро Кадзуо.* Не отпускай меня. М.: «Э», 2018.
5. Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901—2001 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербур-ун-та, 2003.
6. *Овчинников В.В.* Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба. М.: Дрофа, 2003.
7. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007.
8. *Сэлинджер Дж.Д.* Над пропастью во ржи: романы, повести, рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
9. *Текуева М.А.* Женское начало в архаической культуре адыгов // Культурная жизнь Юга России. №4 (18). Краснодар, 2006. С. 3—6.
10. *Хаксли О.* О дивный новый мир: роман. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2002.
11. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской прозы). Нальчик: Принт Центр, 2018.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07.02.2019

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: В.П.Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кучукова З.А., Берберова Л.Б. За какие произведения присуждают Нобелевскую премию, или художественное измерение романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 398—405. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-398-405

Сведения об авторах:

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: kuchuk60@list.ru

Берберова Лиана Бурхановна — кандидат педагогических наук, ст. преподаватель департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: berberova.liana@yandex.ru

For What Works The Nobel Prize Is Awarded Or Artistic Measurement Of KazuoYsiguro’s Novel “Do Not Let Me Go”

Zukhra A. Kuchukova¹, Liana B.Berberova²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
173 Chernyshevsky str., Nalchik, 360004, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University)
49 Leningradsky prospect, GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation

The British-Japanese writer Kazuo Ishiguro was awarded the Nobel Prize for the anti-utopian novel “Do not let me go” in 2017. The authors of the article in the framework of ontological poetics consider the aesthetic advantages of the work, paying close attention to the degree of its relevance, the specifics of the artistic conflict, the advantages of the female narrative, as well as an extensive system of expressive means. The final result of the analysis is a high appreciation of the artistic mastery of the writer who is able to combine the breadth of the philosophical worldview with the fine work of a literary stylist.

Key words: literature, novel, dystopia, Nobel laureate, Kazuo Ishiguro, bioengineering, cloning, dehumanization, poetics

References

1. Bahtikireeva, U.M. 2015. Fenomen Georgiya Dmitrievicha Gacheva [Georgy Dmitrievich Gachev’s Phenomenon] in Nacional’nye obrazy mira v hudozhestvennoj kul’ture. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 85-letiyu so dnya rozhdeniya literaturoveda, filosaфа, kul’turologa G.D. Gacheva (1929—2008) Proceedings. 24—26 oktyabrya 2014 goda. Nalchik: KBGU. Print. (In Russ.).

2. Gachev, G.D. 2003. Mental'nosti narodov mira [The Mentality of the Peoples of the World]. Moscow: Izd-vo Eksmo. Print. (In Russ.).
3. Ilyukovich, A.M. 1992. Soglasno zaveshchaniyu [According to the Will]. Zаметки о laureataх Nobelevskoj premii po literature. Moscow: Izdatel'stvo «Knizhnayapalata». Print. (In Russ.).
4. Isiguro, K. 2018. Ne otpuskaj menya [Do not Let Me Go]. Moscow: Izdatel'stvo «E». Print. (In Russ.).
5. Nobelevskaya premiya po literature. Laureaty 1901—2001 gg. 2003. [Nobel Prize in Literature. Laureates of 1901—2001]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. Print. (In Russ.).
6. Ovchinnikov, V.V. 2003. Sakura i dub: Vetka sakury; Korniduba [Sakura and Oak: Sakura branch; Oak roots]. Moscow: Drofa. Print. (In Russ.).
7. Pushkareva, N.L. 2007. Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie [Gender Theory and Historical Knowledge]. St. Petersburg: Aletejya; ANO «Zhenskij proekt SPb». Print. (In Russ.).
8. Sehlindzher, Dzh.D. 2000. Nad propast'yu vo rzhi [The Catcher in the Rye]: Romany, povesti, rasskazy. Moscow: ZAO Izd-vo EKSMO-Press. Print. (In Russ.).
9. Tekueva, M.A. 2006. “Zhenskoe nachalo v arhaicheskoy kul'ture adygov” [The Feminine Principle in the Archaic Culture of the Circassians]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii 4 (18). Print. (In Russ.).
10. Haksli, O. 2002. O divnyj novyj mir [Brave New World Roman]. Moscow: TERRA—Knizhnyj klub. Print. (In Russ.).
11. Haraeva, L.F., and Z.A. Kuchukova. 2018. Gender i etnogender (na material kabardinskoj prozy) [Gender and Ethnogender (on the material of Kabardian prose)]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Centr». Print. (In Russ.).

Article history:

Received: 07.02.2019

Accepted: 09.03.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kuchukova, Z.A., and L.B. Berberova. 2019. “For What Works The Nobel Prize Is Awarded Or Artistic Measurement Of KadzuoYsiguro’s Novel «Do Not Let Me Go»”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 398—405. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-398-405

Bio Note:

Zukhra A. Kuchukova is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Kabardino-Balkarian State University. H.M. Berbekov. E-mail: kuchuk60@list.ru

Liana B. Berberova is a Candidate of Pedagogical Sciences, Art. Lecturer, Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: berberova.liana@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-406-414

“What is Your Good Name?”: некоторые аспекты перевода мультикультурных текстов

А.С. Роговец

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский пр., 31/1

Настоящая статья посвящена выявлению особенностей речевого этикета в индийском варианте английского языка и отдельных аспектов его перевода на русский язык. Актуальность темы исследования объясняется все большим распространением парадигмы World Englishes. Лексические особенности индийского варианта английского языка проявляются в использовании формул речевого этикета, в частности в индианизации форм вежливости, обусловленной влиянием индийских языковых моделей на английский язык. Одной из наиболее распространенных речевых форм в речи носителей индо-английского варианта является вежливый вопрос “What is your good name?”, обслуживающий этикетную ситуацию знакомства. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать этимологию и найти причины использования данной формы вежливости носителями индийского варианта, а также показать важную роль подобного анализа в преодолении переводческих трудностей.

Ключевые слова: билингвизм, варианты английского языка, мультикультуральность, вежливость, индианизированные английские слова, индийский вариант английского языка

1. Введение

В настоящее время индийская литература на английском языке пользуется интересом читателей и вниманием критиков не только в Индии и Великобритании, но и во всем мире. Судя по регулярности, с которой издаются переводы произведений таких писателей, как Викрам Сет, Салман Рушди, Арундати Рой, Джумпа Лахири и Аравинд Адига, индийские авторы довольно активно осваивают и российский книжный рынок.

Творчество национальных писателей-билингвов в современном языкознании рассматривается в аспекте таких проблем: исследование литературного двуязычия, выбор языковой идентичности в ситуации билингвизма, заимствования и языковая интерференция в контексте художественного билингвизма и др. Однако большую роль здесь играет и проблема перевода, поскольку «на пересечении литератур, описывающих различные культурные традиции и реалии, мы постоянно сталкиваемся с новыми языковыми формами, своего рода “метаязыком”» [1. С. 233].

© Роговец А.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Создавая произведения на неродном языке, писатели-мультикультураллисты приносят в него специфические черты и инновации, «в которых проявляется языковая креативность пользователей языка» [2. С. 126]. Эти языковые инновации «являются, как правило, номинациями явлений, которые отсутствуют в английской культуре и которые сложно передать, используя лексику стандартного английского языка» [3. С. 504]. Поэтому специфический мультикультурный текст всегда будет «испытывать трудности» при переводе. Несмотря на широкий пласт накопленного переводного материала, в настоящее время данная проблематика не получила должного научного развития: до исследовательской практики гибридные тексты добиваются медленно, а разборы конкретных переводческих ситуаций, связанных с мультикультурностью источника перевода, почти не встречаются в диссертациях и докладах. Именно таким аспектам перевода посвящена настоящая статья.

2. Обсуждение

Содержание и смысл формы вежливости “What is your good name?”

Объектом настоящего исследования являются языковые особенности индийского варианта английского языка. Исследование представляется актуальным и интересным, поскольку проводится с опорой на современную теорию о мировых вариантах английского языка. В качестве предмета исследования нами выбрана речевая формула “What is your good name?”. Данная форма вежливости обслуживает этикетную ситуацию знакомства. Как отмечает Н.И. Формановская, «знакомство — это, конечно, сфера влияния этикета. Знакомясь, мы устанавливаем определенные отношения, которые позволяют нам общаться, считая себя знакомыми, в какой-то мере известными друг другу людьми, более тесно связанными» [4. С. 78]. Если у кого-нибудь возникает желание или необходимость установить контакт с незнакомым коммуникантом, то первый шаг к установлению знакомства — это просьба представиться. Существуют различные способы узнать имя незнакомого адресата, выбор которых определяется различными параметрами: социальным положением, возрастом, полом коммуникантов, их социальными ролями, степенью официальности обстановки общения [5]. Выбор выражения для знакомства играет важную роль для определения характера и тональности общения коммуникантов. Наиболее распространенным официальным способом выражения желания познакомиться в индийском варианте английского языка (ИндАЯ) является формула “What is your good name?”. Об этом своеобразном речевом штампе упоминают почти все исследователи индийского варианта. Так, П. Салайджа вслед за К. Ядураджаном отмечает, что этот штамп «приобрел общеиндийский характер» (“nowbeing a pan-indianfeature”) [6. С. 90], а индийский поэт-билингв Р. Партасарати даже использовал его в качестве заглавия для своего стихотворения “What is your good name, please?” [7. С. 25].

Форма вежливости “What is your good name?” встречается не только в устной речи носителей индийского варианта, но и в текстах произведений индийских писателей-билингвов:

“The man moved a little away and cleaned himself.
“And your good name?”

“You can call me Satyadas” (Bimal K. Satyadas).
“That must be your nick name. *But what’s your good name?*”
“I ain’t get any bad name only one name Goofy.” She laughs. “It’s a funny name for a man” (Chadha N. The Drop Out).

Несмотря на то, что данное выражение получило действительное широкое распространение в ИндАЯ, оно отсутствует в остальных вариантах английского языка ввиду того, что связано с «культурными и социальными факторами, которые не существуют или не имеют значения в других англоговорящих странах» [8. С. 91]. Таким образом, употребление единиц речевого этикета «маркировано национально-культурной спецификой как на уровне различных языков, так и на уровне различных вариантов одного и того же языка» [9. С. 10].

В британском и американском вариантах английского языка словосочетание “good name” имеет только одно значение — ‘хорошая репутация’. Соответственно, вопрос “May I know your good name?”, заданный носителям данных вариантов, может привести к коммуникативному провалу, показать, что собеседник недостаточно хорошо владеет английским языком и использует слова и формы, не соответствующие данному контексту. Следует ли в ответ назвать свою фамилию и полное имя, как оно указано в удостоверении личности? Или речь идет о прозвище или среднем имени (“middle name”)? Сразу отметим, что вопрос “What is your good name?” не является примером испорченного, неправильного английского (“broken English”). Несмотря на то, что данная форма является непривычной для говорящих на английском языке за пределами Индии, для самих индийцев она вполне узуальна и используется как в письменной, так и в устной речи. Ее скорее следует отнести к разряду индианизмов (т.е. слов и выражений, употребление которых ограничено рамками индо-английского варианта), нежели языковых ошибок. Появление индианизмов обусловлено процессом синтеза и взаимовлияния двух языков — индийского и английского. При этом бывает трудно определить направление этого влияния и его первичность. Так, словосочетание “good name” фигурирует в одном из выпусков английского литературного журнала “Bentley’s Miscellany” («Альманах Бентли»), издававшегося с 1836 по 1868 год:

“Society ought to be proud of such men as you, Mr. — *what is your good name, sir?*” — “Phiggins, atyourservice” (Bentley’s Miscellany).

Из контекста следует, что этикетный вопрос “What is your good name?” является своеобразной просьбой представиться. Тот факт, что данное выражение встречается в узусе викторианского английского языка, может означать, что изначально оно использовалось в языке англичан-колонизаторов, а затем вошло в ИндАЯ и продолжает употребляться на территории Индии. Следует отметить, что в ИндАЯ нередко встречаются лексические единицы архаичного и книжного характера. Данную специфику обуславливают несколько факторов, во-первых, влияние викторианского английского, поскольку именно этот вариант английского языка индийцы начали изучать в период британского господства. Так, первые университеты в Индии открывались в эпоху правления королевы Виктории, а после 1857 года британское правительство начало инвестировать деньги в распространенное английского языка в Индии, что совпало с расцветом викторианского

английского. Во-вторых, сказываются недостатки системы обучения английскому языку в Индии: оторванность от живой разговорной речи и обучение по литературным произведениям прошлых веков.

С другой стороны, конструкция “your good name” построена по всем правилам азиатских канонов вежливости, предписывающих использование специальных «смягчающих» слов при обращении к собеседнику. Именно так строится вопрос “Nin Guixing?” в китайском языке, который дословно переводится «Как Ваша почетная фамилия?» [10. С. 99]. В японском языке мы встречаем гонорифический префикс “о-” со сходным функционированием в ситуации знакомства — в формуле “O-namae wa nan desu ka?”, в которой гонорифический префикс «указывает на вежливость к лицу, обозначенному словом, к которому присоединено о-» [11. С. 61]. В приведенном примере гонорифик добавлен к слову “namae”, которое в переводе на русский язык означает ‘имя’. В хиндиязычном вопросе “arka shubh nam?” (дословно «Как звучит Ваше *хорошее* имя?») также содержится смягчающее прилагательное “subh” (хинд. «хороший»), которое предшествует существительному “nam” (хинд. имя). Таким образом, в ИндАЯ «данная единица употребляется аналогично фразе на хинди, где ее присутствие обязательно» с точки зрения этикета [12. С. 390].

Эквивалентами данной этикетной формулы в русском языке могут быть официальные, стилистические возвышенные выражения желания познакомиться: *Позвольте спросить, как вас зовут? С кем я имею удовольствие говорить?* и более нейтральные, но вежливые формы: *Как удобно к Вам обращаться? Можно узнать, как Вас зовут (Ваше имя)? Нельзя ли узнать, как Вас зовут (Ваше имя)?*

Обобщая сказанное, считаем, что этимология данной формы вежливости остается не до конца прозрачной, но, вероятнее всего, она была перенесена из хинди путем калькирования вежливого вопроса о полном имени. Кроме того, данная форма в большей степени отражает индийскую речевую этикетную традицию, чем английскую. Индийцы тяготеют к высокому стилю и склонны употреблять высокопарные, книжные выражения при обращении к незнакомцам. Ямуна Качру отмечает, что «вопросы “What is your name?” и “Where do you live?” являются недостаточно вежливыми с точки зрения южноазиатской культуры. Для соблюдения речевого этикета предпочтительнее использовать формы “What is your good name?” и “Where do es your good self reside?”» [13. С. 381—382]. Таким образом, «стремление сохранить лицо адресата и принцип вежливости заставляет индийского коммуниканта использовать довольно книжные, выпенные фразы, типа “What’s your good name please?”» [14. С. 249].

Лингвокультурологические проблемы, возникающие при переводе

Необходимость подобного анализа для переводчика мультикультурного текста обусловлена, во-первых, тем, что «переводчику надо быть в курсе лингвокультурного репертуара участников коммуникации, чтобы правильно понять культурно-этнический вариант языка и осуществить межвариантный перевод» [15. С. 163]. Во-вторых, понимание происхождения индианизированных слов и выражений нередко помогает интерпретировать их употребление в определенном контексте.

Приведем пример использования выражения «goodname» в романе Джумпы Лахири «Тезка». Главный герой романа Гоголь Гангули, которого в семье до пяти лет называли только одним «домашним» именем, идет в начальную школу, где у него появляется новое «официальное» имя Никхил — для учителей и одноклассников. Мальчика смущает удвоение имен, и он не отзывается на свое «официальное» имя в школе. По этой причине имеет место следующий диалог между родителями главного героя и школьным учителем:

“That name you called him. Something with a G”.

“Oh that, that is what we call him at home only. *But his good name should be — is*” — he nods his head firmly — “*Nikhil*”.

Mrs. Lapidus frowns.

“I’m afraid I don’t understand. *Good name?*”

“Yes”.

...

“There seems to be some confusion, Mr. Ganguli”, she says. “According to these documents, your son’s legal name is Gogol”.

“That is correct. But please allow me to explain” — “That you want us to call him *Nikhil*”.

“That is correct”.

Mrs. Lapidus nods.

“The reason being?”

“That is our wish”.

“I’m not sure I follow you, Mr. Ganguli. Do you mean that *Nikhil* is a middle name? Or a nickname? Many of the children go by nicknames here. On this form there is a space”...

“No, no, it’s not a middle name”, Ashoke says. He is beginning to lose patience. “*He has no middle name. No nickname. The boy’s good name, his school name, is Nikhil*” (Lahiri J. *The Namesake*).

[— Как вы назвали сына? Го-го?..

— Ах, это? Мы его так зовем дома, только дома. *Его официальное имя — Никхил.* — Голос отца становится железным.

Миссис Лапидус хмурит брови.

— *Боюсь, сэ, что я не совсем поняла вас. Официальное имя?*

— Да.

...

— Подождите, мистер Гангули, здесь действительно какая-то путаница, — говорит она. — Смотрите, вот его официальные бумаги, и здесь написано — Гоголь.

— Ну да, правильно. Позвольте мне объяснить...

— А вы хотите, чтобы его звали Никхил?

— Да, именно так.

Миссис Лапидус кивает.

— А почему?

— Так мы решили.

— Я не уверена, что понимаю вас, мистер Гангули. Что это за имя — Никхил? Это — его второе имя? Или уменьшительное? Здесь многих детей называют уменьшительными именами. Вот смотрите, в нашей анкете есть даже строчка...

— Нет, это вовсе не уменьшительное имя! — Ашок начинает терять терпение. — *И не второе. Это — его первое, официальное имя, его имя для школы — Никхил* (Лахири Д. «Тезка».)]

Из текста читатель узнает, что в бенгальской культуре существует особая система имен, согласно которой имя бенгальца существует в двух вариантах: домашнее (англ. “pet name”) и «хорошее», или официальное имя (англ. “good name”). Выбор имени при обращении зависит от характера отношений, существующих между собеседниками. “Good name” (калька с бенгал. “bhalo nam”) используется при общении с малознакомыми коммуникантами в официальной обстановке, например, так может обратиться врач к пациенту или учитель к ученику. “Pet name” (калька с бенгал. “dark nam”) — имя более интимное, используется исключительно в кругу родных и близких. Данные имена принадлежат разным сферам жизни и выполняют функцию отделения «своих» от «чужих». Такой пример использования выражения “good name” означает, что данная фраза не всегда является формой речевого этикета, но может выполнять функции официального имени применительно к бенгальской культуре. Аналогичный пример использования выражения “good name” можно найти в романе М.М. Найта “The Taqwacores”.

He turned to me. “And I didn’t catch your name”.

“Yusef Ali”, I replied.

“Oh, cool. Yusef, I’m Marcos”. We shook hands.

“Oh I’m sorry”, said Lynn. “I should have taken care of that”.

“It’s all good”, said Marcos.

“What’s your good name?” I asked him.

“Marcos” he replied.

“Oh. I mean, you didn’t change it?”

“No, I didn’t”.

“That’s cool though”.

“Good name?” asked Lynn, leaning in on the table. “What the shit is that?” (Knight M.M. Thetaqwacores).

Для верной интерпретации и перевода данной лексической единицы необходимо иметь в виду то, что индийский английский заимствует слова не только из хинди, но также и из других распространенных местных языков, например бенгальского. Таким образом, особую сложность для переводчиков мультикультурных текстов представляют полисемичные индианизированные единицы, перевод которых требует не только глубокого знания общенациональной индийской культуры, но и тонкостей, которые носят локальный характер. Переводчик романа «Тезка» Антонина Галль передал словосочетание “good name” на русский язык как «официальное имя». Следует отметить, что кальки с хинди, как правило, культурно-маркированы и не всегда непонятны русскоязычному читателю, поэтому при переводе требуют комментария. Однако в самом тексте романа «Тезка» имеет место описание бенгальской системы номинации, поэтому читатель понимает смысл указанного выражения без привлечения дополнительных материалов.

3. Выводы

В заключение отметим, что несмотря на то что для многих в Индии английский — второй родной язык, ИндАЯ характеризуется определенной спецификой, отличающей его от прочих вариантов английского. Данная специфика обусловлена рядом факторов, главный из которых — билингвизм носителей индийского

варианта. То, что писатели-билингвы не имеют возможности адекватно передать на неродном для них языке, они калькируют, образуя комбинации английских слов, которые на местных языках обозначают совершенно другое. Ярким примером является оборот “What is your good name?”, заимствованный из инвентаря индийского речевого этикета. Для успешного перевода подобной индо-английской лексики переводчик должен свободно владеть двумя языками, знать все тонкости общеиндийской культуры и детали культуры отдельных регионов, а также происхождение гибридных слов и словообразование.

Список литературы

1. *Толкачев С.П.* Мультикультурный контекст современного английского романа: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
2. *Прошина З.Г.* Дистинктивные признаки вариантов английского языка, неродного для его пользователей // <http://istina.msu.ru/journals/94439/>, 2014. Т. 56. № 3. С. 123—128.
3. *Бекишева Ю.В., Ильина С.С.* Обращения в гонконгском варианте английского языка (на материале анализа «Словаря гонконгского варианта английского языка») // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 501—517.
4. *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989.
5. *Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А.* Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003.
6. *Sailaja P.* Indian English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
7. *Mehrotra R.R.* Indian English: Texts and Interpretation. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
8. *Nihalani P., Tongue R.K. and Hosali P.* Indian and British English: A Handbook of Usage and Pronunciation. New Delhi: Oxford University Press, 1979.
9. *Фирсова Н.М.* Испанский речевой этикет. М.: Либроком, 2013.
10. *Бо У.* Речевой жанр благодарности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
11. *Апатов В.М., Крючкова Т.Б.* О мужском и женском вариантах японского языка // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 58—68.
12. *Курченкова Е.А.* Английский язык в Индии: история и актуальные проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1 (32). С. 388—391.
13. *Kachru Y.* Social meaning and creativity in Indian English speech acts // Language, Communication and Social Meaning, Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics. Washington DC: Georgetown University Press, 1992. P. 378—387.
14. *Прошина З.Г.* Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. № 2 (55—56). С. 242—252.
15. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07.02.2019

Дата принятия к печати: 09.06.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Роговец А.С. “What is your good name?”: некоторые аспекты перевода мультикультурных текстов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 406—414. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-406-414

Сведения об авторе:

Роговец Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: vandervierenn@gmail.com

“What is Your Good Name?”: on Translating Multicultural Literature

Anastasia S. Rogovets

Lomonosov Moscow State University
31 Lomonosovskiy Avenue, Bldg. 1, Moscow, 119192, Russian Federation

The article discusses distinguishing features of speech etiquette in Indian English and certain aspects of its translation into Russian. The relevance of this research topic is determined by the current spread of English as an international language and by the emergence of the World Englishes paradigm. In India there are a lot of cultural conventions that do not have English equivalents and, thus, cannot be expressed adequately by means of the English language. As a result of the language contact, Indian English has got an impact on its linguistic setting from Hindi and other regional languages. This linguistic transfer from Indian languages can be seen at various levels, including the use of politeness formulas. In this article the focus is made on the politeness formula “What is your good name?”, which is a polite way of asking someone’s name. This etiquette question is one of the most common Indian English politeness patterns, generalized all over India. The article analyzes the etymology of this expression and explains why it is frequently encountered in the speech of Indian English users, as well as to show the important role of such an analysis in overcoming translation difficulties.

Key words: bilingualism, world Englishes, multiculturalism, politeness, Indianized English words, Indian English

References

1. Tolkachev, S.P. 2003. *Mul'tikul'turnyj kontekst sovremennogo anglijskogo romana* [Multicultural context of the contemporary English novel]: dis. ... Doctor of Philology. Moscow. 381 p. Print. (In Russ.).
2. Proshina, Z.G. 2014. Distinktivnye priznaki variantov anglijskogo yazyka, nerodnogo dlya ego pol'zovatelej [Distinctive Features of Non-native Varieties of English]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 56 (3): 123–128. Print. (In Russ.).
3. Bekisheva, Y.V., and S.S. Il'ina. 2018. “Terms of Address in Hong Kong Variety of the English Language” [Based on Analysis of “A Dictionary of Hong Kong English”]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4): 501–517. (In Russ.).
4. Formanovskaya, N.I. 1989. *Rechevoj ehtiket i kul'turao bshcheniya* [Speech Etiquette and Communication Culture]. Moscow: Vysshaya shkola. Print. (In Russ.).
5. Sternin, I.A., T.V. Larina, and Sternina M.A. 2003. *Ocherk anglijskogo kommunikativnogo povedeniya* [Study of English Communication Behavior]. Voronezh: Istoki. Print. (In Russ.).
6. Sailaja, P. 2009. *Indian English*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
7. Mehrotra, R.R. 1998. *Indian English: Texts and Interpretation*. Amsterdam: John Benjamins.
8. Nihalani, P., Tongue R.K. and Hosali P. 1979. *Indian and British English: A Handbook of Usage and Pronunciation*. New Delhi: Oxford University Press.
9. Firsova, N.M. 2013. *Ispanskij rechevoj ehtiket* [Spanish Speech Etiquette]. Moscow: Librokom. Print. (In Russ.).

10. Bo, W. 2014. Rechevoj zhanr blagodarnosti v ruskom yazyke [Speech Genre of Gratitude in the Russian language]. PhD dissertation. Moscow. 178 p. (In Russ.).
11. Alpatov, V.M., Kryuchkova T.B. 1980. “O muzhskom I zhenskome variantah yaponskogo yazyka” [About the Men’s and the Women’s Version of the Modern Japanese language]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 3: 58—68. Print. (In Russ.).
12. Kurchenkova, E.A. 2012. “Angliiskii yazyk v Indii: istoriya i aktual’nye problem” [English in India: the History and Actual Problems]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya*, 1 (32): 388—391. Print. (In Russ.).
13. Kachru, Y. 1992. “Social Meaning and Creativity in Indian English Speech Acts” in *Language, Communication and Social Meaning*, Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics. Washington DC: Georgetown University Press.
14. Proshina, Z.G. 2010. “Variantnost’ anglijskogo yazyka i mezhkul’turnaya kommunikaciya” [Varieties of English and intercultural communication]. *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*, 12 (2): 242—252. Print. (In Russ.).
15. Proshina, Z.G. 2017. “Translingualism and its Application”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (2): 155—170. Print. (In Russ.).

Article history:

Received: 07.02.2019

Accepted: 09.06.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Rogovets, A.S. “«What is Your Good Name?»: On Translating Multicultural Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 406—414. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-406-414

Bio Note:

Anastasia S. Rogovets is a Postgraduate Student, Department of Foreign Languages Teaching Theory of M.V. Lomonosov Moscow State University. E-mail: vandervierenn@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-415-423

Некоторые принципы художественного перевода с позиции билингвальной личности Бахыта Каирбекова

Б.Е. Шагимгереева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Статья посвящена рассмотрению вопросов художественного перевода с казахского языка на русский. В центре исследовательской работы — творчество русскоязычного поэта, профессионального переводчика с казахского языка на русский, исследователя, режиссера Бахыта Каирбекова. В настоящей статье на примере стихов казахского поэта, просветителя и философа Абая Кунанбаева рассматриваются некоторые переводческие стратегии Бахыта Каирбекова. Автор ставит перед собой цель выявить переводческие принципы Бахыта Каирбекова при передаче творчества Абая на русский язык. В результате сопоставительного анализа работ Б. Каирбекова с работами переводчиков А. Гатова и Л. Руст мы приходим к выводу, что переводы стихотворений «Не падай духом — нет печали вечной...» и «Мне торканье часов — звук не пустой...», выполненные Б. Каирбековым, наиболее близки к текстам-первоисточникам.

Ключевые слова: художественный перевод, перевод поэтического текста, критерий адекватности, билингвальная личность, принципы перевода

1. Введение

Проблема художественного перевода как в российском и казахстанском, так и зарубежном переводоведении достаточно актуальна, и, судя по наличию ряда неразрешенных моментов (например: вопросы точности языковых соответствий или литературных, формы или содержания, адекватности содержания или адекватности восприятия; насколько необходимо знание языка оригинала; споры относительно подстрочного перевода и др.), проблематика его неисчерпаема. Художественный перевод — сложная специфическая сфера переводоведения, где по сравнению с его другими видами текст как объект исследования рассматривается с позиций и лингвистики, и литературоведения, и культурологии, и философии.

В рамках работ, посвященных теме художественного перевода, значительную часть занимают исследования особенностей перевода поэтического текста. Имеющиеся на сегодняшний день критерии адекватности перевода поэтического текста на первый взгляд противоположны (буквальный перевод / вольный, лингвистический перевод, литературный парафраз, значение / восприятие), но все

© Шагимгереева Б.Е., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

они сводятся к одному знаменателю — адекватности, которая как исследователями, теоретиками перевода, так и профессиональными переводчиками понимается по-разному, что, возможно, зависит от их отношения к самой проблеме перевода, от принципов работы над текстом перевода.

2. Обсуждение

Русскоязычный поэт, профессиональный переводчик с казахского на русский, исследователь, режиссер Бахыт Каирбеков в своей работе «О художественном переводе» останавливается на трудностях и основных моментах перевода поэтического текста, хотя и в прозе, по его мнению, имеются «свои тонкости» [1. С. 78]. Б. Каирбеков на протяжении нескольких десятков лет занимается переводом казахской поэзии и прозы на русский язык. Им переведены произведения таких значительных для казахской культуры личностей, как поэты-жырау Асан Кайгы, Бухар-жырау, Ақтамберды-жырау, великий поэт и просветитель, философ Абай Кунанбаев, казахоязычные поэты Г. Караш, Буркитбай-батыр, М. Жумабаев, И. Джансугуров и др.

«Первым, кого я решил перевести с казахского на русский, был мой отец¹. В мою дипломную работу вошли переводы его стихов и рассказов. Это было в 1975 году», — вспоминает Бахыт Каирбеков о начале своего переводческого пути [2. С. 10].

Бахыт Каирбеков, рассматривая вопросы переводоведения, отмечает глубинность проблемы художественного перевода. Одним из важных условий перевода, по его мнению, является знание языка оригинала, языка автора, чтобы у переводчика была возможность побыть в его «системе поэтического мышления» [1. С. 76]. Очень важен тандем переводчика и автора или же помощь носителя переводимого языка, который помог бы прочесть «*между строк*», когда целью автора оригинала наряду с удачным переводом своего произведения является знакомство переводчика, аудитории с национальным образом мышления, культурой своего народа.

Некоторые переводческие стратегии Бахыта Каирбекова

С точки зрения переводческих принципов Б. Каирбекова важную роль в переводе классики играет созвучие нравственной и художественной позиции переводчика и переводимого автора. Так, прежде чем приступить к работе над творчеством Абая Кунанбаева, ярчайшего представителя казахской литературы, переводчик должен проникнуться его творчеством, его духом. Перевод стихотворений Абая представляет трудность для переводчиков, так как его поэзия отличается выразительностью и образностью, глубоким психологизмом и в то же время простотой и изяществом художественных приемов. Нередко в непрофессиональной аудитории поэтическое творчество Абая сравнивают с поэзией А.С. Пушкина.

¹ Гафу Каирбеков (1928—1994) — народный поэт Казахстана, лауреат Государственной премии им. Абая, признанный мастер художественного перевода.

Известный казахстанский переводчик, творящий на трёх языках (немецкий, русский, казахский), прозаик, публицист, литературовед Г.К. Бельгер, характеризуя творчество казахского поэта, отмечает, что «в своей поэзии Абай нередко говорит об очень сложных философских абстракциях, нравственно-эстетических категориях. Такие стихи и прозой перевести мудрено, а в подстрочнике не сразу то и разберешься, что к чему» [3. С. 19]. Размышляя над вопросом о том, почему трудно переводить Абая, Г.К. Бельгер в другом источнике неслучайно вводит эпиграф: «Абай вечен. / Абай бесконечен. / Он стоит в ряду гигантов духа. / Он олицетворяет целый народ. / Бесконечно его постижение. / И путь к нему долог и тернист» [4].

Для адекватного перевода, по мнению Г.К. Бельгера, «нужен равновеликий талант. Или, скромнее, созвучный, соразмерный. Талант, способный услышать, понять, почувствовать и прочувствовать душу абаевской поэзии в оригинале, пропустить ее через свое сердце и воспроизвести ее на другом языке, в обличии другой словесной оболочки. Это, пожалуй, единственный, идеальный путь. Воссоздал же Абай, облекая в безупречную казахскую форму, стихи Пушкина и Лермонтова. Я не исключаю, что именно русскоязычный казахский поэт, дерзкий и бесстрашный, преодолев робость, воссоздаст когда-нибудь достойно Абая на русском языке (выделено нами. — Б.Ш.)» (<http://abai-inst.kz/rus/?p=150>).

Наряду с указанными особенностями творчества казахского поэта следует отметить характерную для поэзии тюркских народов афористичность, образность, которые свойственны и поэзии Абая. Так, стихотворение «Сенбе жұртқа, тұрса да қанша мақтап...» («Не верь речам — желанным и приятным») состоит из ряда афоризмов, которые, казалось бы, могут идти друг за другом бесконечно. Они выражают душу поэта, философию его взглядов, житейскую мудрость. Каждая строфа содержит в себе две очень емкие по своему содержанию мысли: в первых двух строках автор предостерегает читателя от различных неприятностей, в последних двух — побуждает к выполнению определенных действий.

Бахыту Каирбекову в данном случае удалось донести до русскоязычного читателя особенность поэтики Абая, его миропонимание, воссоздать его афоризмы. Следующие строки служат подтверждением сказанному:

Қайғы келсе қарсы тұр, құлай берме,
Қызық келсе, қызықпа, оңғаққа ерме.
Жүрегіңе сүңгі де, түбін көзде,
Сонан тапқан шын асыл, тастай көрме.

Не падай духом — нет печали вечной,
Не возликуй — ведь краток счастья миг.
Найди себя во глубине сердечной
И найденный — не замути родник.

Подстрочный перевод этих строк звучит следующим образом:

Если придет горе, не падай,
Если придет веселье, не поддавайся,
Погрузись в глубину своего сердца,
И найденное там не потеряй.

(Подстрочный перевод наш. — Б.Ш.)

Словосочетание *тубін көзде*, где существительное *тубі* от слова *түп* переводится как дно, глагол повелительного наклонения *көзде* — от слова *көздеу* — целиться, буквально означает *прицелься в дно (своего сердца)*.

Анализируемое стихотворение Абая было переведено также А. Гатовым и Л. Руст. Сравним перевод Б. Каирбекова последних двух строк третьей строфы с их работами. Перевод Б. Каирбекова был дан выше. Вот перевод А. Гатова:

Загляни в свое сердце и там, в глубине,
Отыскав жемчуга, береги, не бросай!

Перевод Л. Руст:

В глубь сердца своего уйдя,
Храни, лелей
Сокровище, что обретешь
Ты в глуби той.

Но, как видим из приведенных примеров, перевод Каирбекова по сравнению с другими в большей степени приближен к оригиналу. Б. Каирбеков сумел со свойственной ему тонкостью выражения, лаконичностью передать самую суть, глубину, мудрость, содержащуюся в этом произведении. Ему удалось найти такие соответствия в русском языке, которые позволили афоризмам Абая не потерять своей остроты при воспроизведении на русском языке. Б. Каирбеков смог передать максимальную сжатость фразы, отточенность мысли, присущие перу казахского поэта-философа.

В творчестве Абая особую нишу занимают стихотворения философского характера — о духовно-нравственных исканиях, назначении человека, его роли в обществе, смысла жизни. Стихотворение «Сағаттың шықылдағы емес ермек» также относится к философской лирике. Оно написано в 1896 году в жанре *қара өлең*¹. В нем представлены размышления поэта об уходящей жизни, вечности, судьбе человека, незаметно протекающем времени, его бесконечности, непрерывности. Несмотря на то, что время измеряется минутами, часами, днями, месяцами, годами, жизнь все равно движется вперед. Быстротечность времени свидетельствует о том, что оно не стоит на месте, и его невозможно вернуть назад. Абай считает, что одна минута «схожа с человеческой жизнью» (из подстрочника Б. Каирбекова). Поэт, определяя быстротечность времени, жизни, смену эпох как закономерность бытия, подводит к сути, что не следует опускать руки, сетуя на непостоянство жизни.

В третьей строфе Абай отмечает, что ни к чему обманывать самого себя, тратить время на мелочи, напротив, нужно заниматься тем, что приносит пользу, удо-

¹ Традиционная казахская поэзия, жанр лирической песни. Включена в Национальный список нематериального культурного наследия Республики Казахстан при Нац. комиссии РК по делам ЮНЕСКО. Содержание песен К.о. самое разнообразное: от бытовых тем до любовной лирики. Мелодическое разнообразие и поэтика жанра К.о. способствовали формированию высокопрофессиональной казахской песенной культуры, которая сложилась к XIX в. (<https://e-history.kz/ru/contents/view/5704>© e-history.kz).

вольствие. Осознавая, что годы идут неумолимо быстро, время берет свое и жизнь идет к исходу, поэт как бы находит успокоение души через религию, веру:

Сағаттың шықылдағы емес ермек,
Тәмиша өмір өтпек — ол білдірмек.
Бір минут бір кісінің өміріне ұқсас,
Өтті, өлді, тағдыр жоқ қайта келмек.
Сағаттың өзі — ұры шықылдаған,
Өмірді білдірмеген, күнде ұрлаған.
Тиянақ жоқ, тұрлау жоқ, келді, кетті,
Қайта айналмас, бұрылмас бұлдыр заман.
Өткен өмір белгісі — осы сыбдыр,
Көңілді күнде сындыр, әлде тындыр.
Ақыл анық байқаған қылығыңды,
Қу шыққансып қарасып босқа бұлдыр.
Күн жайылып ай болды, он екі ай — жыл,
Жыл жайылып, қартайтып қылғаны — бұл.
Сүйенген, сенген дәурен жалған болса,
Жалғаны жоқ бір тәңірім, кеңшілік қыл.

Проходят дни, вот месяц канул, год —
Года идут — как жизни срок ничтожен!
Есть вера у меня одна — она спасет,
А если нет — храни меня, мой Боже!

В целях определения степени близости к оригиналу обратимся к подстрочно-му переводу этого стихотворения, выполненного самим Б. Каирбековым:

1 Звук часов — не простая забава,
Что жизнь проходит — дают они знать.

Минута одна схожа с человеческой жизнью,
Прошла, умерла, не суждено ей возвратиться.
5 Часы — это воры, крадущие своим звучаньем,
Каждый день крадут они незаметно нашу жизнь.
Нет постоянства, нет верности — пришло, ушло,
Не вернется, не оглянется назад призрачное время.

10 Примета прошедшей жизни — эти звуки,
Чувство свое вовремя успеи утолить или погасить.

То, что ум твой давно угадал, напрасно ты
Не хочешь замечать, обманывая самого себя.

14 (Все равно) дни, собираясь вместе, составят месяц,
А двенадцать месяцев — составят год.

Года бегут, а это значит — ты уже стареешь...

О, если опора моя, надежда моя окажется обманом.

18 О, ты, мой бог, не ведающий обмана, будь милостив ко мне.

(<http://abai.kaznu.kz/rus/?p=98>)

Как видим, подстрочный рабочий перевод Б. Каирбекова очень близок к подлиннику, переводчик вплотную идет за Абаем. Следует подчеркнуть, Б. Каирбеков очень щепетилен в вопросах подстрочного перевода. «В целом, я не против под-

строчника, он необходим как *первоначальная ступень* к познанию оригинала. Но только первая, и об этом следует не забывать и не строить иллюзий». По его мнению, подстрочник в поэзии «более эффективен в стихах балладного характера» и «характерен для стихов философско-дидактического плана» [1. С. 76].

Вот окончательный перевод этого стихотворения, выполненный Б. Каирбековым:

Мне торканье часов — звук не пустой,
В нем шорох слышен жизни уходящей:
Минута миновала, час, другой, —
Что умерло в том звуке шелестящем?

Часы, что воры, осторожны в тишине,
Так скрадывая жизни дни-мгновенья,
Они обманчиво верны своей стене,
Но жизнь угасла, обернувшись тенью.

В покойном шорохе — все прошлое твое,
Не прозевай удачи ни мгновенья!
Не хочешь верить ты напрасно — жизнь пройдет
И в сердце не отыщешь утешенья.

Проходят дни, вот месяц канул, год —
Года идут — как жизни срок ничтожен!
Есть вера у меня одна — она спасет,
А если нет — храни меня, мой Боже!

На примере перевода стихотворения Абая «Сағаттың шықылдағы емес ермек» («Мне торканье часов — звук не пустой») мы наблюдаем ту гармоническую связь, которая должна быть между автором и переводчиком, когда личность переводчика, его нравственные устои и творческие взгляды позволяют найти точку соприкосновения с личностью переводимого автора. «Способ описания творческой билингвальной личностью первичной / “своей” языковой картины мира на языке приобретенной / “чужой” культуры имеет свои свойства, свои качества, которые как стимуляторы воздействуют на русского читателя» [4. С. 18]. Мы можем сказать, что Б. Каирбеков нашел тот самый ключ, который позволяет ему пройти через те переводческие трудности, которые возникали в процессе выражения данных стихов Абая на русский язык, с минимальными потерями. Хотя сам Каирбеков утверждает о невозможности адекватного перевода большинства произведений Абая, в силу сугубо национальных особенностей образного языка [5. С. 28], чаще всего тех идиом, которые связаны с бытом и укладом жизни казахов.

3. Выводы

Поэзия Абая, отличающаяся глубокой философичностью и самобытностью, и при переводе Б. Каирбековым не теряет своей образной силы и значимости.

Очевидно, что переводчик прочувствовал исходный материал-оригинал. Как нам кажется, в данном случае поэт и переводчик близки и по природе творчества, и по духу, когда четко проявляется единение двух творческих натур — автора и переводчика.

«Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [6. С. 334—335].

Б. Каирбекова волнует проблема читательского восприятия. Он не просто переводит строфу за строфой, но с помощью средств русского языка создает подлинный поэтический мир казахского поэта. Тем самым в отличие от других ученых, акцентирующих внимание на соответствии перевода оригиналу, Б. Каирбеков подчеркивает важность «читательского разностороннего эха воспринявших Абая читателей» [1. С. 79].

В понимании Б. Каирбекова читательское восприятие выступает важным условием художественного перевода. Совершенство перевода он видит в дальнейшем становлении его «явлением русского литературного процесса», в нарастании интереса читателей к автору первоисточника, в ожидании ими новых переводов его произведений.

Список литературы

1. *Каирбеков Б.Г.* О художественном переводе // Б.Г. Каирбеков. Далекие и близкие: избранные переводы. Астана: Аударма, 2012. 288 с.
2. *Каирбеков Б.Г.* Корни // Б.Г. Каирбеков. Биография алматинца. Алматы: Өлке, 2005. 240 с.
3. *Бельгер Г.* Властитель — Слово. Почему трудно переводить Абая? // Абай. Двадцать стихотворений на трех языках. Астана: Аударма, 2008. 136 с.
4. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБО и МИ, 2009.
5. *Бахтикиреева У.М.* Переводоведение в Казахстане: учеб. пособие. Ч. 1. М.: ТЕЗАУРУС, 2009. 49 с.
6. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
7. *Бахтикиреева У.М.* Переводческая деятельность в Казахстане. Страницы истории: взгляд из России [электронный ресурс]: учеб. пособие / У.М. Бахтикиреева, Н.Л. Синячкина. — электронные текстовые данные. М.: Изд-во РУДН, 2011. 88 с.
8. *Жаксылыков А.Ж.* Актуальные проблемы художественного перевода и развитие казахской литературы: хрестоматия. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 136 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.08.2019

Дата принятия к печати: 14.08.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Шагимгереева Б.Е. О некоторых принципах художественного перевода с позиции билингвальной личности Бахыта Каирбекова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 415—423. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-415-423

Сведения об авторе:

Шагимгереева Бакытгуль Еrsaиновна — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: t_2004@mail.ru

On some principles of literary translation from the position of the bilingual personality — Bakhyt Kairbekov

Shagimgereyeva B.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

In this article, using the example of the poems of the great Kazakh poet, enlightenment and philosophy Abai Kunanbayev, he reveals some of the translation strategies of the Russian-speaking poet, professional translator from Kazakh into Russian, Bakhyt Kairbekov.

Key words: literary translation, translation of a poetic text, criterion of adequacy, bilingual personality, principles of translation

References

1. Kairbekov, B.G. 2012. "O khudozhestvennom perevode" [On Literary Translation] in *Dalekie i blizkie: izbrannye perevody*. Astana: Audarma. Print. (In Russ).
2. Kairbekov, B.G. 2005. "Korni" [The Roots] in *Biografiya almatintsy*. Almaty: Olke. Print. (In Russ.).
3. Bel'ger, G. 2008. "Vlastitel' — Slovo. Pochemu trudno perevodit' Abaya?" [Lord is the Word. Why is it Difficult to Translate Abay?] in *Dvadsat' stikhotvorenii na trekh yazykakh*. Astana: Audarma. Print. (In Russ.).
4. Bahtikireeva, U.M. 2009. *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya) [Creative Bilingual Personality]*. Astana: TsBO i MI, 2009. Print.
5. Bahtikireeva, U.M. 2009. *Perevodovedenie v Kazakhstane [Translation Studies in Kazakhstan]: ucheb. posobie. Ch. 1. M.: Tezaurus. Print. (in Russ.)*.
6. Bakhtin, M.M. 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]*. Moscow. Print. (In Russ.).
7. Bahtikireeva, U.M., and Sinyachkina N.L. 2011. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v Kazakhstane. Stranitsy istorii: vzglyad iz Rossii [Translation Activities in Kazakhstan. Pages of History: a View from Russia]: Uchebnoe posobie. Moscow: Izd-vo RUDN. Print. (In Russ.)*.
8. Zhaksylykov, A.Zh. 2011. *Aktual'nye problem khudozhestvennogo perevoda i razvitie kazakhskoi literatury [Actual Problems of Literary Translation and the Development of Kazakh Literature]*. Almaty: Qazaq universiteti. Print. (In Russ.).

Article history:

Received: 01.08.2019

Accepted: 14.08.2019

Moderator: U.M. Bahtikireeva

Conflict of interests: none

For Citation:

Shagimereyeva Bakytgul. 2019. “On some principles of literary translation from the position of the bilingual personality — Bakhyt Kairbekov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 415–423. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-415-423

Bio Note:

Bakytgul Shagimereyeva — postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: t_2004@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-424-442

Изучение современного иврита в России: многообразие целей и пути их достижения

Ю.Н. Кондракова

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
Российская Федерация, 119071, Москва, Малая Калужская ул., 1

Анализируются проблемы изучения современного иврита в Российской Федерации. В частности, отмечается, что иврит — язык, изучение которого еще совсем недавно было запрещено или, по крайней мере, весьма ограничено, в настоящее время изучается на всех образовательных уровнях и в самых разнообразных форматах. Иврит преподают на различных языковых курсах, в том числе при разных еврейских организациях, а в последние годы появляется все больше курсов и частных групп, предлагающих пользующуюся все большим спросом услугу изучения иврита в онлайн-формате. В целом, за последние 30 лет в России создана собственная школа преподавания иврита, осуществляется активная научная деятельность, проводятся международные конференции, издается собственный журнал.

Ключевые слова: иврит, Россия, ульпан, школа, вуз, преподавание, исследование

1. Введение

В советское время изучение современного иврита было де-факто запрещено, за исключением нескольких групп в вузах, так или иначе связанных со спецслужбами. С тех пор прошло около 30 лет, и в настоящее время изучать этот язык в Российской Федерации можно на университетском уровне, а также в школах — как государственных (с углубленным изучением национального компонента), так и в частных, на множестве языковых курсов (традиционно называемых ульпанами) и в интерактивном режиме. Кроме этого, проводятся научные конференции посвященные проблемам иврита, защищаются диссертации, издается академический журнал, выходят в свет сборники научных трудов и монографии, научным коллективам выделяются гранты крупнейшими российскими научными фондами.

Каковы же причина такой популярности изучения иврита? Они различны. Здесь и планы на переезд в Израиль в ближайшем или отдаленном будущем, и возвращение к религиозной традиции своих предков, и вынужденная необходимость (в основном для контингента еврейских школ) и т.д.

Большинство тех, кто решил изучить иврит, обращаются в ульпаны. Понятно, что большинство слушателей ульпанов в той или иной степени рассматривают

© Кондракова Ю.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

вопрос о переезде в Израиль. Разумеется, в какой-то мере это относится и к туристам, планирующим посетить Святую землю, однако их число невелико. Речь идет о потенциальных иммигрантах или, как их называют в Израиле, репатриантах — ведь согласно законодательству гражданство Израиля может получить не только каждый еврей, но и члены его семьи вне зависимости от национальности.

Что именно побуждает будущих репатриантов заниматься ивритом до переезда в страну изучаемого языка? Ведь на первый взгляд изучить иностранный язык гораздо легче, находясь в среде этого языка. Статистика приезда репатриантов из разных стран и их расселения по городам показывает, что большинство приезжает в Израиль из России и Украины (носители русского языка), Франции и Бельгии (французский язык), Аргентины и из других стран Латинской Америки (испанский язык), США и Великобритании (английский язык), а также Эфиопии (амхарский), причем их расселение по стране никак не регулируется (Central Bureau of Statistics of Israel, <http://www.cbs.gov.il/reader>), в отличие, например, от Германии, где условием предоставления субсидий является проживание в определенном властями населенном пункте. Таким образом, практически ни в одном городе Израиля нет возможности создать группу, гомогенную с точки зрения родного языка. Добавим к этому, что было бы некорректно требовать от учителей ульпанов знания хотя бы нескольких языков их потенциальных учеников. Кроме того, ситуация постоянно меняется, в настоящее время подавляющее большинство учеников являются русско- или франкоязычными. Был период массовой репатриации из Эфиопии; в настоящее время наблюдается тенденция репатриации из испано- или англоязычных стран. Таким образом, обучение ивриту на самом иврите просто безальтернативно.

В Израиле накоплен большой опыт преподавания иврита на иврите. Методика обучения иностранному языку требует высокой квалификации преподавателя, особенно если учесть, что в состав учебных групп входят ученики, принадлежащие не только к разным языковым, но и культурным группам, привыкшие к определенным — и разным — методическим приемам изучения иностранных языков, а также обладающих разными типами восприятия [1].

В связи с тем, что уровень репатриации в Израиль не регулируется государственными структурами, заранее предсказать загрузку того или иного ульпана практически невозможно. Зачастую возникают ситуации, когда из-за массовой репатриации из отдельных стран нехватка преподавателей в ульпанах становится настолько катастрофической, что за неимением лучшего приходится принимать на эту работу недостаточно подготовленных работников [2].

Важным фактором является также нагрузка на учащихся ульпана. Государственная помощь репатриантам включает финансирование 500 академических часов изучения иврита в ульпане. На первый взгляд это немало, однако понятно, что не владеющий ивритом репатриант не может найти соответствующую его квалификации работу на рынке труда, поэтому время учебы в ульпане компенсируется получением государственных выплат на текущие расходы, включая питание и проживание. 500-часовая программа учебы в ульпане предусматривает, что ее необходимо закончить в течение короткого времени. Это подразумевает

высокую нагрузку на слушателей ульпанов — учиться приходится по пять часов в день, пять дней в неделю на протяжении пяти месяцев, причем методика преподавания «иврит на иврите», не свойственная советской языковой школе, нередко представляется выходцам из России бессистемной, в особенности, когда уровень преподавателей недостаточно высок. В результате значительное число репатриантов заканчивают учебу в ульпане, не овладев ивритом на достаточном уровне.

2. Обсуждение

В советское время сформировалась альтернативная система платного преподавания этого языка, действовали семинары по подготовке преподавателей и было создано объединение учителей — Игуд ха-морим. У истоков преподавания иврита в Москве стоял Э. Трахтман (М. Палхан), которым было обучено так называемое первое поколение учителей (З. Шахновский, Л. Йоффе, М. Гольдблатц, З. Золоторевский и др.), о чем упоминается в мемуарах Л. Трахтман-Палхан [3]. Известно, что, не имея высшего образования, М. Палхан был талантливым преподавателем, оставившим после себя учебные материалы и методические разработки, с помощью которых обучалось не одно поколение будущих преподавателей. Среди второго поколения учителей иврита были И. Палхан, младший брат М. Палхана, и М.А. Членов, который, в свою очередь, с 1971 по 1993 годы обучил около 1000 учеников. Ученики его последней группы (Е.Б. Марьянчик, О.Л. Дубова и др.) стали основоположниками современной школы преподавания иврита в России.

Многие из тех, кто изучал, а впоследствии и преподавал иврит в те годы по этой системе, владели им на высоком уровне. Однако вскоре после распада СССР на этом поле начали функционировать новые субъекты — крупные израильские и международные организации. Так, например, целая сеть ульпанов была создана под эгидой израильских культурных центров (ИКЦ), так как одна из главных задач любого культурного центра — пропагандировать язык своей страны. Первоначально в этих ульпанах преподавали учителя, поочередно приезжающие из Израиля на ограниченное время. Большинство педагогов не владели русским языком и преподавали иврит так, как их учили, — на иврите. Уровень квалификации преподавателей был различным, некоторые из тех, кто тогда «открыл» для себя Россию, впоследствии стали ведущими преподавателями Израиля, однако немало учителей не были профессионалами. На сегодняшний день ульпан ИКЦ имеет свою программу, разработанную Министерством образования Израиля. Есть также сайт, на котором выкладываются дополнительные материалы, и существует постоянная связь с Д. Коэн, ответственной за методическое сопровождение. Раз в год в Москве или в Иерусалиме проводится четырехдневный семинар для всех учителей Натива.

Другая сеть ульпанов была открыта в рамках Еврейского агентства для Израиля. Одной из основных целей этой организации является содействие сохранению еврейской идентичности, и изучение иврита — национального языка еврейского народа — является неотъемлемой частью этой идентичности. Политика Еврей-

ского агентства в области преподавания иврита существенно отличалась от ИКЦ, основная ставка делалась на местные кадры, причем немалые средства вкладывались в их подготовку: проводились регулярные семинары как на территории России или других стран бывшего СССР, так и в Израиле.

Поскольку занятия в ульпанах Еврейского агентства были бесплатными, их группы получили серьезное конкурентное преимущество на рынке труда перед еще существовавшими группами Игуд ха-морим, и большинство последних понемногу исчезли, а многие его преподаватели стали работать в ульпанах. Следует отметить, что в ульпанах Еврейского агентства отсутствовала единая учебная программа и единый учебник. Что касается количества слушателей ульпанов в те годы, то оно измерялось тысячами. Достаточно сказать, что на пике число слушателей одного только московского ульпана было порядка 1200 человек [4].

Тем не менее реформы в области преподавания иврита в ульпанах Еврейского агентства в странах бывшего СССР были необходимы, и в первые годы XXI века они были начаты новой командой в Иерусалиме в тесном сотрудничестве с московскими вузами.

В советское время иврит преподавали лишь в ограниченном числе вузов, закрытых для студентов-евреев, таких как Военный институт, Высшая школа КГБ или ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова [5]. Ситуация начала меняться лишь в конце 80-х — начале 90-х годов XX века. Так, в 1989 году на базе Ленинградского общества еврейской культуры — первой в городе легальной еврейской общественной организации — был учрежден Ленинградский еврейский открытый университет, а в 1992 году одним из первых среди негосударственных вузов России лицензию на право ведения образовательной деятельности получил Петербургский еврейский университет, впоследствии — Петербургский институт иудаики (http://www.pijs.ru/nash_institut). Одним из первых проектов высшего образования в области иудаики в Москве стал факультет иудаики американского Touro College, открывшийся в 1991 году. Занятия на этом факультете были бесплатными, а уровень преподавания довольно высоким. Преподавание иврита проводилось силами местных педагогов, многие из которых начинали свой профессиональный путь еще в советское время (А.И. Вайнштейн, Э. Погребинский, И. Зыскин и др.). На протяжении целого ряда лет Touro College был единственной официальной структурой, где изучение иврита на высоком уровне было возможно не только для студенческой молодежи, но и для представителей старшего поколения. В октябре 1991 года состоялось открытие Свободного еврейского университета (впоследствии Еврейский университет в Москве — ЕУМ и Высшая гуманитарная школа им. С. Дубнова) [6], а в декабре 1991 года в соответствии с постановлением Правительства РФ была образована Государственная еврейская академия им. Маймонида (впоследствии — Государственная классическая академия им. Маймонида). Преподавание иврита и подготовка дипломированных преподавателей иврита стали важными направлениями этих вузов. В 1996 году в Российском государственном гуманитарном университете был создан Учебно-научный центр библеистики и иудаики. В сотрудничестве с крупнейшими мировыми центрами иудаики, в частности с Еврейской теологической семинарией

Америки (JTS) и Институтом Еврейских исследований (YIVO) он занимается образовательной, исследовательской и издательской деятельностью в различных областях иудаики.

Первоначально в Академии им. Маймонида и ЕУМ руководство этим направлением было отдано преподавателям вузов, существовавших еще с советских времен, однако по ряду причин педагогический коллектив постепенно стал пополняться преподавателями, начинавшими свою деятельность в рамках Игуд хаморим, не имевшими филологического образования в области современного иврита. Уже в середине 90-х годов XX века большую часть кафедры иврита Академии составляли специалисты в области математики или компьютерных наук, и именно им предстояло решить задачу массовой подготовки молодых преподавателей иврита.

Найденное решение оказалось эффективным [4; 7]. Учебная программа по ивриту Академии им. Маймонида основывалась на программе Школы для иностранных студентов им. Ротберга Еврейского университета в Иерусалиме. Для реализации этой программы, определявшей последовательность прохождения грамматических тем (своего рода грамматического каркаса), в Иерусалиме была разработана целая серия учебников. Разумеется, преподавание иврита в Еврейском университете в Иерусалиме шло на иврите и не предполагало формального изучения грамматических категорий, тем более что задача подготовки иностранных студентов в качестве будущих преподавателей иврита стран диаспоры не входила в число приоритетов этого университета, необходимо было лишь обеспечить освоение ими иврита для целей последующего обучения на самых разных специальностях.

Преподаватели Академии поставили перед собой задачу сочетать преимущества профессиональной программы Еврейского университета в Иерусалиме и учебников с возможностью использования на занятиях родного языка студентов. Более того, наличие грамматического каркаса позволяло и даже предполагало изначальное знакомство с ним студентов и существенно облегчало их становление как преподавателей, чья роль в значительной степени сводилась к пониманию логики этого каркаса и умению представить его новым поколениям учащихся. Преподаватели, подготовленные таким образом, могли успешно работать в основном в рамках самой этой системы.

Первый выпуск молодых преподавателей иврита в Академии им. Маймонида состоялся в 1997 году, и можно констатировать, что значительная часть выпускников в полной мере освоила программу Еврейского университета в Иерусалиме, а со следующего выпуска освоение этой программы (т.е. сдача экзамена, аналогичного экзамену «птор» — своего рода «выпускному» экзамену для изучающих иврит в Еврейском университете в Иерусалиме) стало обязательным для всех выпускников Академии по этой специальности.

Успешное освоение студентами Академии программы Еврейского университета в Иерусалиме стало одним из основных факторов соглашения о передаче в ведение кафедры иврита Академии им. Маймонида преподавания в Центре иудаики и еврейской цивилизации ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (ЦИиЕЦ,

впоследствии кафедры иудаики ИСАА МГУ), созданном в 1998 году в качестве совместного проекта МГУ и Еврейского университета в Иерусалиме. Основным условием привлечения кафедры иврита Академии им. Маймонида к этому проекту стала ее готовность обеспечить успешную сдачу студентами экзамена «птор» уже в конце 3 курса.

Создание ЦИиЕЦ позволило организовать курс лекций по изучаемым специальностям силами израильских преподавателей, как правило, на иврите, что было возможно благодаря высокому уровню владения ивритом студентами. Большинство этих лекций были доступны также студентам Академии им. Маймонида и ЕУМ (привлекательность и конкурентность которого по сравнению с государственными вузами начала уменьшаться), и для обеспечения необходимого уровня иврита последняя ответственность за преподавание этого языка студентам-филологам ЕУМ также была передана кафедре иврита Академии. Таким образом, подготовка в Москве студентов, владеющих ивритом на высоком уровне, осуществлялась одновременно в трех вузах силами одной и той же группы преподавателей.

Вскоре после создания ЦИиЕЦ в Санкт-Петербурге было подписано соглашение между Еврейским университетом в Иерусалиме и СПбГУ. В рамках этого соглашения в СПбГУ был создан Центр библеистики и иудаики (ЦБИ), впоследствии преобразованный в кафедру еврейской культуры. Как и в Москве, целый ряд лекций в новом центре читали израильские ученые, и эти лекции были доступны также для студентов негосударственного ПИИ.

Еще одним проектом стало лишь намечавшееся в то время сотрудничество московских преподавателей с ЦБИ СПбГУ, в рамках которого были организованы совместно проведенные экзамены по ивриту для студентов Центра.

Успехи вузовского преподавания иврита в Москве позволили начать в 2003 году сотрудничество с отделом образования Еврейского агентства для русскоязычного еврейства, которое продолжается в настоящее время: только в 2003 году было заказано два крупных проекта. Первый из них предполагал своего рода «инвентаризацию» — проведение серии экзаменов по ивриту, аналогичных вузовским, для преподавателей ульпанов Еврейского агентства в странах бывшего СССР (около 450 человек), а второй — проведение ряда сверхинтенсивных семинаров по ивриту [4]. Партнером Еврейского агентства в этих проектах стал Межрегиональный центр преподавания иврита (МЦПИ), созданный как проект Ваада России в сотрудничестве с Межуниверситетским центром еврейского образования в России.

Экзамены проводились на специальных семинарах, как региональных, в каждом из которых участвовало 15—20 преподавателей ульпанов, так и межрегиональных, где количество участников измерялось уже десятками. Как правило, целью таких семинаров были не только экзамены, но и повышение уровня владения ивритом их участниками; занятия проводили опытные преподаватели Еврейского университета в Иерусалиме. Экзамены, как и в вузах, проводились не только в письменном, но и в устном формате, причем во время собеседования участникам семинара нужно было не только продемонстрировать беглость и правильность речи, но и умение объяснить ту или иную грамматическую категорию.

Задачей Летних школ, продолжавшихся всего один месяц, было прохождение слушателями — преподавателями ульпанов — семестрового курса иврита. В проведении этих семинаров основную роль играли преподаватели трех вузов, причем большинство их составляло уже новое поколение преподавателей — выпускники Академии им. Маймонида и ЦИиЕЦ. Первая Летняя школа состоялась летом 2003 года, наряду с московскими преподавателями в ее работе приняли участие израильские коллеги. Около 60 слушателей (действующих и будущих преподавателей иврита из разных стран) были разбиты на пять групп, занятия в которых проходили шесть дней в неделю по 8—10 академических часов в аудитории, и примерно такое же время им приходилось тратить на выполнение домашних заданий. Столь напряженная работа большинства участников Летней школы дала свои плоды — по прошествии месяца большей части слушателей удалось успешно сдать соответствующий экзамен. Успех первой Летней школы позволил провести аналогичный семинар еще дважды: в 2004 году в нем участвовало 33 слушателя, а в 2005 году их количество возросло до 50 человек, причем в этот раз запрос исходил не только от Еврейского агентства, но и от Федерации еврейских общин России (ФЕОР), направившей в Летнюю школу целую группу преподавателей иврита своих воскресных школ.

Как Летние школы, так и региональные и межрегиональные семинары продемонстрировали высокую эффективность и позволили Еврейскому агентству в значительной степени повысить уровень владения преподавателями ульпанов ивритом, а затем и перевести свои ульпаны на программу и учебники Еврейского университета в Иерусалиме. Рост знаний преподавателей ульпанов позволял постепенно включать в проводимые семинары также методическую составляющую. Разумеется, такие семинары были очень дорогостоящими, ведь расходы требовались не только на оплату труда преподавателей и экзаменаторов, но и на оплату дорожных расходов, проживания и питания слушателей. Необходимо было найти более дешевую, но в то же время эффективную альтернативу [1].

В начале XXI века был инициирован проект под названием «Дистанционное преподавание иврита», поддержанный Фондом им. Пинкуса, Еврейским агентством, а также JNF и ФЕОР.

Естественным развитием этого проекта стали первые видеоуроки иврита, первоначально с преподавателями ульпанов в городах Дальнего Востока (Хабаровска, Владивостока, Биробиджана), впоследствии и многих других регионов (при поддержке Еврейского агентства, Фонда им. Пинкуса и JNF). Постепенное совершенствование программ видеосвязи позволило унифицировать проведение видеоуроков по ивриту и выделить их в отдельный проект, а позднее использовать этот инструмент как основной для работы методистов Еврейского агентства с учителями ульпанов [5. С. 22].

К этому же периоду (2007—2010 годы) относится и разработка первых вариантов электронных обучающих упражнений, призванных освободить преподавателя от необходимости перепроверки технической части домашнего задания непосредственно на уроке. Эта работа была выполнена с использованием отечественного программного обеспечения SunRayWebClasssunray.ru и впоследствии

оказалась востребованной при разработке принципиально новых моделей преподавания иврита.

На следующем этапе была проведена работа по переводу экзаменационных работ по ивриту в компьютерный вид, был разработан порядок их проведения. Все это не только повысило объективность оценивания, но и позволило слушателям и преподавателям ульпанов Еврейского агентства сдать соответствующий экзамен в режиме онлайн [3. С. 18].

Наряду с описанными выше достижениями отметим и менее успешные вузовские проекты. Так, в 2003 году в адрес объединенной группы преподавателей трех вузов поступила просьба о помощи в преподавании иврита от еще двух негосударственных вузов, созданных под эгидой ФЕОР: Института XXI века (впоследствии МЕИЭФиП) и Института Махон Хамеш. В отличие от вузов, определявших цель обучения ивриту как подготовку преподавателей этого языка или по меньшей мере обеспечение студентам возможности учиться у ивритоязычных преподавателей, руководству Института Махон Хамеш иврит представлялся необходимым элементом еврейской культуры и языком коммуникации. Что же касается Института XXI века, то первоначально его руководство ставило перед собой достаточно амбициозные цели и в этой области, однако массовый неуспех уже первого набора, результатом которого стало отчисление значительной части студентов из-за неуспеваемости по ивриту, отнюдь не профильной дисциплины в этом вузе, привело к пересмотру целей и решению ограничиться лишь базовым знакомством студентов с этим языком.

К причинам относительной неудачи обоих этих проектов следует отнести, во-первых, неприспособленность подхода, разработанного первоначально в Академии им. Маймонида, а затем перенесенного в ЦИиЕЦ и ЕУМ, к новым условиям. Студенты новых вузов были недостаточно мотивированы для выполнения столь насыщенных и объемных домашних заданий, да они и не видели себя преподавателями иврита в будущем. Что же касается администрации этих вузов, то и она не была готова к постоянному отсеву не менее половины студентов. Еще одной причиной можно считать отсутствие методической гибкости преподавателей, хотя в этом их едва ли можно упрекать, ведь их подготовка предусматривала работу в рамках действующего вузовского «конвейера» по производству все новых преподавателей иврита.

Упомянем здесь еще один вузовский проект, реализованный кафедрой восточных языков Института международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета. На изучение иврита в качестве второго иностранного языка отводилось 8 часов в неделю, что гипотетически могло позволить добиться неплохих результатов. К сожалению, эта деятельность проходила в отрыве от коллег в Москве и Санкт-Петербурге при отсутствии самостоятельного опыта для реализации столь сложного проекта, разработанных программ и даже учебной литературы, а элементы сотрудничества стали вырисовываться лишь с 2012 года, когда уже был прекращен набор студентов на это направление.

Но ситуация постепенно усложнялась и в ведущих вузах. В изменившихся условиях во втором десятилетии XXI века администрация любого вуза, в том чис-

ле государственного, уже не могла примириться с массовыми отчислениями студентов, а ведь «конвейер», как было отмечено, изначально был настроен на работу с наиболее способной, работоспособной и мотивированной частью студенческой аудитории. Для того чтобы изменить ситуацию, необходимо было или «перенастраивать» действующий «конвейер», или снижать требования. Неудивительно, что в условиях реформы всей сферы высшего образования в России и перехода на двухступенчатое образование, принятия новых нормативов и стандартов, вызвавших сокращение часов, выделяемых на изучение иврита как профильной дисциплины, выбор в Академии им. Маймонида был сделан в пользу второй альтернативы.

В самом деле, массовая подготовка преподавателей иврита московскими вузами в конце XX — начале XXI веков привела к тому, что возможность трудоустройства молодого специалиста в одном из существующих вузов стала скорее исключением, чем правилом. Какие же варианты трудоустройства, имеющие отношение к выбранной специальности, оставались у выпускников Академии им. Маймонида и ИСАА?

Ульпаны? К сожалению, в конце первого десятилетия XXI века положение ульпанов Еврейского агентства существенно осложнилось. Так, в 90-е годы был огромный спрос на короткие ульпаны (максимум 3 месяца), поскольку это был пик массовой и быстрой алии, количество учеников измерялось десятками тысяч в год. В 2008 году из-за резкого сокращения их финансирования, ранее традиционно получаемого от зарубежных спонсоров, начался постепенный спад. Речь шла даже о закрытии всех ульпанов Еврейского агентства, и лишь готовность руководства отдела образования Еврейского агентства спасти хотя бы часть при помощи их перевода на самоокупаемость позволила сохранить в своем распоряжении около трети преподавателей, в основном в крупных городах России. В последние годы число учащихся колеблется от 5000 до 7000 человек в год.

Офисная работа, предполагающая знание иврита? В «период расцвета» трех вузов интерес к их выпускникам был проявлен посольством Израиля в Российской Федерации, и в первый же выпуск после этого сразу восемь выпускников были приняты на работу в посольство или консульство. Небольшое количество выпускников устраивались на работу в турагентства или в организации, возглавляемые израильянами.

Школы? Работа по специальности в одной из еврейских школ Москвы была еще одним направлением, на первый взгляд наиболее естественным для молодых преподавателей иврита. Первые национальные еврейские общеобразовательные школы или классы в обычных школах появились еще в СССР, и преподавание иврита — национального языка еврейского народа — изначально представлялось в них как одна из важнейших целей. Вскоре после этого Министерство образования Израиля разработало специальный проект поддержки этих школ, получившего название «Хефциба» («Сионистско-еврейское образование в бывшем Советском Союзе»), и в скором времени заинтересованность принять участие в нем выразило довольно большое число школ. Как указано на сайте проекта, его реализация была определена межправительственными соглашениями, заключенными Израилем с Россией, а также с другими странами ближнего зарубежья. Так,

указывается, что изучение иврита относилось к сфере ответственности Министерства образования Израиля, причем основные принципы его преподавания должны были стать отражением израильской системы образования. К сфере ответственности проекта «Хефциба» были отнесены разработка и внедрение учебных программ, в частности по ивриту, а также обеспечение школ — участников проекта учебниками и соответствующей методической литературой. Количество российских школ, входящих в проект, постепенно увеличивалось, и в настоящее время достигло 15 [8].

Министерство образования Израиля отнеслось к своей новой функции исключительно серьезно — помощь еврейским школам на постсоветском пространстве осуществлялась в значительной степени за счет государственного бюджета Израиля, что можно считать беспрецедентным шагом, ведь подавляющее большинство упомянутых школ имели государственный статус в своих странах [9]. К сожалению, на начальном этапе (1992—2001 годы) реализация проекта «Хефциба» в области преподавания иврита была осложнена рядом проблем, в некоторой степени обусловленных, как это ни парадоксально, его принципами. Дело в том, что в школьной системе Израиля отсутствовали специалисты по преподаванию иврита как иностранного («второго», по израильской терминологии) языка, а само преподавание проводилось в рамках модной в то время методики ללכמך הפש, использование которой в самом Израиле впоследствии было признано неудачным и запрещено. Идея данной методики состояла в том, что навыки чтения должны приобретаться подобно речевым навыкам — на основе прочитанных книг и попыток собственного творчества, без изучения грамматики и исправления ошибок в написанных текстах. Таким образом, на протяжении почти целого десятилетия преподавание иврита в еврейских школах стран СНГ шло именно по этой модели — без учебников, без программы, без системы подготовки местных учителей и, как следствие этого, без результата. Неудивительно, что такая деятельность едва ли могла представлять профессиональный интерес для молодых выпускников вузов.

Отсутствие результата представляло серьезную проблему и для большинства еврейских школ США, несмотря на значительные средства, направляемые на изучение иврита. Для того чтобы найти выход из этой ситуации, необходимо было разработать профессиональную программу для средней школы (начиная с 6 класса), предусматривающую процесс подготовки учителей и их методическое сопровождение. По заказу фонда «Авихай» такая программа, получившая название NETA (от ивр. аббревиатуры נ"ט — תירבעה תבטל רעון, Молодежь на благо иврита) была разработана группой ведущих преподавателей Еврейского университета в Иерусалиме. Учебные материалы NETA включали не только 24 учебника, разделенные на четыре уровня, но также детальные планы уроков, контрольные работы, аудио- и видеоматериалы. Предполагалось, что внедрение программы NETA позволит обеспечить выпускникам школ владение языком, достаточное для свободной коммуникации в Израиле, а также развитые навыки чтения и письма.

Внедрение программы NETA в РФ началось в 2005 году при поддержке Еврейского агентства в рамках одноименного проекта под руководством Н. Орен (Штайнер), вначале — в Москве и Санкт-Петербурге, а впоследствии также в Казани и

Пятигорске. Основными критериями при включении школы в проект были наличие в школе заинтересованных и обладающих необходимым потенциалом учителей, их готовность работать в контакте с методистами NETA, а также поддержка со стороны администрации школы и готовность последней обеспечить не менее трех уроков иврита еженедельно. Для школ, не вошедших в проект, методистами «Хефциба» была разработана специальная программа, основанная на компиляции ряда существующих, но не связанных между собой учебников, что в тот момент оказалось единственным возможным выходом, поскольку разработка альтернативной оригинальной программы была бы слишком затратным и времязатным проектом.

Что же касается младших классов, то по рекомендации «Хефциба» во многих школах было принято решение о внедрении программы TaLAM. Отметим, что изучение иностранного языка в начальных классах школы едва ли может дать серьезный эффект, и вопреки общепринятому мнению даже адаптация ребенка-иммигранта в детском саду может привести к периоду «немоты», продолжающемуся зачастую до двух лет [10; 11]. По-видимому, учитывая это, разработчики программы TaLAM определяли свою программу не как чисто языковую, а как культурно-языковую (дословный перевод названия — «Учебная программа иврита и наследия») и приложили немало сил, чтобы разработанные ими учебные материалы были комфортны для учащихся младших классов. Кроме того, большое внимание уделялось созданию благоприятной учебной среды, включая «эстетически оформленные и функционально иллюстрированные книги, красивые интерактивные настенные плакаты и аудио диски» [12].

Важно отметить, что разработка программ NETA и TaLAM шла параллельно и без какого-либо контакта между разработчиками, в связи с чем при переходе в 6 класс исходные знания выпускников TaLAM часто определялись как нулевые, исходя из критериев NETA, и им рекомендовалось вновь начать изучение иврита с нуля. Все это не способствовало повышению мотивации как учащихся, так и их учителей, и администрации школ.

Внедрение программы NETA породило немало надежд и было с энтузиазмом встречено выпускниками Академии им. Маймонида, увидевшими в этом шанс для своей профессиональной реализации. Началу работы учителей в проекте предшествовал интенсивный ознакомительный семинар (8—12 дней), включавший не только знакомство с основными принципами преподавания иврита и самой программой, но и показательные уроки участников семинара. В дальнейшем методисты проекта, посещавшие закрепленные за ними школы 3—4 раза в год, оказывали методическую помощь учителям в основном в планировании урока и его детальном разборе. Проект предусматривал также подготовку новых сертифицированных методистов на специальных семинарах в Hebrew College (Бостон), и с течением времени такие специалисты появились в целом ряде школ.

Отметим некоторые проблемы, характерные для российских еврейских школ. В отличие от школ в США или других англоязычных стран, в России иврит был не вторым, а третьим языком (после русского и, как правило, английского), а иногда — и четвертым (в Казани, например, обязательным является изучение также татарского языка), что существенно повышало нагрузку на учащихся. Суще-

ственной проблемой стало также формирование штата учителей и текучесть кадров, ведь далеко не везде, как в Москве или Санкт-Петербурге, была возможность использовать выпускников вузов, а срок работы в школах представителей «Хефциба» был лимитирован четырьмя, максимум пятью годами, причем они «часто не обладали достаточными образованием и опытом, чтобы преподавать детям иврит и ... не владели русским языком» [7]. Существенной проблемой оказалось также формирование учебных групп, поскольку прием детей в еврейскую школу не зависел от уровня знания иврита, и поэтому в одном классе нередко находились ученики с совершенно разным уровнем владения языком. Тем не менее развитие проекта в 2005—2008 годы можно условно считать удачным, однако проект был приостановлено в период международного финансового кризиса из-за бюджетных проблем, когда основные спонсоры проекта были вынуждены прекратить свое участие в его финансировании, и лишь поддержка новых спонсоров — Фонда им. Пинкуса и благотворительного фонда «Генезис» — позволила возобновить его реализацию в новом формате с 2010 года под названием ALE.

Остановимся подробнее на отличиях этого проекта от первоначального [9]. Прежде всего, были в полной мере использованы опыт и квалификация учителей, в первую очередь закончивших полный курс обучения в Hebrew College (Бостон), была разработана «схема профессионального» сопровождения учителей, при которой к каждому учителю был прикреплен персональный куратор [13]. При этом для методической работы с учителями использовались современные видеотехнологии. Отказ от поездок методистов в школы-участники позволил удешевить проект и повысить частоту контактов методистов с учителями. Вскоре оказалось, что в режиме видеоконференции может быть проведен даже ознакомительный семинар с начинающими учителями, занятия которого проходили 1—2 раза в неделю на протяжении 4—5 месяцев.

В рамках нового проекта были подготовлены десятки учителей (что, к сожалению, не повлияло на высокую текучесть кадров), а число школ-участников в России увеличилось до восьми, в основном за счет Москвы, где наряду с государственными школами появились негосударственные, располагающие большей свободой в формировании учебной программы и существенно более высокой мотивацией учащихся. В последние годы использование современных технологий позволило реализовать ряд амбициозных проектов. В рамках одного из них была реализована серия параллельных видеоуроков, проведенных лучшими методистами проекта ALE для объединенной аудитории учащихся нескольких школ разных стран, разделенной на гомогенные по уровню, но распределенные по географическому местонахождению подгруппы. Второй проект был посвящен компьютеризации контрольных работ, что позволило существенно повысить объективность оценки достижений учащихся.

В последние годы программа NETA была существенно переработана и компьютеризирована, получив новое название Bishvil Ha Ivrit (игра слов, может быть переведено как «По тропе иврита» или «Для иврита»), и передана новым правообладателям, Центру компьютерных технологий (Израиль). К сожалению, по некоторым причинам их взаимодействие с разработчиками программы далеко от идеального и участие последних в ознакомительных семинарах резко уменьши-

лось, что привело к снижению их эффективности. Отсутствие финансирования со стороны спонсоров привело де-факто к прекращению работы методистов с учителями. Следует отметить также, что в настоящее время преподавание иврита в ряде государственных еврейских школ проходит полосу испытаний, в основном по объективным причинам. К ним следует отнести и неопределенный в законодательстве статус иврита (не входящего в утвержденный список изучаемых иностранных языков и в то же время не являющегося родным языком учащихся), тенденцию укрупнения школ, в рамках которого возможно объединение еврейской школы с нееврейской, кадровые проблемы, а также низкий уровень мотивации учащихся и их родителей.

Развитие современных технологий не осталось незамеченным и на частном рынке. На сегодняшний день в Глобальной сети можно найти немало предложений по урокам иврита в режиме онлайн, как групповых, так и индивидуальных. Феномен индивидуальных и весьма дорогостоящих уроков в то время, когда высока конкуренция на рынке ульпанов, еще не исследован в достаточной степени [14]. К примеру, только в Москве действуют ульпаны Еврейского агентства, ИКЦ и Московского еврейского общинного центра (МЕОЦ), а в Санкт-Петербурге — Еврейского агентства, ИКЦ и «Халом»; ульпаны ИКЦ до сих пор остаются бесплатными для всех желающих изучать иврит; цены ульпанов Еврейского агентства и МЕОЦ несопоставимо ниже стоимости частных уроков.

Направление видеоуроков получило свое дальнейшее развитие в совместных проектах МЦПИ с Еврейским агентством и кафедрой еврейской культуры СПбГУ. Одним из наиболее интересных проектов в этой области стал эксперимент по внедрению в учебный процесс модели “Flipped Learning”, впервые предложенный в США в начале XXI века. В рамках этой модели изучение нового материала и его техническая отработка переносятся с аудиторного занятия на самостоятельную работу учащихся перед уроком при помощи разнообразных компьютерных обучающих материалов; время же, освободившееся от объяснения нового материала и проверки технической части домашнего задания, используется для дополнительной отработки с преподавателем языковых навыков.

Уже первые эксперименты, проведенные со студентами кафедры еврейской культуры СПбГУ в 2015—2016 учебном году, продемонстрировали большой потенциал этой модели, а последовательная ее реализация в 2017—2018 учебном году позволила увеличить темп прохождения нового материала в два раза и освоить двухлетнюю программу за один год. Знания студентов были подтверждены на компьютерных экзаменах, разработанных в рамках сотрудничества МЦПИ и Еврейского агентства. Параллельно с университетской группой занятия с несколько меньшей интенсивностью проходили в онлайн-группе потенциальных репатриантов Еврейского агентства, аналогичные результаты были достигнуты и там. На эту тему был подготовлен доклад на конференции NAPN в Амстердаме (июнь 2018 года). Один из элементов этой модели — компьютерные обучающие материалы — проходит дополнительное опробование также в Академии им. Маймонида, изучен в Институте международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (где преподавание иврита начато в прошлом учебном году), а также во вновь созданном

Еврейском университете, образованном при слиянии МЕИЭФиП и Института «МахонХамеш».

Участие в международных конференциях по ивриту является одним из достижений российских ученых и преподавателей в последние годы. Конференции НАРН проходят, как правило в США, и участие в них представителей России затруднено по финансовым и организационным причинам. Однако в годы, когда эти конференции переносятся в страны Европы или Израиль (например, в 2014 и 2018 годах), участие в них становится более доступным. Представители России принимали также активное участие в конференциях, проходивших один раз в четыре года в Еврейском университете в Иерусалиме и организованных кафедрой преподавания иврита Школы для иностранных студентов им. Ротберга. Еще одной организацией, регулярно проводившей международные конференции по ивриту, является Всемирный союз иврита (WNU). Начиная с конференции WNU в Москве в 1999 году целый ряд российских исследователей периодически принимает в них активное участие (2002, 2013 годы). В 2016 году WNU принял участие в организации II Международной конференции «Иврит и идиш в контексте современного образования и культуры», проводимой кафедрой еврейской культуры СПбГУ раз в два года в сотрудничестве с Международным центром университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме. Заседания секции иврита этой конференции проходят исключительно на иврите, и наряду с израильскими учеными, представляющими большинство университетов Израиля, в них принимают участие сотрудники СПбГУ, Академии им. Маймонида и МГУ, а также представители Франции, Польши и других стран. Эти конференции (2014, 2016 и 2018 годы) стали новым этапом в организации научных контактов российских и иностранных исследователей в области иврита, начатых в начале XXI века на секции иврита Междисциплинарных конференций по иудаике, организованных центром «Сэфер», выпускавшим одно время сборники научных трудов секции. Кроме этого, на протяжении уже нескольких лет на кафедре иврита в Академии им. Маймонида проходит Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Иудаика в системе современного образования», где доклады по ивриту занимают лидирующее положение.

С 2013 года кафедра иврита Академии им. Маймонида проводит олимпиаду по ивриту, которая сначала имела статус всероссийской, а в этом году кафедра иврита Академии им. Маймонида Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина совместно с кафедрой еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета и Международным центром университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме провели Вторую международную межвузовскую студенческую олимпиаду по ивриту, в которой приняли участие студенты из 16 вузов на территории России, Украины, Белоруссии, Армении, Узбекистана и Израиля.

Олимпиада проходит в три этапа, первые два — заочно, а третий — очно (участие студентов из других городов и стран обеспечивалось при помощи видеосвязи).

Упомянем также издание учебников по ивриту — в МГИМО (Ю.И. Костенко) и в ИСАА МГУ (Л.Д. Шор, А.Л. Полян, И.А. Княжицкий). Первый учебник стал результатом многолетней работы автора по собственной методике, описанной в

[15]. Что же касается второго учебника, то нельзя не отметить большой и кропотливой работы, проведенной авторами и их готовности к конкуренции с всемирно известными учебниками, изданными в Иерусалиме, что не может не вызывать уважения. В то же время ряд существенных недочетов, в первую очередь отсутствие учебных текстов и не всегда достаточно ясное объяснение грамматических категорий, а также необходимость встраивания этого учебника лишь на одном из этапов учебного процесса, определенного программой Еврейского университета в Иерусалиме, могут оказаться серьезными аргументами против его широкого внедрения.

Важнейшим достижением кафедры еврейской культуры СПбГУ стал регулярный выпуск академического рецензируемого журнала «Еврейская речь», в котором публикуются научные статьи на иврите, а также на русском и английском языках. В редакционный совет входят российские и израильские исследователи, а также известные ученые из других стран, этот журнал индексируется в РИНЦ.

Проведение конференций и исследовательские проекты кафедры еврейской культуры СПбГУ в области иврита и идиша регулярно получают поддержку не только международных, но и российских научных фондов. Так, в 2017 году Российский научный фонд выделил СПбГУ грант на реализацию проекта «Перспективное развитие российской школы гебраистики: иврит — древний и современный» под руководством действительного члена Академии языка иврита проф. Асланова (Франция) при участии отечественных и зарубежных исследователей.

3. Выводы

В рамках данной статьи мы попытались дать краткий обзор ряда проектов, реализованных в России в последние 30 лет в области преподавания иврита. Эти 30 лет не прошли даром, за это время создана собственная школа преподавания этого языка, также осуществляется интенсивная научная деятельность, уровень которой признан и в России, и за рубежом, проводятся международные конференции, издается собственный научный журнал. На данный момент все эти проекты поддерживаются российскими государственными или международными еврейскими структурами. Представляется крайне важным, чтобы эти проекты поддерживались также еврейской общиной, ведь на реальную и долговременную пользу от этих проектов можно рассчитывать только при понимании того, что развитие национального языка еврейского народа в одной из ведущих стран еврейской диаспоры при неразрывной связи с Израилем и другими странами этой диаспоры — это разные грани одного целого. Хочется верить, что скоро это станет реальностью.

Список литературы

1. *Аграновская В., Едовицкий М., Заславски Р.* Система профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателей иврита в ульпанах стран постсоветского пространства (опыт отдела образования Еврейского Агентства для Израиля на протяжении последнего десятилетия) // Материалы шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2009. Ч. 1. С. 17—24.

2. *Соломоник А.* Языковая абсорбция новых репатриантов в Израиле (на примере русскоязычной и эфиопской алии) // *Язык иврит: изучение и преподавание: материалы семнадцатой международной конференции по иудаике: в 3 т. М.: ПРОБЕЛ–2000, 2010. Вып. 32. Т. 3. С. 72–93.*
3. *Аграновски В., Заславски Р., Марьянчик Е.Б.* Компьютерное тестирование учащихся ульпанов Еврейского агентства в странах бывшего СССР // *Язык иврит: исследования и преподавание: материалы восемнадцатой международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. С. 124–135.*
4. *Аграновски В., Княжицкий И.А., Кондракова Ю.Н., Марьянчик Е.Б.* Летние школы по ивриту (2003–2005): попытка анализа // *Язык иврит: исследование и преподавание: материалы семнадцатой международной конференции по иудаике: в 3 т. М.: ПРОБЕЛ–2000, 2010. Вып. 32. Т. 3. С. 61–71.*
5. *Баркусская И.Р.* <http://www.hebrew.su/rus/publications/sefer/2011/barkusskaya.pdf> // *Язык иврит: исследования и преподавание: материалы восемнадцатой международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. С. 136–140.*
6. *Баркусская И.Р., Кондракова Ю.Н., Марьянчик Е.Б.* Иврит через грамматику: опыт преподавания в московских вузах в 1995–2009 гг. // *Язык иврит: исследование и преподавание: материалы семнадцатой международной конференции по иудаике: в 3 т. М.: ПРОБЕЛ–2000, 2010. Вып. 32. Т. 3. С. 30–45.*
7. Еврейские школы в бывшем СССР могут закрыться. Комментарии. Интервью с З. Элькиным. Новостной портал NEWSru.co.il. URL: http://newsru.co.il/israel/18may2010/heftziba_101.html (дата обращения: 15.07.2018).
8. *מַתְּרֵיב* URL: <http://cms.education.gov.il/EducationCMS/Units/Heftziba/OdotHeftziba/MatrotHagdrot.htm> (дата обращения 10.06.2018).
9. *Заславски Р., Марьянчик Е.Б.* Об опыте внедрения программы NETA в VI–XII классах еврейских школ стран СНГ (2005–2013 гг.) // *Еврейская речь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. № 1. С. 108–126.*
10. *Едовицкий М.* Специфика преподавания иврита школьникам-репатриантам в Израиле // *Язык иврит: исследование и преподавание: материалы десятой и одиннадцатой ежегодных международных междисциплинарных конференций по иудаике. М., 2004. С. 14–25.*
11. *ג. מרובג ו. תירבעל תיבה תפשמ וג ידלי לש רבעמב מיבלש העברא: תופשה ייב.* // *Еврейская речь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. № 3-2. С. 28–31.*
12. *Шимон Т., Пирлес С.* TaL AM: естественный подход к изучению иврита // *Язык иврит: исследование и преподавание: материалы восемнадцатой международной конференции по иудаике. М.: ПРОБЕЛ–2000, 2011. Вып. 38. Т. 5. С. 141–155.*
13. *Минашкина К., Бутеева Ю.* К вопросу о роли консультанта-методиста в области школьного преподавания иностранных языков (на примере преподавания иврита в старших классах РФ, Украины и Республики Молдовы) // *Израиль древний и новый. Труды кафедры иудаики. Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М.: Индрик, 2015. С. 129–142.*
14. *Кравцова А.Л.* К вопросу о индивидуальных занятиях по ивриту в Москве // *Еврейская речь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. № 6. С. 28–45.*
15. *Костенко Ю.И.* Преподавание иврита в МГИМО // *Язык иврит: исследование и преподавание: материалы девятнадцатой международной конференции по иудаике. М.: ПРОБЕЛ–2000, 2012. Вып. 43. Т. 4. С. 100–108.*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.02.2019

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кондракова Ю.Н. Изучение современного иврита в России: многообразие целей и пути их достижения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 424—442. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-424-442

Сведения об авторе:

Кондракова Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иврита и западноевропейских языков Академии им. Маймонида Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина. E-mail: kondrakova.yulia@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01295, Санкт-Петербургский государственный университет).

Study of Modern Hebrew in Russia: Variety of Goals and Ways to Achieve them

Yulia N. Kondrakova

Kosygin State University of Russia
1 Malaya Kaluzhskaya str., Moscow, 119071, Russian Federation

The article is devoted to the topic of Modern Hebrew education in Russian Federation. In particular, it describes that Hebrew, being the language that was restricted or even completely forbidden to study for many years, today can be studied at different levels and various formats: starting from kindergarten and ending with PhD thesis, which applies not only for Jewish people. Hebrew is studied at multiple language courses that are sometimes set up by Jewish organizations. Moreover, in recent years one can see the growth in number of private groups that provide a highly demanded service of online-courses. All in all, in the past 30 years the proprietary school of Hebrew teaching was founded that is involved in scientific activities, international conferences and has its own periodical scientific journal.

Key words: Modern Hebrew, Russia, ulpan, school, university, teaching, research

References

1. Agranovski, V., M. Yedovitzky, and Zaslavski R. 2009. “Sistema professional’noj podgotovki i povysheniya kvalifikacii prepodavatelej ivrita v ulpanah stran postsovetskogo prostranstva (opyt otdela obrazovaniya Evrejskogo Agentstva dlya Izrailya na protyazhenii poslednego desyatiletija)” [The System of Vocational Training and Advanced Training for Hebrew Teachers in Ulpans of the Post-Soviet Countries (experience of the Education Department of the Jewish Agency for Israel over the past decade)] in *Materialy shestnadcatoj ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*. Moscow. Print. (In Russ.)
2. Solomonik, A. 2010. *Yazykovaya absorbcija novyh repatriantov v Izraile (na primere russkoyazychnoj iehfiopskojalii)* [Linguistic absorption of new immigrants in Israel (on the example of Russian-speaking and Ethiopian aliyah)]. *Yazyk ivrit: izuchenie i prepodavanie: materialy semnadcatoj mezhdunarodnoj konferencii po iudaike*. Moscow: PROBEL—2000. 32. 3: 72—93. Print. (in Russ.)
3. Agranovski, V., R. Zaslavski, and Maryanchick E.B. 2011. *Kompyuternoe testirovanie uchashchihsya ulpanov Evrejskogo agentstva v stranah byvshego SSSR* [Computer testing of ulpan students of the Jewish Agency in the countries of the former USSR] in *Yazyk ivrit: issledovaniya i prepodavanie. Materialy vosemnadcatoj mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike*. Moscow. 124—135. Print. (In Russ.)

4. Agranovski, V., Knyazhizkiy I.A., Kondrakova Yu.N., Maryanchick E.B. 2010. Letnie shkoly po ivritu (2003–2005): popytka analiza [Hebrew Summer Schools (2003–2005): an attempt to analyze]. *Yazyk ivrit: issledovanie i prepodavanie: materialy semnadcatoj mezhdunarodnoj konferencii po iudaike*. Moscow. Print. (In Russ.)
5. Barkusskaya, I.R. 2011. Interaktivnye videouroki (praktika i razvitie osnovnyh navykov, neobhodimyh pri izuchenii inostrannogo yazyka v formate videouroka) [Interactive video lessons (practice and development of basic skills required when learning a foreign language in the format of a video lesson)]. *Yazyk ivrit: issledovaniya i prepodavanie. Materialy vosemnadcatoj mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike*. Moscow. 136–140. Print. (In Russ.)
6. Barkusskaya, I.R., Kondrakova Yu.N., and Maryanchick E.B. 2010. Ivrit cherez grammatiku: opyt prepodavaniya v moskovskih vuzah v 1995–2009 gg. [Hebrew through grammar: teaching experience in Moscow universities in 1995–2009]. *Yazyk ivrit: issledovanie i prepodavanie: materialy semnadcatoj mezhdunarodnoj konferencii po iudaike*. Moscow: PROBEL. Print. (In Russ.)
7. Evrejskie shkoly v byvshe SSSR mogut zakryt'sya. Kommentarii. Interv'yu s Z. Elkinym Novostnoj portal NEWSru.co.il [Jewish Schools in the former USSR may close. Comments. Interview with Z. Elkin. News portal NEWSru.co.il]. Web. URL: http://newsru.co.il/israel/18may2010/heftziba_101.html (accessed: 15.07.2018). (In Russ.)
8. Hefciba [Hefziba]. URL: <http://cms.education.gov.il/EducationCMS/Units/Heftziba/OdotHeftziba/MatrotHagdrot.htm> (accessed: 10.06.2018). (in Hebrew)
9. Zaslavski, R., Maryanchick E.B. 2013. Ob opyte vnedreniya programmy NETA v VI–XII klassah evrejskih shkol stran SNG (2005–2013 gg.) [The experience of implementing the NETA program in grades VI–XII of Jewish schools in the CIS countries (2005–2013)] in *The Jewish Speech*. St. Petersburg: Izd-vo «Akademiya Issledovaniy Kultury». Print. (In Russ.)
10. Yedovitzky, M. 2004. Specifika prepodavaniya ivrita shkol'nikam-repatriantam v Izraile [Specificity of Hebrew teaching to immigrant pupils in Israel] in *Yazyk ivrit: issledovanie i prepodavanie Materialy desyatoy i odinnadcatoy ezhegodnyh mezhdunarodnyh mezhdisciplinarnykh konferencij po iudaike*. Moscow. 14–25. Print. (In Russ.)
11. Gorbat, N. 2016. Beynhasafot [Among the Languages: Four stages of the Pre-school Children Transition from the Native Language to Hebrew]. *The Jewish Speech*. SPb.: Izd-vo «Akademiya Issledovaniy Kultury» 3-2. Print. (In Hebrew).
12. Shimon, T., Pirls S. 2011. TaL AM: estestvennyj podhod k izucheniyu ivrita [Tal AM: Natural Approach to Hebrew Studying]. *Yazyk ivrit: issledovanie i prepodavanie: materialy vosemnadcatoj mezhdunarodnoj konferencii po iudaike*. Moscow: PROBEL–2000. Print. (In Russ.)
13. Minashkina, K., Buteeva Yu. 2015. K voprosu o roli konsultanta-metodista v oblasti shkolnogo prepodavaniya inostrannykh yazykov (na primere prepodavaniya ivrita v starshih klassah RF, Ukrainy i Respubliki Moldovy) [On the question of the role of a consultant-methodologist in the field of school teaching of foreign languages (on the example of Hebrew teaching in senior classes of the Russian Federation, Ukraine and the Republic of Moldova)]. *Izrail' drevnij i novyj. Trudy kafedry iudaiki. Institut stran Azii i Afriki, Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova*. Moscow, Indrik. 129–142. Print. (In Russ.)
14. Kravtsova, A.L. 2016. K voprosu o individual'nykh zanyatiyah po ivritu v Moskve [Hebrew teaching — an experience of the private practice]. *The Jewish Speech* 6: 28–45. Print. (In Russ.)
15. Kostenko, Yu.I. 2012. Prepodavanie ivrita v MGIMO [Teaching Hebrew in MGIMO University]. *Yazyk ivrit: issledovanie i prepodavanie: materialy devyatnadcatoj mezhdunarodnoj konferencii po iudaike*. Moscow: PROBEL–2000, 4: 100–108. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 01.02.2019

Accepted: 09.03.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kondrakova, Yu.N. 2019. “Study Of Modern Hebrew In Russia: Variety Of Goals And Ways To Achieve Them”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 424—442. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-424-442

Bio Note:

Yulia N. Kondrakova is a Candidate of Philological Sciences, Head of the Hebrew and Western European Languages Department of Maimonides Academy of the Kosygin State University of Russia. E-mail: kondrakova.yulia@gmail.com

Foundation:

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 17-18-01295, St. Petersburg State University).

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-443-451

Гачев ушел, но остался с нами

Е.И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, ГСП-3

Судьба одарила меня прикосновением к уникальному миру Георгия Дмитриевича Гачева — возможностью услышать его добрые слова, его суждения о моей докторской диссертации. Изучая национальный образ мира родного российско-немецкого этноса, явленный в его литературе, и соотношение жанровых и этнических процессов, я была вдохновлена трудами Г.Д. Гачева как крупнейшего исследователя национальных образов мира, автора теоретических работ по жанру. Георгий Дмитриевич должен был быть первым оппонентом моей докторской диссертации на тему «Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв.». Защита в МГУ им. М.В. Ломоносова была назначена на 5 июня 2008 года, Георгия Дмитриевича не стало 23 марта. Его цельный отзыв о диссертации находится, пожалуй, там, откуда Воланд извлек рукопись Мастера... Я с благодарностью вспоминаю теплое рукопожатие Георгия Дмитриевича, его горячую поддержку.

Имя Гачева сопровождало меня с раннего студенчества. Помню, как в 1990 году в читальном зале я, студентка-первокурсница, оторвала удивленный взгляд от книги («Надо же!»), в которой — вот она! — ухваченная и сознанием, и подсознанием истина, а законспектировать ее можно, только приложив сотворческие усилия. И мне, 17-летней, такое сотворчество, помню, стало очень интересно. Передо мной тогда лежала книга Георгия Дмитриевича Гачева о национальных образах мира. Конспектирование Гачева — совершенно особенное занятие. Сохранилась тетрадка с теми записями. Я и продолжала в ней мысли Георгия Дмитриевича, и рисовала, и записывала обрывки своих новорожденных стихов — словом, пела душой.

Необъяснимый (но факт) сплав науки и искусства живет в неподражаемом гачевском стиле. Его научная мысль явно живая, не только концептуально, но и стилистически захватанная. Парадокс, который объясним уникальностью его личности: своими метафорическими изгибами мысль Гачева должна бы уклоняться от прямого понимания, но попадает прямо, причем одновременно в душу и разум, в правое полушарие и левое. Гачевым нельзя было не заинтересоваться, не заболеть.

© Зейферт Е.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Уже в кандидатской диссертации на тему «Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века», защищенной в 1999 году в Алматинском государственном университете им. Абая, моя опора на Гачева стала фундаментальной, методологической — именно его разработанное вместе с В. Кожинным определение жанра как «отвердевшего содержания» легло в основу работы. На моих глазах выстраивалась модель жанра романтического отрывка как лирического манифеста с неповторимыми формально-содержательными признаками — графическим эквивалентом текста, начальными и финальными многоточиями и неполными строками и др.

В 1997—1998 годы, помимо работы над кандидатской, преподавания в вузе и литературно-критической работы, я начала реализовывать свою мечту изучать национальные образы мира. Именно в 1998 году во мне обостренно проснулась этничность — пожалуй, только в 23—24 года я стала осознавать себя не русской, не немкой, а российской немкой. И на помощь вновь пришел фонтанирующий идеями Гачев.

Его имя, ликующе и жизнерадостно, произнес и казахстанский литературовед, доктор филологических наук Виктор Владимирович Бадиков, когда в 1998 году спросил меня: «Какие научные вопросы интересуют вас, Лена, помимо жанроведения?» Я тут же ответила: «Национальный образ мира в литературе!» И он сказал: «О, это Гачев!», обняв этим именем весь спектр мнений, проблем, этнических переживаний.

Через годы именно Виктор Бадиков стал консультантом моей докторской диссертации.

Странная, страшная игра судьбы с цифрами. 17 марта 2008 года я в последний раз разговаривала с Георгием Дмитриевичем. 23 марта он погиб. 17 апреля ко мне в последний раз позвонил Виктор Владимирович. Он погиб в автокатастрофе 23 апреля 2008 года. Мой очерк памяти В. Бадикова опубликован в трудах конференции, проведенной в честь 70-летия Виктора Владимировича его родным вузом — Казахским национальным педагогическим университетом им. Абая.

Лично с Георгием Дмитриевичем Гачевым в 2007 году меня познакомила его ученица, исследователь художественного билингвизма, доктор филологических наук, профессор РУДН Улданай Максutowна Бахтикиреева. Ее докторская диссертация «Художественный билингвизм и особенности художественного текста писателя-билингва» опирается на фундаментальные идеи Г. Гачева об особых ментальных и творческих возможностях двуязычного или многоязычного писателя. В одном из разговоров о моей докторской Улданай дала мне номер телефона Георгия Дмитриевича и тем самым подарила ни с чем не сравнимую радость личного общения с ним.

В 2008 году для Улданай я стала, к сожалению, дважды вестницей смерти. В марте первая сообщила ей о смерти Георгия Гачева, в мае — увидев сообщение в новостной линейке mail.ru — о смерти тоже ставшего для нее близким человека — Чингиза Айтматова.

Передав Георгию Дмитриевичу в Перedelкино свою монографию «Жанровые процессы в поэзии российских немцев первой половины XX — начала XXI вв.», изданную по одноименной докторской диссертации (книга получилась под ты-

сачу страниц), я не осмелилась сразу позвонить и узнать его мнение, но — о чудо! — Георгий Дмитриевич сам разыскал меня через Улданай. Великие люди просты. Их импульсы непостигаемы. Когда Георгий Дмитриевич позвонил мне, рядом с Улданай находилась доцент Р.Г. Баяманова из Караганды, ранее — моя преподавательница, потом коллега, с которой мы проработали долгое время в одном вузе.

Я позвонила Георгию Дмитриевичу. Узнав меня, он начал говорить еще более открыто, добро. Он был бесконечно рад моей любви к родному этносу и щедро говорил об этом. «Лена, так любить свой народ — подвиг!» — такие фразы не забудешь. Я благодарна за это доброе дуновение в моей жизни!

Для меня было важно исследовать литературу родного этноса, будучи российской немкой. Наверное, у каждого человека есть своя этническая миссия. Очевидно, одним из моих этнических заданий как литературоведа, стиховеда был комплексный теоретический анализ российско-немецкой поэзии. Недаром острый интерес к своим национальным корням и изучению родной литературы возник у меня именно в 1998 году, когда я завершила кандидатскую диссертацию и стала, как говорится, квалифицированным научным специалистом.

О гибели Георгия Дмитриевича я узнала от своей московской подруги. У нее в сентябре 2007 года родился сын, которому счастливые супруги, Ирина и Дмитрий, дали имя Георгий. Я сразу же сказала Ире: «Вы назвали сына в честь Гачева!» Она заинтересовалась его личностью, и я рассказала о Георгии Дмитриевиче, а Дима, кандидат философских наук, поддержал меня. Когда дочь Георгия Дмитриевича Анастасия Гачева передала информацию о гибели отца на радио «Эхо Москвы», Ирина услышала эту новость и написала мне по E-mail два слова: «Умер Гачев». Я сразу позвонила в МГУ, Олегу Алексеевичу Клиngu, там еще не знали. Он завел речь о замене оппонента, и замена произошла практически сразу, но у меня земля ушла из-под ног. Смерть Георгия Дмитриевича перевернула сознание. Я не спала две ночи...

Канал «Культура» транслировал кадры, где Гачев живой. Было больно смотреть. Я читала тогда его книги. Ставя их обратно на полку, прикасалась к их корешкам пальцами. Вспоминала последний разговор с Георгием Дмитриевичем, живые ноты его голоса.

...Сердце еще не знало, как — нет, не восполнить! — как хотя бы немного прикрыть возникшую в нем лакуну, боль не отпускала ни на секунду.

На следующий день после ухода Георгия Дмитриевича я разговаривала с его дочерью Анастасией... Тон диалога был горячим, доверительным, взволнованным. У Анастасии удивительно отзывчивое сердце, в полной мере отразилась в ней душа ее отца. Семья Гачевых — Георгий Дмитриевич, Светлана Григорьевна (известный ученый, доктор филологических наук) и их дети — воспринимается как счастливая, полнокровная частичка бытия, клеточка Божьего сознания. Анастасия Георгиевна, сама того не зная, помогла осознать, что произошло со мной — смерть Георгия Дмитриевича всколыхнула, даруя особую трепетность познания жизни и особое, в бытийном смысле жизнелюбие. Я стала немного новой. Правда, это было очень болезненно, на живую. По воле судьбы я теперь всегда буду жить в состоянии предвкушения диалога с Георгием Дмитриевичем.

И как человек, и как ученый Георгий Гачев обладал «особым талантом зрения».

Его интересовала «гносеология»: «какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой Космос (миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования». Национальные образы мира из книг Гачева словно оживали у меня в сознании, пересекаясь с разными его ипостасями. Я ценю труды Георгия Дмитриевича как человек, родившийся в Казахстане, живущий в России, как на три четверти российская немка, на одну четверть еврейка. Казахстанский и российский, немецкий и еврейский национальные образы мира взаимодействуют в моем сознании и подсознании.

Этническую картину мира казахов Гачев представил в своей книге «Национальные образы мира Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия)» на примере романного творчества Роллана Сейсенбаева. Г. Гачев выступил и автором вступительной статьи к новому собранию сочинений Р. Сейсенбаева, увидевшему свет в 2008 году, уже после смерти ученого.

Не успела я в Караганде ознакомиться с гачевской работой о казахском национальном образе мира, как в мою жизнь вошел этот известный казахстанский романист, алматинец Роллан Сейсенбаев, чьи романы были предметом углубленного рассмотрения Гачева. Роллан Шакенович в 2003 году приехал по литературным делам в Караганду, и между нами завязалась крепкая творческая дружба. Я много писала по просьбе Роллана Шакеновича — литературные обзоры, рецензии, интервью; стала членом редколлегии его журнала литератур народов мира “AMANAT”, участницей организуемых им фестивалей; под эгидой Международного клуба Абая, президентом которого является Роллан Шакенович, выпустила в свет сказочную этнофилологическую повесть о Караганде.

Глубоко и многосторонне Гачев постиг и немецкую ментальность. Если сопоставить этнические картины России и Германии, то, по выводам Г. Гачева, для германцев «роднее» время, для русских — пространство; Германия — вертикаль (“Tiefe” («глубина»), “Höhe” («высота»), “Stammbaum” («родословное древо»)), Россия — горизонталь («бесконечные просторы»); у Германии — мужское начало, у России — женское; в Германии преобладает ургия («немец просто органически не может работать плохо»), в России — гонимая. Модель мира для немцев, по Г. Гачеву, — дом. Для русских — это направление в бесконечность, путь-дорога. Сделаем обобщение: у российских немцев обнаруживается совмещение этих двух моделей — путь-дорога к дому. Германии, в том числе немецкой философии, Г. Гачев в своих трудах уделил большое внимание. Так, в своей работе «Осень с Кантом. Образность в “Критике чистого разума”» ученый предлагает «перепрочтение» философской доктрины Канта о «чистом разуме», видя в основе «строгих» терминов образность, метафору.

Одной из задач моей докторской диссертации была реконструкция этнической картины мира российских немцев посредством изучения литературных источников (в связи с заявленной темой в большинстве своем поэтических; прозаические источники иногда привлекались в качестве фона), в основном периода второй половины XX — начала XXI вв., а также привлечения исторических, публицистических, эпистолярных источников.

По мнению Г. Гачева, в германской модели мира заложено противоречие «механического повиновения немцев любой власти» духу отрицания, «динамическому духу германства, склонности к протесту»¹. Подобное противоречие не могло не найти отражения в критических для российских немцев ситуациях (депортация, трудовая армия, спецпоселение, эмиграция). В Германии и в России «преобладает растительный символизм», потому что немецкий и русский народы искони ведут оседлый образ жизни.

У российских немцев наблюдается обостренный интерес к растительной символике, поскольку, будучи оседлым народом, российские немцы были вынуждены вести «кочевой» образ жизни. Анализ российско-немецкой басни показывает преобладание флористических образов над более традиционными для басни анималистическими. Внимание во всех жанрах и внежанровых стихотворениях уделяется хрупким растениям (Вильмс В. «Я былинка...»), в том числе растениям, потерявшим корни. Особенно распространен образ «перекати-поле», вошедший и в образное самоопределение российско-немецкого народа: «Мы не пыль на ветру, мы не перекати-поле...».

Актуализируются образы семян, легко переносимых ветром: «Подхватит ветер / спелое зерно / и унесет в края чужие, / чтоб на обочине / тропы неведомой / взошло / под тем же небом, / но в земле другой...» (Гизбрехт А. «Я колос в поле...»).

В качестве важных черт русской национальной картины мира Г. Гачев называет «необъятный простор» России и то, что Россия затягивает чужеземцев². Бескрайний простор предполагает горизонтальное измерение и отсутствие границ. Неприкаянность русского характера («не находить себе места»), явленная в таких классических произведениях, как, к примеру, «Очарованный странник» Н. Лескова, не зависит от гонений. Российские немцы же становятся неприкаянными вследствие произвольных или непроизвольных перемещений.

В качестве ведущих черт российско-немецкой ментальности можно выделить осознание окруженности своего чужим, бытования внутри другого, генетический страх перед изгнанием. Российско-немецкая культура должна развиваться не экстенсивно, а интенсивно — в противостоянии вынужденному пути скитаний, в стремлении направить путь к дому, в желании защитить свое малое пространство.

Сугубо русские черты — пассивность субъекта установки, связанная с идеей непредсказуемости мира («авось»); стремление к воле; щепетильность; задушевность, нередко доходящая до фамильярности, противоположной западноевропейскому представлению о неприкосновенности личной сферы («небось», «лезть в душу»); беспечность и лень (о которой прямо пишет, к примеру, Н. Бердяев³) — в полной мере не присущи российским немцам.

«Евразийское призвание делает Германию и Россию близкими и понятными друг другу и в культуре, и в типе психики — внутренне сосредоточенной, рефлектирующей»⁴. Это усиливает гибридность российско-немецкой культуры.

¹ Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. С. 115.

² Гачев Г. Указ. соч. С. 207.

³ Бердяев Н. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности / Репринт. воспроизвед. изд. 1918 г. М.: Философское общ-во СССР, 1990. С. 64.

⁴ Гачев Г.Д. Указ. соч. С. 122.

Отдельные русские и немецкие черты приобретают у российских немцев некий гибридный характер: немецкое трудолюбие плюс русская лень, немецкая дистантность плюс русская душевность, фамильярность, немецкая организованность и деятельность плюс русская беспечность и пассивность.

Некоторые элементы немецкого или русского менталитета российские немцы вообще не перенимают. Так, дуальность ценностной ориентации русской культуры (Ю. Лотман), оппозиция «высокого» и «низкого» («в частности как низкое часто воспринимается все, что связано с повседневной жизнью, житейской устроенностью и материальным достатком»¹) не свойственна российским немцам, у которых, напротив, выявляется связанное с культом дома внимание к быту, даже поэтизация быта (стихотворения В. Шнитке о детстве в немецкой деревне), желание поднять материальный достаток (Янке С. «Разбогатеть смогу я без труда»).

У российских немцев наблюдается большая склонность к немецким чертам, чем к русским, что объяснимо генетически. В то же время перенять весь спектр черт немецкой ментальности российские немцы не могли, так как их предки попали в Россию еще до того, как окончательно сформировалась немецкая нация².

Каждый естественный язык отражает определенное мировоззрение, языковую картину мира. Российские немцы пользуются словами двух языков — немецкого и русского, интуитивно принимая их смыслы как готовые истины. Поскольку российско-немецкий этнос является двуязычным и своего рода двументальным, для языковой картины мира российских немцев важны и немецкие, и русские слова. Анализ немецкоязычных и русскоязычных произведений российских немцев определяет их интерес к лингвоспецифичным словам обоих языков. Комбинация данных слов составляет уникальный набор культурно значимых для российско-немецкого народа концептов.

Российские немцы в чистом виде не перенимают русские и немецкие ключевые идеи. Перечень русских идей представлен в научном сборнике А. Зализняк, И. Левонтиной, А. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира»³. Немецкие ключевые слова исследовали Н. Мекленбург, А. Вежбицкая⁴ и др. О русском и немецком национальных образах мира обстоятельно пишет Г. Гачев⁵.

¹ Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. О пошлости и прозе жизни // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 175.

² Harold J. Deutsche Identität. 1770—1990 / Aus dem Englischen von W. Müller. Frankfurt: New York, 1991. S. 17. [Гарольд Дж. Немецкая идентичность. 1770—1990 / пер. с англ. В. Мюллера. Франкфурт: Нью-Йорк, 1991. С. 17]; и др.

³ Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 11.

⁴ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 44—122; Mecklenburg N. Rettung der Besonderen. Konzepte für die Analyse und Bewertung regionaler Literatur // Kolloquium zur literarischen Kultur deutschsprachigen Bevölkerungsgruppen im Ausland. Referate und Auswahl bibliografie. Hrsg. A. Ritter. Flensburg, 1984. S. 10—14. [Мекленбург Н. Спасение особенных. Концепты анализа и оценки региональной литературы // Коллоквиум по литературной культуре немецкоязычных групп населения за рубежом. Доклады и выборочная библиография / Сост. А. Риттер. Фленсбург, 1984. С. 10—14].

⁵ Гачев Г. Национальные образы мира. С. 112—127, 207—215.

Из выделяемых учеными русских концептов «душа», «судьба», «тоска», «счастье», «разлука», «справедливость» к российско-немецкой картине мира близки «тоска» и «справедливость», однако и они отнюдь не идентичны российско-немецким ключевым идеям “das Heimweh”/«тоска по родине» и “das Recht”/«право».

Многую были подробно рассмотрены основные российско-немецкие ключевые понятия “das Heim”/“die Heimat”/«(родной) дом»/«Родина», “die Angst”/«страх (из-за уязвимости)», “der Weg”/«путь», “die Verbannung”/«изгнание», “die Hoffnung”/«надежда». «Нация — это прежде всего территория. Народ — это прежде всего тела людей. Народ может перемещаться, изгоняться, рассеиваться»¹. Российско-немецкий народ — один из народов-изгнанников, чем прямо обусловлено формирование именно этих ключевых понятий.

Следуя уникальной методике выявления национальной модели мира Г. Гачева, Космос российских немцев можно определить как путь к дому, Логос — острое желание законного отношения к родному этносу, Психею — состояние постоянной уязвимости. Свойственная русскому народу широта, экстенсивность, во многом обусловленная влиянием на русского человека бескрайних русских просторов, не может быть в полной мере свойственна российским немцам, интенсивность культуры которых вытекает из противостояния открытости пути изгнания.

Г. Гачев называет германской моделью мира именно Дом: «...все видится как структура (мир — миро-здание) с разделением на внутреннее, где “Я”, и внешнее, где “Не-Я”, то есть диалог: Дом — Пространство»². Отличие германской (Дом) и российско-немецкой (стремление к Дому) моделей мира — в наличии Дома и отсутствии его (во втором случае — отсутствии Дома, но пути к нему, намерении его обрести).

Считаю, что последняя моя встреча с «живым» Георгием Гачевым, фрагмент моего прощания и продолжения знакомства с ним — это вечер памяти в честь 80-летия ученого, прошедший 17 мая 2009 года в ЦДЛ. В фойе гостей встречала выставка — цельный взгляд на жизнь и творчество Гачева. Экспозиция из фотографий, отражающих «спайку жизни и мысли», которую проповедовал Гачев, его портретов, написанных в числе других авторов его дочерью Ларисой, цитат из дневников Георгия Дмитриевича впускала в свое пространство, как в дом, как в кольцо рук. На одной из работ руки дочери — Гачев с черной книгой в руках, под яблоней... Учеба в МГУ, работа учителем в Брянске, черноморский флот, Институт мировой литературы, жизнь в Переделкино... С фотоснимков разных жизненных вех смотрел Гачев молодой и Гачев не стареющий.

Начали вечер каждением и поминальной молитвой. Память о Георгии Дмитриевиче, родившемся в канун Пасхи, всегда будет связана с этим светлым праздником.

Слайды из жизни Г. Гачева от младенчества до зрелого возраста, видеок cadры его разговоров, выступлений... Пальцы Гачева энергично стучат по клавишам печатной машинки, лицо сосредоточено. Многие его реплики вызывают живую,

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. С. 21.

² Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. С. 24.

теплую улыбку. «Журналист злободневен, я доброгоден». О жене Светлане: «Хотел получить секретаря, а получил Сократа». Для аналогии с собой находит образ старицы, бытующей на обочине. Называет благодетелями врагов, по воле которых в свое время вышел на простор абсолютной свободы творчества, — не публиковали и тем самым дали свободу. Компьютер одну за одной перелистывает страницы «жизнемыслей» Георгия Гачева — картинки из жизни и рядом книги, вышедшие, правда, значительно позже тех лет. «Каждый миг жизни священ, я должен раскупорить его смысл, раскрыть его и записать», — говорит нам живой Гачев.

Светлана Григорьевна Семенова, вдова Георгия Дмитриевича, рассказала, как отец Георгия Димитр прививал сыну вселенское восхищение всеми этажами бытия. Сын доделал то, что в зачатке нес его отец. «Отец бьется во мне, он колотится во мне всю жизнь», — говорил Георгий Дмитриевич.

Гачев жил, углубившись в себя. Ничего не смывал, все, даже самое приниженное, доверял дневнику в непрерывной исповеди. Светлана Григорьевна не знает более откровенного дневника, чем у Гачева. Он мечтал о единственной женщине. 24 марта 1966 года он написал в дневнике: «Господи, пошли мне женщину, которая освободит меня от других женщин». Через несколько дней он повстречал Светлану Семенову.

Притягательны искренность, «исповесть», «самопредставление» Гачева как человека, которому есть, что высказать миру, есть, что сказать о себе. Георгий Дмитриевич был полон планов — работа над книгами и статьями, поездки в Италию, Болгарию. Его работа не остановилась. Давайте продолжим ее.

Гачев ушел, но остался с нами. «Есть кадры бытия, когда прошедшее еще не стало прошлым...» Еще не изданы его новые работы, в том числе новейший его эксперимент — «Национальные образы Бога». Узнавание Гачева еще впереди. Он искал сходство людей и их «возлюбленную непохожесть». И самые разные люди помнят и любят его.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.03.2019

Дата принятия к печати: 14.06.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Зейферт Е.И. Гачев ушел, но остался с нами // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 443—451. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-443-451

Сведения об авторе:

Зейферт Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: elena_seifert@list.ru

Gachev Has Gone, but Still with Us

Elena I. Seifert

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., GSP-3, 125993, Moscow, Russian Federation

Article history:

Received: 14.03.2019

Accepted: 14.06.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Seifert, E.I. 2019. “Gachev Has Gone, but Still with Us”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 443–451. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-443-451

Bio Note:

Elena I. Seifert is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Theoretical and Historical Poetics in Russian State University for the Humanities. E-mail: elena_seifert@list.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Полилингвильность и транскультурные практики» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.lgb.ru/node/2>

Внимание! Редколлегия принимает статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчета из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%), заявления.

Каждая статья проходит **анонимное (внешнее) рецензирование**. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлекцией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал как минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год) по *каталогу Роспечати, индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Список литературы»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (“REFERENCES”). Если список литературы по п. 3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, (при наличии) ученая степень и ученое звание, должность, место работы, (при наличии) названия 2-3 важных научных работ, электронная почта.

Авторские резюме (аннотации) должны быть: 1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых системах (не больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library)).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике приводится в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков, в отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> размещена программа транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Полилингвильность и транскультурные практики» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: ptpj@rudn.ru

Доп. адреса: sinyachkin-vp@rudn.ru; bakhtikireeva-um@rudn.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal “Polylinguality and Transcultural Practices” welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

Submission Requirements

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at
<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya St., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal "Polylinguality and Transcultural Practices"

E-mail: sinyachkin-vp@rudn.ru; bakhtikireeva-um@rudn.ru

We look forward to your submissions!

Требования к оформлению статей

О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается, в первую очередь, структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. Р. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p> <p>MLA-ФОРМУЛА: №. Фамилия, И.О. Год. Транслитерированное название источника [Перевод названия на английский]. Город (полностью, без аббревиации): Издательство. Печ./эл. (язык оригинала).</p>	
КНИГА ОДНОГО АВТОРА	Список литературы	References
	<i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.	Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)
КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ	<i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.	Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)
ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА	<i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.	Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)
ГЛАВА В КНИГЕ	<i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.	Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip" ["Archetype"]. In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)
КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ	Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.	Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)
ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА	<i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.	Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok [Flow]. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА	<i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)	Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From Multicultural Philosophy to the Philosophy of Transculturation]. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX . Web. (in Russ.)
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	<i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109	Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh" [Slovak Poetry in Russian Translations]. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov" [Among the Wor(l)ds]. Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika [Lyrics]. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)	Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given. For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html
IN THE TEXT (PLACEMENT)	Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].
REFERENCE LIST	GENERAL PRINCIPLES
ORDER	As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially: 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA. IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen , etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.
PUNCTUATION	Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.
BOOK	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

«Полилингвильность

и транскультурные практики»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)